

ISSN 2409-8744

www.aurora-group.eu
www.nbpublish.com

ЧЕЛОВЕК и КУЛЬТУРА

*AURORA Group s.r.o.
nota bene*

Выходные данные

Номер подписан в печать: 05-07-2025

Учредитель: Даниленко Василий Иванович, w.danilenko@nbpublish.com

Издатель: ООО <НБ-Медиа>

Главный редактор: Азарова Валентина Владимировна, доктор искусствоведения,
azarova_v.v@inbox.ru

ISSN: 2409-8744

Контактная информация:

Выпускающий редактор - Зубкова Светлана Вадимовна

E-mail: info@nbpublish.com

тел.+7 (966) 020-34-36

Почтовый адрес редакции: 115114, г. Москва, Павелецкая набережная, дом 6А, офис 211.

Библиотека журнала по адресу: http://www.nbpublish.com/library_tariffs.php

Publisher's imprint

Number of signed prints: 05-07-2025

Founder: Danilenko Vasiliy Ivanovich, w.danilenko@nbpublish.com

Publisher: NB-Media Ltd

Main editor: Azarova Valentina Vladimirovna, doktor iskusstvovedeniya, azarova_v.v@inbox.ru

ISSN: 2409-8744

Contact:

Managing Editor - Zubkova Svetlana Vadimovna

E-mail: info@nbpublish.com

тел.+7 (966) 020-34-36

Address of the editorial board : 115114, Moscow, Paveletskaya nab., 6A, office 211 .

Library Journal at : http://en.nbpublish.com/library_tariffs.php

Редакционный совет

Азарова Валентина Владимировна – доктор искусствоведения, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет, факультет искусств, профессор кафедры органа, клавесина и карильона, главный редактор журнала "Человек и культура", 199034, г. Санкт-Петербург, 9-я линия Васильевского острова, 2/11, azarova_v.v@inbox.ru

Побережников Игорь Васильевич - доктор исторических наук, заведующий сектором методологии и историографии отдела истории Института истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук.

Васильев Дмитрий Валентинович – доктор исторических наук, Российской академия предпринимательства, первый проректор, профессор, 109544, Москва, ул. Малая Андроньевская, д. 15 dvvasiliev@mail.ru

Ставицкий Владимир Вячеславович – доктор исторических наук, профессор, кафедра Всеобщей истории, историографии и археологии, Пензенский государственный университет, 440052, Россия, Пензенская область, г. Пенза, ул. Тамбовская, 9 кв.106 stawiczky.v@yandex.ru

Рошевская Лариса Павловна – доктор исторических наук, профессор, отдел гуманитарных междисциплинарных исследований Коми научного центра Уральского Отделения РАН, главный научный сотрудник, 167982, Сыктывкар, Коммунистическая, 24, lp38rosh@gmail.com

Ковалева Светланан Викторовна – доктор философских наук, доцент, Костромской государственный университет, профессор кафедры философии, культурологии и социальных коммуникаций, 156005, г. Кострома, ул. Дзержинского, 17, cultural@kstu.edu.ru

Хренов Николай Андреевич – доктор философских наук, профессор, Государственный институт искусствознания Министерства культуры РФ, главный научный сотрудник сектора художественных проблем массмедиа Отдела зрелищных и медийных искусств, nihrenov@mail.ru

Тимощук Алексей Станиславович – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Владимира юридического института ФСИН России, 600020, Владимир, ул. Большая Нижегородская, 67-е, human@vui.vladinfo.ru

Федоровская Наалья Александровна – доктор искусствоведения, доцент, директор департамента искусств и дизайна Дальневосточного федерального университета, 690091, Владивосток, о. Русский, пос. Аякс, кампус Дальневосточного федерального университета, корп. G, ауд. 357, fedorovskaya.na@dvgu.ru

Ирхен Ирина Игоревна – доктор культурологии, доцент, Академия русского балета им. А.Я. Вагановой, профессор кафедры философии, истории и теории искусства, заведующая аспирантурой, 191023, г. Санкт-Петербург, ул. Зодчего Росси, 2 irkhen67@gmail.com

Крайнов Григорий Никандрович – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры «Политология, история и социальные технологии», Российский университет транспорта (МИИТ), 127994, г. Москва, ул. Образцова, 9, стр. 2. [kainovgn@mail.ru](mailto:krainovgn@mail.ru)

Скопа Виталий Александрович – доктор исторических наук, доцент, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования

«Алтайский государственный педагогический университет», профессор кафедры Историко-культурного наследия и туризма, 656031, г. Барнаул, ул. Молодежная, 55.
sverhtitan@rambler.ru.

Тищенко Наталья Викторовна – доктор культурологии, ФГБОУ ВО «Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю.А.», профессор кафедры истории Отчества и культуры, 410004 г. Саратов, ул. Политехническая, 17,
mihailovan@inbox.ru

Смирнов Алексей Викторович – доктор философских наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет, 199034, г Санкт-Петербург, Менделеевская линия, 5,
darapti@mail.ru

Жиртуева Наталья Сергеевна – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры «Политология и международные отношения», Институт общественных наук и международных отношений, Севастопольский государственный университет, г. Севастополь, ул. Университетская, 33, zhr_nata@bk.ru

Шульгина Ольга Владимировна – доктор исторических наук, кандидат географических наук, профессор, Московский городской педагогический университет, кафедра географии, 129226, Россия, г. Москва, проезд 2-й Сельскохозяйственный, 4,

Айермакхер Карл — профессор, основатель Института русской культуры им. Ю. М. Лотмана Рурского университета (г. Бохум, Германия) и Международного учебно-научного центра «Высшая школа европейских культур» Российского государственного гуманитарного университета, художник. Universitätsstraße, 150. 44801, Bochum, Deutschland.

Вашик Клаус — доктор философии, профессор, директор Международного учебно-научного центра «Высшая школа европейских культур» Российского государственного гуманитарного университета, управляющий делами Института русской культуры имени Ю. М. Лотмана Рурского университета (г. Бохум, Германия). Universitätsstraße 150. 44801 Bochum, Deutschland

Герра Ренэ — доктор филологических наук, профессор Университета Ниццы, почетный академик Российской академии художеств, создатель и руководитель Ассоциации по сохранению русского культурного наследия во Франции (г. Ницца, Франция). 24, Avenue des Diables Bleus, 06101 Nice, France.

Жос Франсуа — PhD, профессор Университета Париж-III (Новая Сорbonna), руководитель Научного центра по изучению аудиовизуальной культуры, писатель, режиссер (Париж, Франция) IRCAV/Sorbonne Nouvelle, 13 rue Santeuil, 75005 Paris, France.

Кьюцци Паоло — профессор факультета этнологии и антропологии Флорентийского университета (г. Флоренция, Италия). Università degli Studi di Firenze - P.zza S.Marco, 4 - 50121 Firenze – Centralino, Italy.

Строев Александр Федорович — доктор филологических наук, заведующий кафедрой сравнительного литературоведения Университета Париж-III (Новая Сорbonna) (Париж, Франция) IRCAV/Sorbonne Nouvelle, 13 rue Santeuil, 75005 Paris, France.

Тарковска Эльжбета — профессор социологии, заведующая Группой исследования бедности Института философии и социологии Польской академии наук, и. о. директора Института философии и социологии Академии специальной педагогики им. М. Гжегожевской, главный редактор журнала «Культура и общество» (г. Варшава, Польша).

Instytut Filozofii i Socjologii PAN, ul. Nowy Swiat 72, 00-330 Warszawa, Poland.

Фейгельсон Кристиан — доктор социологии, профессор факультета кинематографии Университета Париж-III (Новая Сорbonна) (Париж, Франция) IRCAV/Sorbonne Nouvelle, 13 rue Santeuil, 75005 Paris, France.

Аллатов Владимир Михайлович — член-корреспондент Российской академии наук, заместитель директора Института языкоznания РАН. 125009, Россия, г. Москва, Б. Кисловский пер. 1/12.

Арутюнов Сергей Александрович — член-корреспондент Российской академии наук, иностранный член Национальной академии наук Армении, заведующий отделом Кавказа Института этнологии и антропологии РАН 119991, Россия, г. Москва, Ленинский проспект, 32а.

Вздорнов Герольд Иванович — член-корреспондент Российской академии наук, главный научный сотрудник Государственного научно-исследовательского института реставрации. 107114, Россия, г. Москва, ул. Гастелло, 44.

Головнев Андрей Владимирович — член-корреспондент Российской академии наук, директор Этнографического бюро, главный научный сотрудник Института истории и археологии Уральского Отделения РАН, президент Российского фестиваля антропологических фильмов. 620026, Россия, г. Екатеринбург, ул. Р. Люксембург, 56. Институт истории и археологии УрО РАН.

Ершова Галина Гавриловна — доктор исторических наук, профессор, директор Научно-исследовательского мезоамериканского центра имени Ю. В. Кнорозова Российского государственного гуманитарного университета, директор по науке и культуре Российско-мексиканского культурного центра (г. Мерида, Мексика). 125993, Россия, ГСП-3, г. Москва, ул.Чаянова, 15.

Жабский Михаил Иванович — доктор социологических наук, профессор, заведующий отделом социологии экранного искусства Всероссийского государственного университета кинематографии имени С.А. Герасимова. 125009, Россия, г. Москва, Дегтярный переулок, 8, строение 3.

Жидков Владимир Сергеевич — доктор искусствоведения, профессор, научный сотрудник Государственного института искусствознания. 125009, Россия, г. Москва, Козицкий переулок, 5.

Куделин Александр Борисович — академик Российской академии наук, заместитель академика-секретаря Отделения историко-филологических наук РАН, директор Института мировой литературы имени М. Горького РАН, член Европейской ассоциации арабистов и исламоведов. 121069, Россия, г. Москва, Поварская, 25а.

Леняшин Владимир Алексеевич — академик и член Президиума Российской академии художеств, доктор искусствоведения, профессор, заведующий отделом живописи второй половины XIX – начала XXI вв. Государственного Русского музея, заслуженный деятель искусств РСФСР. 191011, Россия, г. Санкт-Петербург, Инженерная улица, 4/2.

Лободанов Александр Павлович — доктор филологических наук, профессор, декан Факультета искусств Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова. 125009, Россия, г. Москва, ул. Б. Никитская, 3 строение 1.

Мартынова Марина Юрьевна — доктор исторических наук, профессор, заместитель

директора Института этнологии и антропологии РАН по науке, руководитель Центра европейских и американских исследований Института этнологии и антропологии РАН, заслуженный деятель науки Российской Федерации. 119991, Россия, г. Москва, Ленинский проспект, 32а.

Репина Лорина Петровна — доктор исторических наук, профессор, заместитель директора Института всеобщей истории Российской академии наук, руководитель Центра интеллектуальной истории Института всеобщей истории РАН. 119991, Россия, г. Москва, Ленинский проспект, 32а.

Топорков Андрей Львович — член-корреспондент Российской академии наук, главный научный сотрудник отдела фольклора Института мировой литературы имени М. Горького РАН. 121069, Россия, г. Москва, Поварская, 25а.

Трубочкин Дмитрий Владимирович — доктор искусствоведения, профессор Российской академии театрального искусства, директор Государственного института искусствознания. 125009, Россия, г. Москва, Козицкий переулок, 5.

Швидковский Дмитрий Олегович — академик и вице-президент Российской академии художеств, академик Российской академии архитектуры и строительных наук и Академии реставрации, доктор искусствоведения, профессор, ректор Московского архитектурного института, председатель Общества историков архитектуры, заслуженный деятель искусств Российской Федерации, почетный член Лондонского общества древностей Английской исторической академии. 107031. Россия, г. Москва, Рождественка, 11.

Шестаков Вячеслав Павлович — доктор философских наук, профессор, заведующий сектором теории искусства Российского института культурологии. 119072, Россия г. Москва, Берсеневская набережная, 18-20-22, строение 3.

Штейнер Евгений Семенович — доктор искусствоведения, главный научный сотрудник Российского института культурологии, профессор-исследователь Школы востоковедения и африкастики Лондонского университета (г. Лондон, Великобритания). 119072, Россия, г. Москва, Берсеневская набережная, 18-20-22, строение 3.

Якимович Александр Клавдианович — академик Российской академии художеств, доктор искусствоведения, заместитель председателя Ассоциации искусствоведов, главный научный сотрудник Научно-исследовательского института теории и истории изобразительных искусств РАХ. 119034, Россия, г. Москва, Пречистенка, 21.

Швыдкой Михаил Ефимович - доктор искусствоведения, профессор, научный руководитель Высшей школы культурной политики и управления в гуманитарной сфере (факультета) Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова; 119991, Российская Федерация, г. Москва, Ломоносовский проспект, МГУ имени М.В.Ломоносова, 27, корпус 4 (Шуваловский корпус). E-mail: shvydkoy.me@gmail.com

Халипова Елена Вячеславовна - доктор юридических наук, доктор социологических наук, профессор, декан Высшей школы культурной политики и управления в гуманитарной сфере (факультета) Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова; E-mail: khalipova.ev@gmail.com

Астафьевова Ольга Николаевна — доктор философских наук, профессор, заведующая сектором стратегий социокультурной политики Российского института культурологии, председатель Московского культурологического общества. 119072, Россия, г. Москва, Берсеневская набережная, 18-20-22, строение 3.

Буданова Вера Павловна — доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории Историко-архивного института Российского государственного гуманитарного университета. 119991, Россия, г. Москва, Ленинский проспект, 32а. Институт всеобщей истории РАН.

Васильев Алексей Григорьевич — заместитель директора Российского института культурологии, кандидат исторических наук, доцент. 119072, Россия, г. Москва, Берсеневская набережная, 18-20-22, строение 3.

Кондаков Игорь Вадимович — доктор философских наук, профессор кафедры истории и теории культуры факультета истории искусства Российского государственного гуманитарного университета. 125993, Россия, ГСП-3, г. Москва, ул. Чаянова, 15.

Рылёва Анна Николаевна — доктор культурологии, главный научный сотрудник и руководитель Центра непрерывного культурологического образования Российского института культурологии. 119072, Россия, г. Москва, Берсеневская набережная, 18-20-22, строение 3.

Шемякин Яков Георгиевич — доктор исторических наук, заведующий отделом энциклопедических изданий Института Латинской Америки Российской академии наук. 115035, Россия, г. Москва, ул. Большая Ордынка, 21.

Шукров Дмитрий Леонидович - доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры истории и культурологии ФГБОУ ВО "Ивановский государственный химико-технологический университет". E-mail: shoudmitry@yandex.ru

Бережная Наталья Викторовна - доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии и методологии науки Южно-Российского института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при президенте Российской Федерации. E-mail : rassgd@yandex.ru

Портнова Татьяна Васильевна - доктор искусствоведения, профессор Институт Славянской культуры РГУ им А.Н. Косыгина. E-mail: infotatiana-p@mail.ru

Заховаева Анна Георгиевна - доктор философских наук, доцент, профессор кафедры гуманитарных наук ФГБОУ ВО «Ивановская государственная медицинская академия» Минздрава России. 153012, Российская Федерация, Ивановская область, г. Иваново, Шереметевский проспект, 8. E-mail: ana-zah@mail.ru

Прохоров Михаил Михайлович - доктор философских наук, профессор, профессор кафедры истории, философии, педагогики и психологии, Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет. 603950, Россия, г. Нижний Новгород, ул. Ильинская, дом 65. mmpo@mail.ru

Бурукина Ольга Алексеевна - кандидат филологических наук, доцент доцент Российского государственного гуманитарного университета, ст. исследователь Университета Вааса, Финляндия. 125993, ГСП-3, Москва, Миусская площадь, д. 6 obur@mail.ru

Аринин Евгений Игоревич - доктор философских наук, Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовы, заведующий кафедрой, 600005, Россия, Владимирская область область, г. Владимир, ул. Студенческая, 12, кв. 16, eiarinin@mail.ru

Бесков Андрей Анатольевич - Doctor of Philosophy (Ph. D), ФГБОУ ВО «Нижегородский государственный педагогический университет имени Козьмы Минина», Заведующий лабораторией «Трансформация духовной культуры в современном мире», 603162, Россия, Нижегородская область, г. Нижний Новгород, ул. Ванеева, 116, beskov_aa@mail.ru

Блейх Надежда Оскаровна - доктор исторических наук, Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л.Хетагурова, профессор кафедры психологии психолого-педагогического факультета, 362043, Россия, республика Северная Осетия-Алания, г. Владикавказ, ул. Владикавказская, 16, кв. 32, nadezhda-blejkh@mail.ru

Грибер Юлия Александровна - доктор культурологии, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Смоленский государственный университет», профессор, директор Лаборатории цвета, 214000, Россия, Смоленская область, г. Смоленск, ул. 2-я Линия Красноармейской Слободы, 9, кв. 10, Y.Griber@gmail.com

Лисенкова Анастасия Алексеевна - доктор культурологии, ФГБОУ ВО "Пермский государственный институт культуры", проректор по науке и цифровой трансформации, 614000, Россия, Пермский край край, г. Пермь, ул. 25-Октября, 4, кв. 43, Oskar46@mail.ru

Пархоменко Татьяна Александровна - доктор исторических наук, Российской научно-исследовательский институт культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачёва, Руководитель отдела культурологии - главный научный сотрудник, нет, нет, 125315, Россия, г. Москва, ул. ул. Часовая, д. 12, кв. 27, ParchomenkoT@yandex.ru

Сивкина Наталья Юрьевна - доктор исторических наук, Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, профессор кафедры истории древнего мира и средних веком института международных отношений и мировой истории, 603000, Россия, Нижегородская область область, г. Нижний Новгород, проспект Ленина, 63, кв. 22, natalia-sivkina@yandex.ru

Ульянов Олег Германович - доктор исторических наук, профессор МГУ им. М.В. Ломоносова, professor.ulyanov@gmail.com

Шаронова Елена Александровна - доктор филологических наук, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва», профессор кафедры русской и зарубежной литературы, 430034, Россия, республика Мордовия, г. Саранск, ул. Проспект 60 лет Октября, 10, кв. 24, sharon.ov@mail.ru

Шевцова Анна Александровна - доктор исторических наук, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский педагогический государственный университет», Профессор кафедры культурологии, 127018, Россия, Москва, г. Москва, ул. Стрелецкая, 14к1, кв. 164, ash@inbox.ru

Шульгина Ольга Владимировна - доктор исторических наук, Государственное автономное образовательное учреждение высшего образования города Москвы "Московский городской педагогический университет" (ГАОУ ВО МГПУ), Заведующий кафедрой географии и

туризма, 119192, Россия, Москва, г. Москва, Мичуринский проспект, 56, кв.
879, Olga_Shulgina@mail.ru

Editorial collegium

Azarova Valentina Vladimirovna – Doctor of Art History, Associate Professor, St. Petersburg State University, Faculty of Arts, Professor of Organ, Harpsichord and Carillon Department, Editor-in-chief of the magazine "Man and Culture", 199034, St. Petersburg, 9th line of Vasilievsky Island, 2/11, azarova_v.v@inbox.ru

Igor V. Berezhnikov - Doctor of Historical Sciences, Head of the Methodology and Historiography Sector of the History Department of the Institute of History and Archaeology of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences.

Vasiliev Dmitry Valentinovich – Doctor of Historical Sciences, Russian Academy of Entrepreneurship, First Vice-Rector, Professor, 15 Malaya Andronevskaya str., Moscow, 109544 dvvasiliev@mail.ru

Stavitsky Vladimir Vyacheslavovich – Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of General History, Historiography and Archeology, Penza State University, 440052, Russia, Penza Region, Penza, Tambovskaya str., 9 sq.106 stawiczky.v@yandex.ru

Larisa P. Roshchevskaya – Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Humanities Interdisciplinary Studies of the Komi Scientific Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Chief Researcher, 167982, Syktyvkar, Communist, 24, lp38rosh@gmail.com

Svetlana V. Kovaleva – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Kostroma State University, Professor of the Department of Philosophy, Cultural Studies and Social Communications, 17 Dzerzhinskiy Str., Kostroma, 156005, cultural@kstu.edu.ru

Khrenov Nikolay Andreevich – Doctor of Philosophy, Professor, State Institute of Art Studies of the Ministry of Culture of the Russian Federation, Chief Researcher of the Sector of Artistic Problems of Mass Media of the Department of Entertainment and Media Arts, nihrenov@mail.ru

Timoshchuk Alexey Stanislavovich – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of the Department of Humanities and Socio-Economic Disciplines of the Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, 600020, Vladimir, Bolshaya Nizhegorodskaya str., 67th, human@vui.vladinfo.ru

Natalia Fedorovskaya – Doctor of Art History, Associate Professor, Director of the Department of Art and Design of the Far Eastern Federal University, 690091, Vladivostok, Russian Island, village Ajax, campus of the Far Eastern Federal University, bldg. G, room 357, fedorovskaya.na@dvfu.ru

Irhen Irina Igorevna – Doctor of Cultural Studies, Associate Professor, Vaganova Academy of Russian Ballet, Professor of the Department of Philosophy, History and Theory of Art, Head of Graduate School, St. Petersburg, 191023, Architect Rossi str., 2 irkhen67@gmail.com

Krainov Grigory Nikandrovich – Doctor of Historical Sciences, Professor, Professor of the Department "Political Science, History and Social Technologies", Russian University of Transport (MIIT), 127994, Moscow, Obraztsova str., 9, p. 2. krainovgn@mail.ru

Vitaly A. Osprey – Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Altai State Pedagogical University", Professor of the Department of Historical and Cultural Heritage and Tourism, 55 Molodezhnaya str., Barnaul, 656031. sverhtitan@rambler.ru .

Tishchenko Natalia Viktorovna – Doctor of Cultural Studies, Saratov State Technical University named after Gagarin Yu.A., Professor of the Department of History of Patronymic and Culture, Saratov, 410004, Politehnicheskaya str., 17, mihailovan@inbox.ru

Smirnov Alexey Viktorovich – Doctor of Philosophy, Associate Professor, St. Petersburg State University, 199034, St. Petersburg, Mendeleevskaya line, 5, darapti@mail.ru

Zhirtueva Natalia Sergeevna – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of the Department of Political Science and International Relations, Institute of Social Sciences and International Relations, Sevastopol State University, Sevastopol, Universitetskaya str., 33, zhr_nata@bk.ru

Shulgina Olga Vladimirovna – Doctor of Historical Sciences, Candidate of Geographical Sciences, Professor, Moscow City Pedagogical University, Department of Geography, 129226, Russia, Moscow, 2nd Agricultural Passage, 4,

Karl Ayermacher - Professor, founder of the Lotman Institute of Russian Culture of the Ruhr University (Bochum, Germany) and the International Educational and Scientific Center "Higher School of European Cultures" of the Russian State University for the Humanities, an artist. Universit?tsstra?e, 150. 44801, Bochum, Deutschland.

Vasik Klaus is a Doctor of Philosophy, Professor, Director of the International Educational and Scientific Center "Higher School of European Cultures" of the Russian State University for the Humanities, Managing Director of the Lotman Institute of Russian Culture of the Ruhr University (Bochum, Germany). Universit?tsstra?e 150. 44801 Bochum, Deutschland

Guerra Rene is a Doctor of Philology, Professor at the University of Nice, Honorary Academician of the Russian Academy of Arts, founder and head of the Association for the Preservation of Russian Cultural Heritage in France (Nice, France). 24, Avenue des Diables Bleus, 06101 Nice, France.

Jos Francois — PhD, Professor at the University of Paris-III (New Sorbonne), Head of the Scientific Center for the Study of Audiovisual Culture, writer, director (Paris, France) IRCAV/Sorbonne Nouvelle, 13 rue Santeuil, 75005 Paris, France.

Chiozzi Paolo is a professor at the Faculty of Ethnology and Anthropology at the University of Florence (Florence, Italy). Universit? degli Studi di Firenze - P.zza S.Marco, 4 - 50121 Firenze – Centralino, Italy.

Stroev Alexander Fedorovich — Doctor of Philology, Head of the Department of Comparative Literature of the University of Paris-III (New Sorbonne) (Paris, France) IRCAV/Sorbonne Nouvelle, 13 rue Santeuil, 75005 Paris, France.

Tarkowska Elzbieta — Professor of Sociology, Head of the Poverty Research Group of the Institute of Philosophy and Sociology of the Polish Academy of Sciences, Acting Director of the Institute of Philosophy and Sociology of the Academy of Special Pedagogy named after M. Grzegorzewska, Editor-in-chief of the journal "Culture and Society" (Warsaw, Poland). Instytut Filozofii i Socjologii PAN, ul. Nowy Swiat 72, 00-330 Warszawa, Poland.

Feigelson Christian - Doctor of Sociology, Professor at the Faculty of Cinematography of the University of Paris-III (New Sorbonne) (Paris, France) IRCAV/Sorbonne Nouvelle, 13 rue Santeuil, 75005 Paris, France.

Alpatov Vladimir Mikhailovich — Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Deputy Director of the Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences. 125009,

Russia, Moscow, B. Kislovsky lane 1/12.

Arutyunov Sergey Alexandrovich — Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, foreign member of the National Academy of Sciences of Armenia, Head of the Caucasus Department of the Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences, 32a Leninsky Prospekt, Moscow, 119991, Russia.

Gerold Ivanovich Vzdornov - corresponding member of the Russian Academy of Sciences, chief researcher at the State Research Institute of Restoration. 44 Gastello str., Moscow, 107114, Russia.

Golovnev Andrey Vladimirovich — Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Director of the Ethnographic Bureau, Chief Researcher of the Institute of History and Archaeology of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, President of the Russian Festival of Anthropological Films. 56, R. Luxemburg Str., Yekaterinburg, 620026, Russia. Institute of History and Archaeology of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences.

Yershova Galina Gavrilovna — Doctor of Historical Sciences, Professor, Director of the Yu. V. Knorozov Mesoamerican Research Center of the Russian State University for the Humanities, Director of Science and Culture of the Russian-Mexican Cultural Center (Merida, Mexico). 125993, Russia, GSP-3, Moscow, ul.Chayanova, 15.

Zhabsky Mikhail Ivanovich — Doctor of Sociology, Professor, Head of the Department of Sociology of Screen Art of the All-Russian State University of Cinematography named after S.A. Gerasimov. 125009, Russia, Moscow, Degtyarny lane, 8, building 3.

Vladimir Sergeevich Zhidkov — Doctor of Art History, Professor, researcher at the State Institute of Art Studies. 125009, Russia, Moscow, Kozitsky lane, 5.

Kudelin Alexander Borisovich — Academician of the Russian Academy of Sciences, Deputy Academician-Secretary of the Department of Historical and Philological Sciences of the Russian Academy of Sciences, Director of the Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, member of the European Association of Arabists and Islamic Scholars. 25a Povarskaya Street, Moscow, 121069, Russia.

Lenyashin Vladimir Alekseevich — academician and member of the Presidium of the Russian Academy of Arts, Doctor of Art History, Professor, Head of the painting Department of the second half of the XIX – early XXI centuries. State Russian Museum, Honored Artist of the RSFSR. 191011, Russia, St. Petersburg, Engineering Street, 4/2.

Lobodanov Alexander Pavlovich — Doctor of Philology, Professor, Dean of the Faculty of Arts of Lomonosov Moscow State University. 125009, Russia, Moscow, B. Nikitskaya str., 3 building 1.

Martynova Marina Yurievna — Doctor of Historical Sciences, Professor, Deputy Director of the Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences for Science, Head of the Center for European and American Studies of the Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences, Honored Scientist of the Russian Federation. 32a Leninsky Prospekt, Moscow, 119991, Russia.

Repina Lorina Petrovna — Doctor of Historical Sciences, Professor, Deputy Director of the Institute of General History of the Russian Academy of Sciences, Head of the Center for Intellectual History of the Institute of General History of the Russian Academy of Sciences. 119991, Russia, Moscow, Leninsky Prospekt, 32a.

Toporkov Andrey Lvovich — Corresponding member of the Russian Academy of Sciences, Chief Researcher of the Folklore Department of the Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences. 121069, Russia, Moscow, Povarskaya, 25a.

Trubochkin Dmitry Vladimirovich — Doctor of Art History, Professor of the Russian Academy of Theater Arts, Director of the State Institute of Art Studies. 125009, Russia, Moscow, Kozitsky lane, 5.

Dmitry O. Shvidkovsky is an academician and Vice—President of the Russian Academy of Arts, Academician of the Russian Academy of Architecture and Building Sciences and the Academy of Restoration, Doctor of Art History, Professor, Rector of the Moscow Architectural Institute, Chairman of the Society of Architectural Historians, Honored Artist of the Russian Federation, honorary member of the London Society of Antiquities of the English Historical Academy. 107031. Russia, Moscow, Rozhdestvenka, 11.

Vyacheslav Pavlovich Shestakov — Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Art Theory Sector of the Russian Institute of Cultural Studies. 119072, Russia, Moscow, Bersenevskaya embankment, 18-20-22, building 3.

Evgeny S. Steiner — Doctor of Art History, Chief Researcher at the Russian Institute of Cultural Studies, Research Professor at the School of Oriental and African Studies at the University of London (London, UK). 119072, Russia, Moscow, Bersenevskaya embankment, 18-20-22, building 3.

Yakimovich Alexander Klavdianovich — Academician of the Russian Academy of Arts, Doctor of Art History, Deputy Chairman of the Association of Art Historians, Chief Researcher of the Research Institute of Theory and History of Fine Arts, RAKH. 119034, Russia, Moscow, Prechistenka, 21.

Shvydkoi Mikhail Efimovich - Doctor of Art History, Professor, Scientific Director of the Higher School of Cultural Policy and Management in the Humanities (Faculty) Lomonosov Moscow State University; 119991, Russian Federation, Moscow, Lomonosovsky Prospekt, Lomonosov Moscow State University, 27, Building 4 (Shuvalov Building). E-mail: shvydkoy.me@gmail.com

Elena V. Khalipova - Doctor of Law, Doctor of Sociology, Professor, Dean of the Higher School of Cultural Policy and Management in the Humanities (Faculty) Lomonosov Moscow State University; E-mail: khalipova.ev@gmail.com

Astafyeva Olga Nikolaevna — Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Sector of Socio-cultural Policy Strategies of the Russian Institute of Cultural Studies, Chairman of the Moscow Cultural Society. 119072, Russia, Moscow, Bersenevskaya embankment, 18-20-22, building 3.

Budanova Vera Pavlovna — Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of General History of the Historical and Archival Institute of the Russian State University for the Humanities. 32a Leninsky Prospekt, Moscow, 119991, Russia. Institute of General History of the Russian Academy of Sciences.

Vasiliev Alexey Grigorievich — Deputy Director of the Russian Institute of Cultural Studies, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor. 119072, Russia, Moscow, Bersenevskaya Embankment, 18-20-22, building 3.

Kondakov Igor Vadimovich — Doctor of Philosophy, Professor of the Department of History and Theory of Culture of the Faculty of Art History of the Russian State University for the Humanities. 125993, Russia, GSP-3, Moscow, ul. Chayanova, 15.

Ryleva Anna Nikolaevna — Doctor of Cultural Studies, Chief Researcher and Head of the Center for Continuing Cultural Education of the Russian Institute of Cultural Studies. 119072, Russia, Moscow, Bersenevskaya embankment, 18-20-22, building 3.

Shemyakin Yakov Georgievich — Doctor of Historical Sciences, Head of the Department of Encyclopedic Publications of the Institute of Latin America of the Russian Academy of Sciences. 21 Bolshaya Ordynka str., Moscow, 115035, Russia.

Dmitry Leonidovich Shukurov - Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Department of History and Cultural Studies of the Ivanovo State University of Chemical Technology. E-mail: shoudmitry@yandex.ru

Berezhnaya Natalia Viktorovna - Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Philosophy and Metology of Science of the South Russian Institute of Management of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation. E-mail : rassgd@yandex.ru

Portnova Tatiana Vasiliyevna - Doctor of Art History, Professor at the Institute of Slavic Culture of the Kosygin Russian State University. E-mail: infotatiana-p@mail.ru

Zakhovaeva Anna Georgievna - Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of the Department of Humanities of the Ivanovo State Medical Academy of the Ministry of Health of Russia. 8, Sheremetyevo Avenue, Ivanovo, Ivanovo region, 153012, Russian Federation. E-mail: ana-zah@mail.ru

Mikhail Mikhailovich Prokhorov - Doctor of Philosophy, Professor, Professor of the Department of History, Philosophy, Pedagogy and Psychology, Nizhny Novgorod State University of Architecture and Civil Engineering. 65 Ilyinskaya str., Nizhny Novgorod, 603950, Russia. mmpro@mail.ru

Olga A. Burukina - Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Russian State University for the Humanities, Senior Researcher at the University of Vaasa, Finland. 125993, GSP-3, Moscow, Miusskaya Square, 6 obur@mail.ru

Arinin Evgeny Igorevich - Doctor of Philosophy, Vladimir State University named after Alexander Grigoryevich and Nikolai Grigoryevich Stoletova, Head of the Department, 600005, Russia, Vladimir region, Vladimir, Studentskaya str., 12, sq. 16, earinin@mail.ru

Beskov Andrey Anatolyevich - Doctor of Philosophy (Ph. D), Kozma Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University, Head of the Laboratory "Transformation of Spiritual Culture in the Modern World", 116 Vaneeva str., Nizhny Novgorod, 603162, Russia, Nizhny Novgorod Region, Nizhny Novgorod, beskov_aa@mail.ru

Nadezhda Oskarovna Bleikh - Doctor of Historical Sciences, K.L.Khetagurov North Ossetian State University, Professor of the Psychology Department of the Faculty of Psychology and Pedagogy, Vladikavkaz, ul. Vladikavkazskaya, 16, sq. 32, 362043, Russia, Republic of North Ossetia-Alania, Vladikavkaz, nadezhda-blejkh@mail.ru

Griber Yulia Aleksandrovna - Doctor of Cultural Studies, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Smolensk State University", Professor, Director of the Color Laboratory, 214000, Russia, Smolensk region, Smolensk, 2nd Line of the Krasnoarmeyskaya Sloboda, 9, sq. 10, Y.Griber@gmail.com

Lisenkova Anastasia Alekseevna - Doctor of Cultural Studies, Perm State Institute of Culture, Vice-Rector for Science and Digital Transformation, 614000, Russia, Perm Krai, Perm, ul. 25-October, 4, sq. 43, Oskar46@mail.ru

Tatiana Parkhomenko - Doctor of Historical Sciences, D. S. Likhachev Russian Research Institute of Cultural and Natural Heritage, Head of the Department of Cultural Studies - Chief Researcher, no, no, 125315, Russia, Moscow, ul. Chasovaya, 12, sq. 27, ParchomenkoT@yandex.ru

Sivkina Natalia Yurievna - Doctor of Historical Sciences, Lobachevsky Nizhny Novgorod State University, Professor of the Department of History of the Ancient World and the Middle Ages of the Institute of International Relations and World History, 603000, Russia, Nizhny Novgorod region, Nizhny Novgorod, Lenin Avenue, 63, sq. 22, natalia-sivkina@yandex.ru

Sharonova Elena Aleksandrovna - Doctor of Philology, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "National Research Mordovian State University named after N.P. Ogarev", Professor of the Department of Russian and Foreign Literature, 430034, Russia, Republic of Mordovia, Saransk, Prospekt 60 let Oktyabrya str., 10, sq. 24, sharon.ov@mail.ru

Shevtsova Anna Aleksandrovna - Doctor of Historical Sciences, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Moscow Pedagogical State University", Professor of the Department of Cultural Studies, 127018, Russia, Moscow, Streletskaia str., 14k1, sq. 164, ash@inbox.ru

Shulgina Olga Vladimirovna - Doctor of Historical Sciences, State Autonomous Educational Institution of Higher Education of the city of Moscow "Moscow City Pedagogical University" (GAOU IN MGPU), Head of the Department of Geography and Tourism, 119192, Russia, Moscow, Moscow, Michurinsky Prospekt, 56, sq. 879, Olga_Shulgina@mail.ru

Ulyanov Oleg Germanovich - Doctor of Historical Sciences, Professor of Lomonosov Moscow State University M.V. Lomonosov, professor.ulyanov@gmail.com

Требования к статьям

Журнал является научным. Направляемые в издательство статьи должны соответствовать тематике журнала (с его рубрикатором можно ознакомиться на сайте издательства), а также требованиям, предъявляемым к научным публикациям.

Рекомендуемый объем от 12000 знаков.

Структура статьи должна соответствовать жанру научно-исследовательской работы. В ее содержании должны обязательно присутствовать и иметь четкие смысловые разграничения такие разделы, как: предмет исследования, методы исследования, апелляция к оппонентам, выводы и научная новизна.

Не приветствуется, когда исследователь, трактуя в статье те или иные научные термины, вступает в заочную дискуссию с авторами учебников, учебных пособий или словарей, которые в узких рамках подобных изданий не могут широко излагать свое научное воззрение и заранее оказываются в проигрышном положении. Будет лучше, если для научной полемики Вы обратитесь к текстам монографий или докторских диссертаций работ оппонентов.

Не превращайте научную статью в публицистическую: не наполняйте ее цитатами из газет и популярных журналов, ссылками на высказывания по телевидению.

Ссылки на научные источники из Интернета допустимы и должны быть соответствующим образом оформлены.

Редакция отвергает материалы, напоминающие реферат. Автору нужно не только продемонстрировать хорошее знание обсуждаемого вопроса, работ ученых, исследовавших его прежде, но и привнести своей публикацией определенную научную новизну.

Не принимаются к публикации избранные части из докторских диссертаций, книг, монографий, поскольку стиль изложения подобных материалов не соответствует журнальному жанру, а также не принимаются материалы, публиковавшиеся ранее в других изданиях.

В случае отправки статьи одновременно в разные издания автор обязан известить об этом редакцию. Если он не сделал этого заблаговременно, рискует репутацией: в дальнейшем его материалы не будут приниматься к рассмотрению.

Уличенные в плагиате попадают в «черный список» издательства и не могут рассчитывать на публикацию. Информация о подобных фактах передается в другие издательства, в ВАК и по месту работы, учебы автора.

Статьи представляются в электронном виде только через сайт издательства <http://www.e-notabene.ru> кнопка "Авторская зона".

Статьи без полной информации об авторе (соавторах) не принимаются к рассмотрению, поэтому автор при регистрации в авторской зоне должен ввести полную и корректную информацию о себе, а при добавлении статьи - о всех своих соавторах.

Не набирайте название статьи прописными (заглавными) буквами, например: «ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ...» — неправильно, «История культуры...» — правильно.

При добавлении статьи необходимо прикрепить библиографию (минимум 10–15 источников, чем больше, тем лучше).

При добавлении списка использованной литературы, пожалуйста, придерживайтесь следующих стандартов:

- [ГОСТ 7.1-2003 Библиографическая запись. Библиографическое описание. Общие требования и правила составления.](#)
- [ГОСТ 7.0.5-2008 Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления](#)

В каждой ссылке должен быть указан только один диапазон страниц. В теле статьи ссылка на источник из списка литературы должна быть указана в квадратных скобках, например, [1]. Может быть указана ссылка на источник со страницей, например, [1, с. 57], на группу источников, например, [1, 3], [5-7]. Если идет ссылка на один и тот же источник, то в теле статьи нумерация ссылок должна выглядеть так: [1, с. 35]; [2]; [3]; [1, с. 75-78]; [4]....

А в библиографии они должны отображаться так:

[1]
[2]
[3]
[4]....

Постраничные ссылки и сноски запрещены. Если вы используете сноски, не содержащую ссылку на источник, например, разъяснение термина, включите сноски в текст статьи.

После процедуры регистрации необходимо прикрепить аннотацию на русском языке, которая должна состоять из трех разделов: Предмет исследования; Метод, методология исследования; Новизна исследования, выводы.

Прикрепить 10 ключевых слов.

Прикрепить саму статью.

Требования к оформлению текста:

- Кавычки даются углками (« ») и только кавычки в кавычках — лапками (“ ”).
- Тире между датамидается короткое (Ctrl и минус) и без отбивок.
- Тире во всех остальных случаяхдается длинное (Ctrl, Alt и минус).
- Даты в скобках даются без г.: (1932–1933).
- Даты в тексте даются так: 1920 г., 1920-е гг., 1540–1550-е гг.
- Недопустимо: 60-е гг., двадцатые годы двадцатого столетия, двадцатые годы XX столетия, 20-е годы ХХ столетия.
- Века, король такой-то и т.п. даются римскими цифрами: XIX в., Генрих IV.
- Инициалы и сокращения даются с пробелом: т. е., т. д., М. Н. Иванов. Неправильно: М.Н. Иванов, М.Н. Иванов.

ВСЕ СТАТЬИ ПУБЛИКУЮТСЯ В АВТОРСКОЙ РЕДАКЦИИ.

По вопросам публикации и финансовым вопросам обращайтесь к администратору Зубковой Светлане Вадимовне
E-mail: info@nbpublish.com
или по телефону +7 (966) 020-34-36

Подробные требования к написанию аннотаций:

Аннотация в периодическом издании является источником информации о содержании статьи и изложенных в ней результатах исследований.

Аннотация выполняет следующие функции: дает возможность установить основное

содержание документа, определить его релевантность и решить, следует ли обращаться к полному тексту документа; используется в информационных, в том числе автоматизированных, системах для поиска документов и информации.

Аннотация к статье должна быть:

- информативной (не содержать общих слов);
- оригинальной;
- содержательной (отражать основное содержание статьи и результаты исследований);
- структурированной (следовать логике описания результатов в статье);

Аннотация включает следующие аспекты содержания статьи:

- предмет, цель работы;
- метод или методологию проведения работы;
- результаты работы;
- область применения результатов; новизна;
- выводы.

Результаты работы описывают предельно точно и информативно. Приводятся основные теоретические и экспериментальные результаты, фактические данные, обнаруженные взаимосвязи и закономерности. При этом отдается предпочтение новым результатам и данным долгосрочного значения, важным открытиям, выводам, которые опровергают существующие теории, а также данным, которые, по мнению автора, имеют практическое значение.

Выводы могут сопровождаться рекомендациями, оценками, предложениями, гипотезами, описанными в статье.

Сведения, содержащиеся в заглавии статьи, не должны повторяться в тексте аннотации. Следует избегать лишних вводных фраз (например, «автор статьи рассматривает...», «в статье рассматривается...»).

Исторические справки, если они не составляют основное содержание документа, описание ранее опубликованных работ и общеизвестные положения в аннотации не приводятся.

В тексте аннотации следует употреблять синтаксические конструкции, свойственные языку научных и технических документов, избегать сложных грамматических конструкций.

Гонорары за статьи в научных журналах не начисляются.

Цитирование или воспроизведение текста, созданного ChatGPT, в вашей статье

Если вы использовали ChatGPT или другие инструменты искусственного интеллекта в своем исследовании, опишите, как вы использовали этот инструмент, в разделе «Метод» или в аналогичном разделе вашей статьи. Для обзоров литературы или других видов эссе, ответов или рефератов вы можете описать, как вы использовали этот инструмент, во введении. В своем тексте предоставьте prompt - командный вопрос, который вы использовали, а затем любую часть соответствующего текста, который был создан в ответ.

К сожалению, результаты «чата» ChatGPT не могут быть получены другими читателями, и хотя невосстановимые данные или цитаты в статьях APA Style обычно цитируются как личные сообщения, текст, сгенерированный ChatGPT, не является сообщением от человека.

Таким образом, цитирование текста ChatGPT из сеанса чата больше похоже на совместное использование результатов алгоритма; таким образом, сделайте ссылку на автора алгоритма записи в списке литературы и приведите соответствующую цитату в тексте.

Пример:

На вопрос «Является ли деление правого полушария левого полушария реальным или метафорой?» текст, сгенерированный ChatGPT, показал, что, хотя два полушария мозга в некоторой степени специализированы, «обозначение, что люди могут быть охарактеризованы как «левополушарные» или «правополушарные», считается чрезмерным упрощением и популярным мифом» (OpenAI, 2023).

Ссылка в списке литературы

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat>

Вы также можете поместить полный текст длинных ответов от ChatGPT в приложение к своей статье или в дополнительные онлайн-материалы, чтобы читатели имели доступ к точному тексту, который был сгенерирован. Особенno важно задокументировать созданный текст, потому что ChatGPT будет генерировать уникальный ответ в каждом сеансе чата, даже если будет предоставлен один и тот же командный вопрос. Если вы создаете приложения или дополнительные материалы, помните, что каждое из них должно быть упомянуто по крайней мере один раз в тексте вашей статьи в стиле APA.

Пример:

При получении дополнительной подсказки «Какое представление является более точным?» в тексте, сгенерированном ChatGPT, указано, что «разные области мозга работают вместе, чтобы поддерживать различные когнитивные процессы» и «функциональная специализация разных областей может меняться в зависимости от опыта и факторов окружающей среды» (OpenAI, 2023; см. Приложение А для полной расшифровки). .

Ссылка в списке литературы

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat> Создание ссылки на ChatGPT или другие модели и программное обеспечение ИИ

Приведенные выше цитаты и ссылки в тексте адаптированы из шаблона ссылок на программное обеспечение в разделе 10.10 Руководства по публикациям (Американская психологическая ассоциация, 2020 г., глава 10). Хотя здесь мы фокусируемся на ChatGPT, поскольку эти рекомендации основаны на шаблоне программного обеспечения, их можно адаптировать для учета использования других больших языковых моделей (например, Bard), алгоритмов и аналогичного программного обеспечения.

Ссылки и цитаты в тексте для ChatGPT форматируются следующим образом:

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat>

Цитата в скобках: (OpenAI, 2023)

Описательная цитата: OpenAI (2023)

Давайте разберем эту ссылку и посмотрим на четыре элемента (автор, дата, название и

источник):

Автор: Автор модели OpenAI.

Дата: Дата — это год версии, которую вы использовали. Следуя шаблону из Раздела 10.10, вам нужно указать только год, а не точную дату. Номер версии предоставляет конкретную информацию о дате, которая может понадобиться читателю.

Заголовок. Название модели — «ChatGPT», поэтому оно служит заголовком и выделено курсивом в ссылке, как показано в шаблоне. Хотя OpenAI маркирует уникальные итерации (например, ChatGPT-3, ChatGPT-4), они используют «ChatGPT» в качестве общего названия модели, а обновления обозначаются номерами версий.

Номер версии указан после названия в круглых скобках. Формат номера версии в справочниках ChatGPT включает дату, поскольку именно так OpenAI маркирует версии. Различные большие языковые модели или программное обеспечение могут использовать различную нумерацию версий; используйте номер версии в формате, предоставленном автором или издателем, который может представлять собой систему нумерации (например, Версия 2.0) или другие методы.

Текст в квадратных скобках используется в ссылках для дополнительных описаний, когда они необходимы, чтобы помочь читателю понять, что цитируется. Ссылки на ряд общих источников, таких как журнальные статьи и книги, не включают описания в квадратных скобках, но часто включают в себя вещи, не входящие в типичную рецензируемую систему. В случае ссылки на ChatGPT укажите дескриптор «Большая языковая модель» в квадратных скобках. OpenAI описывает ChatGPT-4 как «большую мультимодальную модель», поэтому вместо этого может быть предоставлено это описание, если вы используете ChatGPT-4. Для более поздних версий и программного обеспечения или моделей других компаний могут потребоваться другие описания в зависимости от того, как издатели описывают модель. Цель текста в квадратных скобках — кратко описать тип модели вашему читателю.

Источник: если имя издателя и имя автора совпадают, не повторяйте имя издателя в исходном элементе ссылки и переходите непосредственно к URL-адресу. Это относится к ChatGPT. URL-адрес ChatGPT: <https://chat.openai.com/chat>. Для других моделей или продуктов, для которых вы можете создать ссылку, используйте URL-адрес, который ведет как можно более напрямую к источнику (т. е. к странице, на которой вы можете получить доступ к модели, а не к домашней странице издателя).

Другие вопросы о цитировании ChatGPT

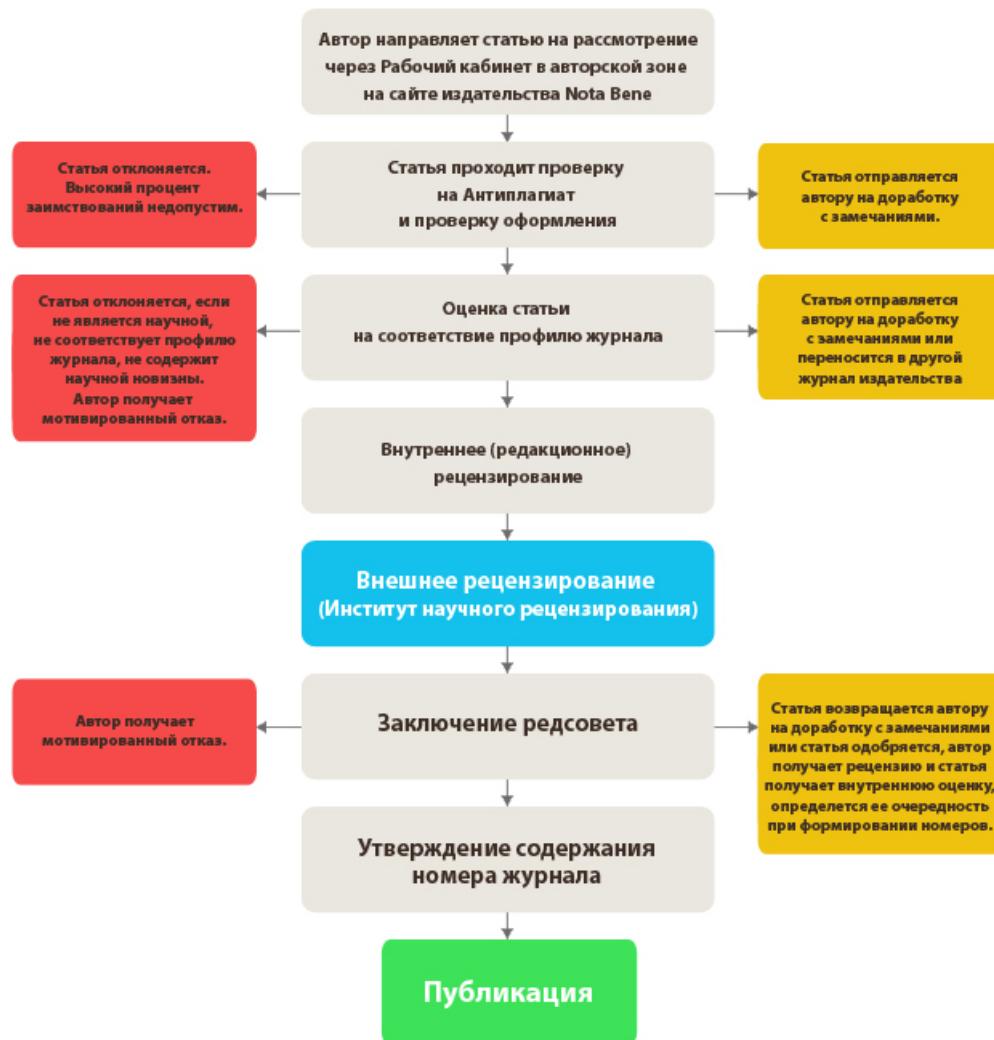
Вы могли заметить, с какой уверенностью ChatGPT описал идеи латерализации мозга и то, как работает мозг, не ссылаясь ни на какие источники. Я попросил список источников, подтверждающих эти утверждения, и ChatGPT предоставил пять ссылок, четыре из которых мне удалось найти в Интернете. Пятая, похоже, не настоящая статья; идентификатор цифрового объекта, указанный для этой ссылки, принадлежит другой статье, и мне не удалось найти ни одной статьи с указанием авторов, даты, названия и сведений об источнике, предоставленных ChatGPT. Авторам, использующим ChatGPT или аналогичные инструменты искусственного интеллекта для исследований, следует подумать о том, чтобы сделать эту проверку первоисточников стандартным процессом. Если источники являются реальными, точными и актуальными, может быть лучше прочитать эти первоисточники, чтобы извлечь уроки из этого исследования, и перефразировать или процитировать эти статьи, если применимо, чем использовать их интерпретацию модели.

Материалы журналов включены:

- в систему Российского индекса научного цитирования;
- отображаются в крупнейшей международной базе данных периодических изданий Ulrich's Periodicals Directory, что гарантирует значительное увеличение цитируемости;
- Всем статьям присваивается уникальный идентификационный номер Международного регистрационного агентства DOI Registration Agency. Мы формируем и присваиваем всем статьям и книгам, в печатном, либо электронном виде, оригинальный цифровой код. Префикс и суффикс, будучи прописанными вместе, образуют определяемый, цитируемый и индексируемый в поисковых системах, цифровой идентификатор объекта — digital object identifier (DOI).

[Отправить статью в редакцию](#)

Этапы рассмотрения научной статьи в издательстве NOTA BENE.

Содержание

Лю Т. Призывающее и отвечающее: интерпретация конфуцианского канона «Ли цзи» с позиции современной феминистской критики	1
Межинская В.Р. Санкт-Петербургский городской пейзаж в современной академической живописи	14
Чжоу Ч. Вклад Московской государственной консерватории имени П.И. Чайковского в становление китайской школы хорового дирижирования	27
Викторова Е.В. Концептуально-теоретические предпосылки рассмотрения импрессинга как социокультурного феномена	38
Ленчук В.Ю. Сицилия между эпохами: от власти Секста Помпея к реорганизации Августа	51
Канныкин С.В. Пешеходство и бег: гуманистический потенциал и культурная преемственность. Часть вторая	62
Канныкин С.В. Пешеходство и бег: гуманистический потенциал и культурная преемственность. Часть первая	87
Кутищев А.В. Оборона Ломбардии 1705 г. Ситуативные успехи герцога Вандома и перспективные неудачи Евгения Савойского	111
Емельянова В.П. Опыт реконструкции интеллектуальной культуры дворян на материале усадебных библиотек	123
Исакова П.А. Водевильная традиция в драматургии Б. Рацера и В. Константинова. Структура жанра в водевиле «Стихийное бедствие»	132
Англоязычные метаданные	147

Contents

Liu T. Appealing and Responding: An Interpretation of the Confucian Canon "Li Ji" from the Perspective of Modern Feminist Critique	1
Mezhinskaya V.R. The urban landscape of St. Petersburg by artists of the academic school of the 2000s and 2020s.	14
ZHOU Z. The contribution of the Moscow State Conservatory named after P.I. Tchaikovsky to the establishment of the Chinese school of choral conducting	27
Viktorova E.V. Conceptual and theoretical prerequisites for considering impressing as a socio-cultural phenomenon	38
Lenchuk V.Y. Sicily between eras: from the power of Sextus Pompey to the reorganization of Augustus	51
Kannykin S.V. Walking and running: humanistic potential and cultural continuity (Part Two)	62
Kannykin S.V. Walking and running: humanistic potential and cultural continuity (Part One)	87
Kutishchev A.V. Defense of Lombardy in 1705. Situational successes of Duke Vendôme and prospective failures of Eugene of Savoy	111
Emeljanova V.P. The experience of reconstructing the intellectual culture of the gentry based on the material of estate libraries	123
Isakova P.A. The tradition of vaudeville in the dramaturgy of B. Ratser and V. Konstantinov. The structure of the genre in vaudeville "Natural Disaster"	132
Metadata in english	147

Человек и культура*Правильная ссылка на статью:*

Лю Т. Призывающее и отвечающее: интерпретация конфуцианского канона «Ли цзи» с позиции современной феминистской критики // Человек и культура. 2025. № 3. DOI: 10.25136/2409-8744.2025.3.74307 EDN: IPUUSJ URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=74307

Призывающее и отвечающее: интерпретация конфуцианского канона «Ли цзи» с позиции современной феминистской критики**Лю Таожань**

аспирант; институт философии; Санкт-Петербургский государственный университет

Россия, г. Санкт-Петербург, Василеостровский р-н, 11-я линия, дом 34/47, к 21.

✉ st108348@student.spbu.ru

[Статья из рубрики "Гендерные исследования"](#)**DOI:**

10.25136/2409-8744.2025.3.74307

EDN:

IPUUSJ

Дата направления статьи в редакцию:

03-05-2025

Дата публикации:

10-05-2025

Аннотация: Предметом настоящего исследования является критический анализ конфуцианского канона «Ли цзи» с феминистской точки зрения, опирающейся на философию Эммануэля Левинаса. Исследование сосредоточено на этическом статусе женщины в конфуцианской ритуально-нравственной системе и раскрывает, каким образом женская субъектность оказывается структурно исключённой из пространства этического высказывания. В центре внимания находятся как текстуальные механизмы закрепления гендерной инаковости, так и формы женского отклика, одновременно пронизанные эмоциональностью и нормативной дисциплиной. Используя левинасовскую концепцию Лица и Другого, работа стремится показать, что женщина в «Ли цзи» функционирует как этический носитель, но не как признанный субъект, способный

призывать к ответственности. Таким образом, исследование вносит вклад в осмысление возможности женского голоса как начала этического отношения в рамках патриархального канона. В работе используется сравнительно-философский метод, сочетающий критическое прочтение конфуцианского текста с феминистским анализом и понятийным аппаратом левинасовской этики, с целью выявления гендерных асимметрий в структуре морального признания. Научная новизна исследования заключается в междисциплинарной интерпретации конфуцианского канона «Ли цзи» на пересечении феминистской критики и этической философии Эммануэля Левинаса. В качестве основных методов использованы герменевтический анализ, интертекстуальный подход и критико-дискурсивное прочтение ключевых понятий, таких как «ритуал», «послушание» и «различие». Исследование показывает, что несмотря на активное участие женщины в ритуально-этической практике, её статус как Лица остаётся невидимым и непризнанным в рамках моральной структуры. Работа демонстрирует, как нормативная логика текста порождает эффект этического молчания, структурно закрепляя женщину в позиции ответствующего субъекта, но исключая её из возможности быть инициатором морального призыва. Такой гендерный перекос в конфуцианской модели требует философской деконструкции. В качестве вывода подчёркивается необходимость переосмыслиния самой основы этического отношения и утверждения женского голоса как равноправного и автономного источника этической субъектности и морального высказывания.

Ключевые слова:

Женская субъектность, Конфуцианский ритуал, Аффективный труд, Лицо, Левинас, Гендерная инаковизация, Конфуцианская семейная этика, Гендерные нормы, Структурное неравенство, Этика и гендер

В традиционной китайской культуре конфуцианская мысль на протяжении веков служила основой нравственного и социального порядка, оказывая глубокое влияние на формирование гендерных отношений. Канон «Ли цзи», являющийся одним из центральных источников конфуцианских ритуалов и этических норм не только зафиксировал основные представления о гендерном разделении ролей и социальной иерархии, но и определил положение женщин в структуре семьи и государства. Однако, несмотря на множество предписанных женщинам моральных обязанностей, данная система так и не признала за ними статус этических субъектов. Углубляющаяся философская рефлексия над этими вопросами побуждает исследовательское сообщество обратиться к более широкому этическому горизонту, в котором возможно осмысление логики субъектности и механизмов закрепления за женщиной позиции инаковости. Именно в этом контексте философия Эммануэля Левинаса, сосредоточенная на понятиях этической ответственности и опыта Другого, становится значимым ресурсом для феминистского переосмыслиния процесса гендерной инаковизации.

В ряде современных исследований, посвящённых рецепции философии Эммануэля Левинаса в контексте гендерной теории, акцентируется внимание на двойственном характере его этического подхода. Так, в коллективной монографии под редакцией Тины Чантер исследовательницы указывают на то, что обращение Левинаса к женскому образу может содержать элементы эссенциализации, что, в свою очередь, ведёт к неявному воспроизведению патриархальных моделей инаковости в этическом дискурсе^[1]. В то же время Клэр Элис Кац предлагает более дифференцированное прочтение: она рассматривает размышления Левинаса о женщине и религии как неотъемлемую часть его

этической концепции ответственности, стремясь выстроить диалог между иудейской герменевтикой и феминистской критикой^[2]. Параллельно этому Джудит Батлер и Эрин Маннинг, развивая направления этической и гендерной феноменологии, исследуют потенциал левинасовского понятия инаковости в феминистской этике, одновременно подчёркивая необходимость критической настороженности в отношении возможного воспроизведения гендерных стереотипов^{[3][4]}. В российском контексте отдельного внимания заслуживает работа Мелихова, подчёркивающего укоренённость этического опыта у Левинаса в телесной и ситуативной встрече, что может быть прочитано как альтернатива мужскоцентрированной логике субъективации^[5]. Следовательно, несмотря на сохраняющееся присутствие элементов традиционной гендерной символики, философия Левинаса продолжает представлять собой значимый ресурс как для критического осмыслиения, так и для конструктивного развития современных феминистских исследований. Эти наработки не только подчёркивают актуальность философии Левинаса, но и формируют теоретическую основу настоящего исследования.

Настоящая статья предлагает анализ канона «Ли цзи» через призму теории Другого и этической ответственности, разработанной Эммануэлем Левинасом, с целью выявить, каким образом, несмотря на принятие женщиной моральных обязательств, она одновременно оказывается систематически исключённой из пространства этического субъекта. В центре внимания находятся скрытые механизмы молчания, встроенные в текст, а также попытка реконструировать женское высказывание в рамках конфуцианского дискурса.

Понятия Другого и Лица Левинаса

В философии Эммануэля Левинаса фигура Другого занимает положение краеугольного камня^[6]. Лица, по его мысли, — это не объекты познания или насилиственного манипулирования, то есть нечто, с чем можно обращаться без ожидания ответ^[7]. Под «лицом» он понимает не конкретные черты внешности человека, а присутствие Другого, обращённое ко Мне — призыв, исходящий из-за пределов визуального восприятия и объективирующего мышления.

С появлением лица Другого раскрывается не внутренний мир, ранее скрытый, и не расширяется область познания или обладания^[8], но происходит прерывание стремления к господству над Другим. Иначе говоря, появление лица означает запрет: запрет на убийство, на ассимиляцию, на включение Другого в рамки моего понимания через классификацию и определение. В работе «Тотальность и бесконечность» Левинас пишет: «Другой — его несводимость к Я, к его мыслям и собственности — проявляется именно как оспаривание спонтанности я, как этика»^[9]. Эта этическая интерpellация трансформирует субъект: он больше не мыслится как рационально самодостаточное Я в духе классической философии, но как Я, изначально призываемое и вызываемое Другим. Этическая сила лица заключается в его неприсваиваемости и несводимости: лицо — это не «кто-то», а уникальное и незаменимое присутствие, обращающее ко мне безусловный и непреодолимый зов.

В этом смысле лицо является не просто феноменологическим переживанием, но актом открытия самой структуры этики. Оно принуждает субъекта прекратить стремление к обладанию и вступить в отношение с Другим ненасильственным способом. Таким образом, в теоретической системе Левинаса этика не следует за утверждением субъектности как вторичное событие, но выступает её изначальным условием.

В отличие от традиционной философии, стремящейся постичь мир и Другого посредством тождества или рациональности, Левинас утверждает абсолютную инаковость — инаковость, которая не может быть сведена к тождеству или включена в единый порядок. Другой напротив меня, не включён в целостность воспринимаемого бытия. Как тот, для кого я выражаю воспринимаемое мной, он вновь появляется позади всякого сгущения бытия^[9].

Другой — это не моё «отражение» и не «продолжение» самого себя, а внешность, ускользающая от любого присвоения. Его присутствие не служит объектом познания или использования — напротив, он существует как то, что требует от меня ответственности. Левинас называет эту первичность инаковости «предшествующей Я», подчёркивая, что в этическом смысле Другой занимает приоритетную позицию. превосходящая любые формы моего достижения. Его появление не предполагает возможности познания или использования, напротив — он существует как призыв, обращённый ко мне и взывающий к ответственности. Левинас, используя выражение *«anterior to the self»* (предшествующий Я), подчёркивает приоритетное положение Другого в структуре этики.

Это первенство выражается не только во временной структуре, но и прежде всего в самой структуре этики как основании морального отношения. Проявление лица — это уже речь^[8], обращённая ко мне в форме безусловного этического повеления: «не убий»^[8]. Это повеление не проистекает из закона или социального института, а исходит из самого присутствия Другого.

Гендерная конструкция и структура этики в «Ли цзи»

В мировоззренческой системе «Ли цзи» «ли» рассматривается не только как инструмент поддержания общественного порядка, но и как принцип, регулирующий иерархии — старшинства, социального ранга и половой дифференциации. Женское поведение в тексте строго нормировано вплоть до мельчайших деталей: для сна и бодрствования, одежды, еды, речи и походки установлены определённые стандарты. Как сказано в тексте: «женские ритуалы основаны на мягкости и послушании»^[10]. Эта «мягкость» представляет собой не просто моральное качество, а целостную систему дисциплинарного воздействия, направленного на тело и чувства женщины. Добротели женщины сводятся к четырём категориям: «женская добродетель, женская речь, женская внешность, женская работа»^[10], что формирует этический идеал, основанный на подчинении^[10].

Этическая мысль «Ли цзи», охватывающая три ключевые сферы — личную мораль, семейные обязанности и общественные идеалы, составляет основу конфуцианской структуры этики^[11].

Центральное место в гендерной нормативности «Ли цзи» занимает понятие «различия» (别). Формула «мужчины и женщины различны» (男女有别,人道之大者也)^[10] трактуется как фундаментальный принцип человеческой морали. Здесь речь идёт не об онтологической разнице полов, а о создании гендерного порядка, включающего мужчин и женщин в конфуцианскую социальную систему как взаимодополняющие, но строго иерархически организованные элементы.

В конфуцианской ритуальной системе родственные связи и социальная иерархия определяют направление ответственности и уровня внутри структуры этики. Женщина, хотя и включена в этическую сеть, по-прежнему занимает в ней позицию «инструмента

отношения», а не его центра.

Ряд разделов «Ли цзи» — таких как «Нэй цзэ» (内则), «Сан фу сы чжи» (丧服四制), «Хун и» (昏仪) — подробно описывает роли и обязанности женщин в повседневной жизни, семейной этике, похоронных и брачных ритуалах. «Нэй цзэ» акцентирует нормы внутреннего устройства семьи, подчёркивая, что женщина должна «заведовать внутренними делами», «почтать родителей мужа» и «любить супруга», обеспечивая таким образом порядок в доме^[10]; «Хун и» рассматривает брак как начало ритуальной системы^[10]: женщина посредством брака переходит из «скрытого» положения под отцовской властью в аналогичное — под властью мужа, становясь своего рода «этическим посредником» между семьями. В «Сан фу сы чжи» предписывается, что женщина должна оплакивать свёкра и свекровь в течение трёх лет^[10]. Поведение женщин строго регулируется «ли», что проявляется в исключительной степени этической нагрузки. Все эти предписания подчёркивают интенсивность ответственности, возложенной на женщину в конфуцианской семейной структуре.

При этом женщины в этическом порядке, сформированном «Ли цзи», не исключаются из сферы морали. Напротив, от них требуется выполнение конкретных и тяжёлых моральных обязанностей: они становятся опорой стабильности семьи, рода и государства. В роли дочери, жены, матери или помощницы в ритуалах траура и жертвоприношения, женщина остаётся незаменимым элементом функционирования конфуцианской «внутренней ритуальности»^[12].

Пусть даже в «Ли цзи» мужчина, как и женщина, несёт базовые моральные обязательства в рамках семейной этики — такие как уважение к старшим и поддержание порядка в семье, — сравнение гендерных нормативов, представленных в тексте, позволяет ясно увидеть асимметрию моральных требований. Основной этический признак женщины сводится к послушанию — по отношению к отцу, мужу и сыну — и выражается как внутренняя, подчинённая модель нравственного поведения. Мужчине же вменяется обязанность наставничества: он несёт ответственность не только за «отеческое воспитание» внутри семьи, но и за реализацию роли правителя и учителя на государственном уровне. Эта дилемма формирует глубокую гендерную структуру: внутреннее — то есть семейное пространство — принадлежит женщине и находится под действием нормативного контроля; внешнее — связанное с производством знания, политическим управлением и нравственным поучением — становится ареной мужского авторитета.

Этическая ответственность женщины: отклик на лицо Другого

При обращении к этической теории Левинаса в контексте феминистской критики первым и принципиальным условием становится следующее: может ли — или должна ли — фигура Другого, заключённая в этической модели «лица», быть соотнесена с женским образом? В ряде своих работ Левинас действительно использует такие выражения, как «женщина» и «тайное», чтобы описать инаковость и трансцендентность Другого. Такой подход вызвал резкую критику со стороны Симоны де Бовуар, которая охарактеризовала его как пример «патриархального письма», лишающего женщину статуса субъекта^[13].

Эта полемика представляется теоретически значимой, поскольку содержит важное предостережение. Сопоставление образа «женщины» с понятием «иного» может предполагать её изначальное лишение субъектности — пассивность, молчание и

пребывание в состоянии бесконечного ожидания. С другой стороны, отказ признавать женскую Другость может затушевывать реальный опыт, в котором женщина в рамках патриархальной системы культуры постоянно оказывается инаковизированной, вытесненной к периферии. В конечном счёте это указывает на непреодолимую философскую границу: если язык, категории и парадигмы мышления с самого начала сконструированы из позиции мужского субъекта, то даже признание женской Другости почти всегда содержит в себе заранее заданную логику десубъективации.

Именно исходя из этого парадоксального основания, настоящая работа стремится поставить один базовый, но принципиально важный вопрос: может ли женщина в нормативной этико-социальной системе, описанной в «Ли цзи», быть «лицом» в этическом смысле? То есть — способна ли она стать тем Другим, который прерывает порядок субъектности, вызывает нравственный отклик, а не просто тем, на кого возложена обязанность отвечать?

Исходная схема Левинаса предполагает, что «Я» (субъект), столкнувшись с лицом Другого, оказывается призванным и принимает на себя бесконечную ответственность. Однако в рамках этической структуры, выстроенной в конфуцианском трактате «Ли цзи», а также в гендерном порядке, сформированном под его влиянием, эта нравственная ответственность в реальности чаще всего возлагается именно на женщину: она поддерживает родственные связи, заботится о членах семьи, воспитывает детей, сглаживает конфликты — и всё это составляет основу повседневной семейной этики.

Тем не менее несмотря на это постоянное и тяжёлое участие, женщина не получает статуса Лица в этическом смысле. Та бесконечная ответственность, которую описывает Левинас — ответственность, возникающая в ответ на присутствие Лица Другого, — в данном случае отсутствует. Напротив, женщина выступает как субъект с неполной властью, как тот, кто отвечает, но не обладает силой призыва. Причём этот отклик, в соответствии с господствующими моральными нормами, предписан ей как «естественная» гендерная обязанность.

Добродетель, мягкость и доброжелательность, будь то социально сконструированные или культурно приписанные, побуждают женщину вновь и вновь откликаться на зов Лица. Но на этом этапе её отклик уже перестаёт быть просто ответом — он становится трудом, этической работой.

Как говорит Левинас, равенство невозможно отделить от приятия лика, моментом которого оно является. В этом приятии лица — приятии, которое уже является моей ответственностью в отношении его, когда он, следовательно, как нечто высшее касается меня и владычествует надо мной — возникает равенство^[8]. Однако в моральной структуре «Ли цзи» женщина изначально лишена этого основания: она не наделена тем статусом Лица, который позволил бы ей быть признанной как источник этического равенства.

Конкретно говоря, этический труд женщины в «Ли цзи» характеризуется двумя ключевыми признаками. Во-первых, это бесконечность: ответственность не имеет чётких границ и не прекращается даже при физиологической усталости или эмоциональном истощении. Во-вторых, это односторонность: этическая нагрузка направлена всегда вверх или наружу, но не возвращается к самой женщине.

Ответственность оказывается выражением фатального и неизбежного возвращения к себе^[14], и в этом смысле сыновняя преданность женщине по отношению к родителям,

покорность мужу, забота о детях образуют структуру жизни ради Другого. Когда этическая асимметрия воплощается в социальной реальности в форме гендерной организации, бесконечная ответственность перед Другим перестаёт быть этическим призванием к самопревосхождению и оборачивается моральной легитимацией институционального неравенства.

Следует особо подчеркнуть, что этическая ответственность, возложенная на женщину в «Ли цзи», не может быть сведена к пассивному повиновению институциональному порядку. В конкретных родственных отношениях и жизненном опыте женщины действительно демонстрируют эмоциональный отклик и моральное принятие Другого — будь то в заботе о детях или в трауре по умершим. Эти действия включают в себя аффективные механизмы, не поддающиеся полному нормативному контролю: ответ Другому как как спонтанное и глубоко чувственное участие.

Однако эта ответственность оказывается глубоко встроенной в ритуально-этическую структуру конфуцианства, превращаясь в «ролевую задачу» или «обязанность порядка», направленную в конечном счёте на воспроизведение социальной иерархии и гендерного разделения.

В этической структуре Левинаса Другой — предваряющее и не отторгаемое присутствие^[8]. Следовательно, ответственность по отношению к нему носит односторонний и бесконечный характер, в то время как Другой освобождён от обязанности отвечать. Такая модель, хотя и стремится сохранить трансцендентность и несводимость Другого на философском уровне, в контексте гендерной политики может трансформироваться в форму структурного давления на женщину.

Восстановление женской этической субъектности не означает предоставление ей ещё большей доли жертвы, но требует признания её голоса и зова как самостоятельного этического начала. Это также предполагает демонтаж гендеризированной структуры обязанности и утверждение права женщины на отказ от ответственности и на установление пределов.

Тем не менее такая деконструкция не может и не должна вести к другой крайности — к полному отрицанию этической ценности отклика. Если Я замыкается в себе как абсолютный субъект и радикально отказывается от Другого, женщина рискует оказаться в новой изоляции — в пространстве, лишённом отношений, события и уязвимости.

Поэтому настоящий вопрос заключается не в том, откликаться или нет, а как откликаться, и в рамках какой реляционной структуры отклик может быть признан этически допустимым. Ответ не должен быть навязанной обязанностью, исходящей из гендерных ожиданий, — он должен быть осознанным выбором этического субъекта, формой отклика, сохраняющей агентность даже в условиях асимметрии. Женский ответ на «лицо» мужчины может быть выборочным, условным, рефлексивным — и даже отказным. Ключевой момент здесь в том, что этическая сила ответа заключается не в подчинении, а в наделении себя правом на голос и суждение. Начать по-настоящему — значит начать, неотчуждаемо владея собой^[8].

Иными словами, речь идёт не о «отказе от отклика», а о переопределении его условий. Это путь к освобождению от навязанной обязанности при сохранении возможности этического отношения — путь, который представляет собой важнейший признак зрелости женской субъектности. Это — важный ориентир зрелой субъектности.

Несмотря на это, некоторые исследователи выступают в защиту конфуцианской этики,

переосмысливая её с новых, нео интерпретативных позиций. Так, утверждается, что «конфуцианская этика, несмотря на её патриархальные выражения, предлагает онтологию отношения, которая может служить феминистским целям»^[12]; а женский голос, как подчёркивается, «возникает в процессе диалога с конфуцианскими добродетелями, а не просто в оппозиции к ним»^[15]. В других подходах ли (ритуал) в «Ли цзи» интерпретируется как выражение разума: вторая семантика ли связывается с проявлением человеческой рациональности^[16]. Тем не менее всё это, как справедливо ставит под сомнение Ли Миншу, не устраниет главный вопрос: если конфуцианство не в состоянии откликнуться на проблему гендерной справедливости, его притязание на моральную универсальность теряет убедительность^[17].

В контексте гендерной политики женщина, как носительница этической практики, нередко оказывается призываемой к ответственности со стороны Другого, который по своей сути остаётся неотвечающим. Этот Другой — не просто конкретный мужчина, а замкнутый механизм, формируемый патриархальной структурой, системой культурных символов и институциональным дискурсом. Внутри этой конструкции женщина, с одной стороны, постоянно ощущает, принимает и предвосхищает тяжесть эмоциональных отношений, а с другой — остаётся исключённой из этической сети, где возможен взаимный отклик. Она одновременно эмоционально откликается на призыв конкретного Другого и институционально подчиняется абстрактному, нормативному порядку.

Такая составная ответственность — не чистый Другой и не просто предписание ритуала, а гибридная структура, в которой этичность постоянно размывается и подменяется.

Этическая ответственность, возложенная на женщину в «Ли цзи», не означает признания её этической субъектности. Напротив, именно посредством этого навязанного обязательства её субъектность оказывается ещё более затемнённой. Женщина выступает как практик этической системы, но остаётся лишённой речи внутри этического дискурса. Эта механика этического молчания представляет собой глубинную структурную проблему гендерного порядка, закреплённого в «Ли цзи».

Если обратиться к теории Левинаса, становится очевидным, что женский этический образ в «Ли цзи» не наделён способностью быть Лицом. Она не обладает силой, способной прервать замкнутую систему и вынудить субъекта к ответу; напротив, она функционирует как интегрированный элемент ритуального порядка, подчинённый и мобилизуемый в рамках его внутренней логики.

Заключение

Анализ этической структуры «Ли цзи» в свете философии Левинаса выявляет важнейший парадокс: женщина, являясь носительницей бесконечной ответственности и ключевой фигурой в поддержании морального порядка, сама лишена признания в качестве Лица, способного инициировать этическое отношение. Её отклик на Другого не сводится к простой нормативной реакции — он вплетён в сложную ткань аффективных импульсов, культурных ожиданий и социальной дисциплины. Забота, покорность, участие — всё это выражает не только внутреннюю эмоциональность, но и результат длительной культурной работы по формированию «женской добродетели». Таким образом, отклик женщины — это не только чувство, но и форма встроенного принуждения, в которой подлинная субъектность размывается.

Однако этическая философия, построенная исключительно на способности женщины отвечать, но не призывать, воспроизводит молчание, которое Левинас стремился

преодолеть. Если Лицо — это прежде всего зов, исходящий из инаковости, то этическая справедливость требует признания женщины не только как отвечающего субъекта, но и как того, кто может звать. Женский голос, способный инициировать обращение, формирует не просто новую ролевую позицию, а переосновывает саму структуру этики, в которой отношения строятся не на иерархии долга, а на взаимном узнавании уязвимости.

Восстановление женщины как призывающего Лица означает выход за пределы патриархальной логики признания и открытие пространства, где женский отклик и женский зов могут сосуществовать как равноправные формы этического бытия. Только в этом реляционном равновесии возможно подлинное восстановление женской субъектности — не как жертвы, а как творящей и этически говорящей силы.

Библиография

1. Чантер Т. (ред.). Феминистские интерпретации Эммануэля Левинаса. Университет штата Пенсильвания: Penn State Press, 2010. 288 с.
2. Кац К. Э. Левинас, иудаизм и женственность: Безмолвные шаги Ревекки. Блумингтон: Университет Индианы, 2003. 224 с.
3. Батлер Д. Гендерные вопросы / Д. Батлер // Философия в современном мире. 2000. Т. 7, № 1. С. 13-19.
4. Мэннинг Р. Дж. Шеффлер. Мыслить Иного без насилия? Анализ соотношения философии Эммануэля Левинаса и феминизма // Журнал спекулятивной философии. 1991. Т. 5, № 2. С. 132-143.
5. Мелихов Г. В. Женское как "свое" и "другое": вариации на темы философствования Л. Иригарей и Э. Левинаса / Г. В. Мелихов // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия: Философия. Филология. 2008. № 1(3). С. 138-149. EDN: NIZTWH.
6. Калинина А. С. Понятие Другого и этика в философии Э. Левинаса / А. С. Калинина // Вестник Челябинского государственного университета. 2020. № 5(439). С. 124-129. DOI: 10.24411/1994-2796-2020-10516. EDN: IUARWM.
7. Беларев А. Н. Лицо другого у Э. Левинаса и А. А. Ухтомского / А. Н. Беларев // Studia Litterarum. 2017. Т. 2, № 4. С. 30-43. DOI: 10.22455/2500-4247-2017-2-4-30-43. EDN: YMUZPM.
8. Левинас Э. Избранное. Тотальность и бесконечное. М.; СПб.: Университетская книга, 2000. 416 с.
9. Левинас Э. Время и другой. Гуманизм другого человека. СПб.: Высшая религиозно-философская школа, 1998. 260 с.
10. Книга обрядов (Ли цзи). Пекин: Чжунхуа шуцзюй, 1999. 1148 с.
11. Сюэ Г. Исследование семейной этики в "Ли цзи": дис. ... канд. филос. наук. Чжэнчжоу: Хэнаньский университет, 2013.
12. Раффалс Л. Разделённый свет: Представления о женщинах и добродетели в раннем Китае. Олбани: Изд-во университета штата Нью-Йорк (SUNY Press), 1998. 348 с.
13. Бовуар С. де. Второй пол. М.: Прогресс; СПб.: Алетейя, 1997. 832 с.
14. Евстропов М. Н. Теория субъективности Эмманюэля Левинаса: между онтологией и этикой / М. Н. Евстропов // Мысль: Журнал Петербургского философского общества. 2013. Т. 15. С. 57-70. EDN: SMFMEX.
15. Манн С. Под конфуцианским взглядом: Тексты о гендере в истории Китая. Беркли: Университет Калифорнии, 2001. 310 с.
16. Чжан Ц. Исследование гуманистического духа и ценностей культуры ритуала: дис. ... канд. филос. наук. Чжэнчжоу: Чжэнчжоуский университет, 2006.
17. Ли М. Обсуждение и ответ современного конфуцианства на проблему гендерной дискриминации // Philosophy and culture. 2019. Т. 46, № 9. С. 177-191.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предмет статьи «Призывающее и отвечающее: интерпретация конфуцианского канона «Ли цзи» с позиции современной феминистской критики» автор определил самостоятельно: «Настоящая статья предлагает анализ канона «Ли цзи» через призму левинасовской теории Другого и этической ответственности...».

Методология исследования разнообразна и включает сравнительно-исторический, аналитический, описательный и др. методы.

Актуальность статьи чрезвычайно велика, особенно в свете возросшего интереса современного научного сообщества к истории, философии и культуре Востока.

Научная новизна работы также не подлежит сомнению, равно как и ее практическая польза для научного сообщества и разноплановой читательской аудитории.

Статья представляет собой весьма достойное научное исследование, в котором стиль, структура и содержание практически полностью соответствуют требованиям, предъявляемым к статьям такого рода. Нами были обнаружены некоторые недостатки, исправление которых поможет улучшить статью.

Исследование, как мы уже отметили, отличается очевидной научностью изложения, содержательностью, тщательностью, четкой структурой. Отметим, в первую очередь, ряд бесспорных достоинств этой работы.

Стиль автора характеризуется оригинальностью и логичностью, доступностью и высокой культурой речи. Работе присуща четко выстроенная структура и масса интересных фактов. Автор делит исследование на главы:

«Понятия Другого и Лица Левинаса;

Гендерная конструкция и структура этики в «Ли цзи»;

Этическая ответственность женщины: отклик на лицо Другого».

Работа представляет огромный интерес с точки зрения влияния мировоззрения (в первую очередь, конфуцианских идей) на культуру поведения людей. Автор пишет: «Канон «Ли цзи», являющийся одним из центральных источников конфуцианских ритуалов и этических норм не только зафиксировал основные представления о гендерном разделении ролей и социальной иерархии, но и определил положение женщин в структуре семьи и государства».

Он подробным образом раскрывает исследуемые понятия, что весьма интересно для науки и свидетельствует о его глубочайших познаниях:

«В мировоззренческой системе «Ли цзи» «ли» рассматривается не только как инструмент поддержания общественного порядка, но и как принцип, регулирующий иерархии — старшинства, социального ранга и половой дифференциации. Женское поведение в тексте строго нормировано вплоть до мельчайших деталей: для сна и бодрствования, одежды, еды, речи и походки установлены определённые стандарты. <...> Этическая мысль «Ли цзи», охватывающая три ключевые сферы — личную мораль, семейные обязанности и общественные идеалы, составляет основу конфуцианской структуры этики».

Приводя многочисленные примеры, автор весьма подробно знакомит читателя с основами канона «Ли цзи». Очевидно его глубокое погружение в исследуемый предмет и умение передать читателю свои знания: «В философии Эммануэля Левинаса фигура Другого занимает положение краеугольного камня[6]. Лица, по его мысли, — это не объекты познания или насилиственного манипулирования, то есть нечто, с чем можно

обращаться без ожидания ответ [7]. Под «лицом» он понимает не конкретные черты внешности человека, а присутствие Другого, обращённое ко Мне — призыв, исходящий из-за пределов визуального восприятия и объективирующего мышления.

С появлением лица Другого раскрывается не внутренний мир, ранее скрытый, и не расширяется область познания или обладания[8], но происходит прерывание стремления к господству над Другим», - пишет он.

В то же время, в начальных абзацах статьи исследователь, на наш взгляд, слишком увлекается обзором источников, что придает работе излишнюю реферативность, которой можно было бы избежать.

К сожалению, вынуждены отметить, что в работе встречается ряд пунктуационных ошибок, например: «Несмотря на то что гендерные исследования в конфуцианской традиции и этическая философия Левинаса развиваются как самостоятельные академические направления, точка их пересечения остаётся практически неосвоенной областью. Настоящая статья предлагает анализ канона «Ли цзи» через призму левинасовской теории Другого и этической ответственности, с целью выявить, каким образом женщина, принимая на себя моральные обязательства, одновременно, оказывается систематически исключённой из пространства этического субъекта». Или : «Как говорит Левинас, «Равенство невозможно отделить от приятия лика, моментом которого оно является».

Мы настоятельно рекомендуем автору тщательно вычитать текст и исправить их.

Библиография данного исследования является вполне достаточной и разносторонней, включает основные источники по теме. Обратим внимание автора на оформление, в особенности тех источников, что опубликованы под редакцией.

Апелляция к оппонентам представлена в достойной мере и выполнена на должном научном уровне.

Как уже было замечено, автор делает ряд серьезных и глубоких выводов, вынося их в отдельную часть, вот лишь некоторые из них: «Анализ этической структуры «Ли цзи» в свете философии Левинаса выявляет важнейший парадокс: женщина, являясь носительницей бесконечной ответственности и ключевой фигурой в поддержании морального порядка, сама лишена признания в качестве Лица, способного инициировать этическое отношение. Её отклик на Другого не сводится к простой нормативной реакции — он вплетён в сложную ткань аффективных импульсов, культурных ожиданий и социальной дисциплины».

На наш взгляд, статья после исправления указанных небольших недостатков будет представлять большой интерес и практическую пользу для разнообразной читательской аудитории - практиков, студентов и педагогов, историков, философов и т. д., а также всех тех, кого интересуют вопросы развития китайского общества.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

В журнал «Человек и культура» автор представил свою статью «Призывающее и отвечающее: интерпретация конфуцианского канона «Ли цзи» с позиции современной феминистской критики», в которой представлена интерпретация классического китайского философского учения с позиции феминистского подхода.

Автор исходит в изучении данного вопроса из того, что в традиционной китайской культуре конфуцианская мысль на протяжении веков служила основой нравственного и социального порядка, оказывая глубокое влияние на формирование гендерных

отношений. Канон «Ли цзи», являющийся одним из центральных источников конфуцианских ритуалов и этических норм, не только зафиксировал основные представления о гендерном разделении ролей и социальной иерархии, но и определил положение женщин в структуре семьи и государства. Современная философская рефлексия над этими вопросами побуждает автора обратиться к более широкому этическому горизонту, в котором возможно осмысление логики субъектности и механизмов закрепления за женщины позиции инаковости.

Актуальность исследования обусловлена возрастающим научным интересом к теме женского начала в традиционных философских и религиозных учениях.

Цель исследования заключается в анализе канона «Ли цзи» через призму теории Другого и этической ответственности, разработанной Эммануэлем Левинасом и реконструкции женского высказывания в рамках конфуцианского дискурса. Предметом исследования является конфуцианский канон «Ли цзи». Методологическую базу исследования составили общенаучные методы описания, анализа и синтеза, а также компаративный и философский анализ. Теоретическим обоснованием послужили труды таких зарубежных и отечественных исследователей как Левинас Э., Манн С., Ли М., Мелихов Г. В., Чжан Ц. и др.

На основе анализа научной обоснованности проблематики автор приходит к заключению о достаточном объеме трудов, посвященных феминистской интерпретации классической философской мысли. Научная новизна данной статьи и заключается в переосмыслении конфуцианского канона «Ли цзи» как источника этических норм и гендерных ролей традиционного патриархального общества с позиции феминизма.

В своем исследовании автор исходит из тезиса, что в конфуцианской концепции несмотря на принятие женщины моральных обязательств, она одновременно оказывается систематически исключённой из пространства этического субъекта. Автор опирается на положения философии Эммануэля Левинаса, сосредоточенной на понятиях этической ответственности и опыта Другого.

Подвергая критике патриархальные традиции и каноны конфуцианства, автор отмечает, что женщина в таком обществе нередко оказывается призываемой к ответственности со стороны Другого, который по своей сути остаётся неответчаемым. Этот Другой — не просто конкретный мужчина, а замкнутый механизм, формируемый патриархальной структурой, системой культурных символов и институциональным дискурсом. По мнению автора, этическая ответственность, возложенная на женщину в «Ли цзи», не означает признания её этической субъектности. Напротив, именно посредством этого навязанного обязательства её субъектность оказывается ещё более затемнённой. Женщина выступает как практик этической системы, но остается лишённой речи внутри этического дискурса. Эта механика этического молчания позволяет автору обозначить глубинную структурную проблему гендерного порядка, закреплённого в «Ли цзи».

Анализируя «Ли цзи» с помощью теории Левинаса, автор приходит к заключению, что женский этический образ в не наделён способностью быть Лицом. Женщина не обладает силой, способной прервать замкнутую систему и вынудить субъекта к ответу; напротив, она функционирует как интегрированный элемент ритуального порядка, подчинённый и мобилизуемый в рамках его внутренней логики.

В заключении автором представлен вывод по проведенному исследованию, в котором приведены ключевые положения изложенного материала.

Представляется, что автор в своем материале затронул актуальные и интересные для современного социогуманитарного знания вопросы, избрав для анализа тему, рассмотрение которой в научно-исследовательском дискурсе повлечет определенные изменения в сложившихся подходах и направлениях анализа проблемы, затрагиваемой в представленной статье.

Полученные результаты позволяют утверждать, что современное инновационное трактование классических философских идей представляет несомненный теоретический и практический культурологический интерес и может служить источником дальнейших исследований.

Представленный в работе материал имеет четкую, логически выстроенную структуру, способствующую более полноценному усвоению материала. Этому способствует и адекватный выбор методологической базы. Библиографический список состоит из 17 источников, что представляется достаточным для обобщения и анализа научного дискурса по исследуемой проблематике. Однако автору необходимо оформить библиографический список в соответствии с требованиями ГОСТа и редакции журнала. Текст статьи выдержан в научном стиле.

Автор выполнил поставленную цель, получил определенные научные результаты, позволившие обобщить материал. Следует констатировать: статья может представлять интерес для читателей и заслуживает того, чтобы претендовать на опубликование в авторитетном научном издании.

Человек и культура

Правильная ссылка на статью:

Межинская В.Р. Санкт-Петербургский городской пейзаж в современной академической живописи // Человек и культура. 2025. № 3. DOI: 10.25136/2409-8744.2025.3.74448 EDN: YSSIMU URL:
https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=74448

Санкт-Петербургский городской пейзаж в современной академической живописи

Межинская Владислава Руслановна

ORCID: 0009-0001-0621-7505

аспирант; кафедра Русского искусства; Санкт-Петербургская Академия Художеств имени Ильи Репина

192076, Россия, г. Санкт-Петербург, Невский р-н, Рыбацкий пр-кт, д. 18 к. 2, кв. 970

✉ vladislava.mezhinskaya@yandex.ru

[Статья из рубрики "Искусство и искусствознание"](#)

DOI:

10.25136/2409-8744.2025.3.74448

EDN:

YSSIMU

Дата направления статьи в редакцию:

14-05-2025

Дата публикации:

12-06-2025

Аннотация: В статье раскрывается тема «городского пейзажа», формулируется основные особенности, на примере работ художников. В современной академической живописи совсем не много изображений, в которых гармонично соединяются жанровые сюжеты и городские виды. Среди выпускников Санкт-Петербургской Академии художеств есть множество художников, которых увлекают «живые» аспекты городской среды: А. Горланов, К. Мальков, а также П. Тютрин, А. Макаров, И. Тупейко. Они находят вдохновение во всем, что видят вокруг себя (в прохожих на улицах, в праздничных событиях на площадях и бульварах). Тонкость восприятия художников сфокусирована на занятных мелочах и сюжетности. В творчестве этих пейзажистов обыденная жизнь Северной столицы воспринимается как бесконечно меняющийся мотив. Предмет исследования – городской пейзаж Санкт-Петербурга. Для изучения данной темы

применены методы исследования такие, как культурно-исторический и формально-стилистический анализ. Исследование обусловлено малой степенью изученности современного петербургского городского пейзажа в научно-теоретической области искусствоведения. Городской пейзаж мастерски балансирует между двумя принципами изображения действительности: натурным, реалистическим, и условным, декоративным. В современной академической живописи в жанре городского пейзажа показано различное взаимодействие человека с городской средой: изображения могут передавать органичное существование в динамике строгой геометрии города, одиночество и изоляцию, контраст между историей и современностью. В практике современного академического искусства новые подходы к пейзажу во многом синтезируют привычные зрителю жанровые формы. Пейзажные образы могут присутствовать в портретах, натюрмортах, бытовых сценах, где природа или городской фон служат для создания определённого настроения, символики или композиционного решения. Городской пейзаж в современной академической живописи занимает значительное место, поскольку он позволяет художникам передавать динамику городской жизни и её внутренние противоречия.

Ключевые слова:

городской пейзаж, современное искусство, живопись, петербургский пейзаж, пейзажная живопись, пейзажный жанр, современный пейзаж, академическая живопись, Академия художеств, Санкт-Петербург

Центральные улицы, набережные и каналы Петербурга пленяют своими блестательными архитектурными постройками, романтическими видами в любое время суток, а также сценами из простой «частной» жизни местных жителей: от прогулок влюбленных и праздничной восторженности до загруженных будничных магистралей. Своеобразие и красота Северной столицы отражаются в памятниках архитектуры, переплетающихся с современным ритмом жизни. Город постоянно притягивает к себе внимание, предлагая осмысливать его непростые взаимосвязи с человеком. В живописных пейзажах с петербургскими видами немаловажным было и остается как внешнее эстетическое убранство, так и сами люди, которые существуют в нем. В картинах представителей академической школы можно увидеть, как изменялся городской ландшафт за последние десятилетия: создание образа города достигает особого совершенства не только в традиционных видах, но и в сценах из жизни горожан. По сравнению с произведениями ленинградской школы конца XX века пейзаж современных художников сильно изменился: различия становятся очевидными, если проанализировать их композиционный строй, художественные и технические средства, используемые живописцами для создания эмоционально наполненного образа Петербурга.

Особенности развития городского пейзажа в современной живописи связаны с рядом наблюдений за обликом города, которое сложилось в трудах популярных урбанистов, литераторов, философов. Концепция социального конструирования пространства Анри Лефевра является фундаментальной: его подход к пространству сосредоточен на идеи о том, что пространство не является нейтральным или инертным, а представляет собой динамический социальный продукт, формируемый социальными отношениями и практиками [12]. Американский исследователь по изучению образа города, Кевин Линч, писал о том, что город представляет собой сложный живой организм, специфичный в своем осмыслении. «Все воспринимается не само по себе, а в отношении к окружению, к

связанным с ним цепочкам событий, к памяти о прежнем опыте» [\[11, с. 15\]](#). Таким образом, созерцая окружение, человек видит не только архитектуру, но и более сложные связи с ней. В книге Итalo Кальвино «Невидимые города» (1972) городские пространства часто описываются как живые существа: как места, где хранятся воспоминания и опыт людей, что делает их похожими на живые организмы, которые накапливают и сохраняют информацию [\[10, с. 222\]](#). Невозможно не согласиться с мнением Г. Горновой о том, что «как субъект коммуникации человек делает город «своим», обжигает его, вводит в свой личный жизненный мир объективированные формы городской культуры, добавляет городу человеческое измерение» [\[4\]](#). Таким образом, во взаимосвязи человека и города, происходит неожиданное, спонтанное наделение пространства важным жизненным смыслом.

Петр Вайль в своих работах часто обсуждал тему города и его культурного значения. В его книге «Гений места» (1999) он исследует то, как городская среда формируется под влиянием творческих людей, которые способны передать эмоциональное состояние города и его неповторимую атмосферу, иначе говоря, его «душу» [\[2\]](#). Писатель стремится доказать то, что индивидуальное восприятие города складывается из личного опыта: каждый творец зафиксировать особые изменения в городском пространстве и в этом процессе, как правило, он преодолевает свою культурную замкнутость и постигает многообразие мира, вступает с ним в диалог, раздвигая границы своего субъективного смыслового пространства.

«Город как многогранный историко-культурный феномен ...предопределяет типологическое многообразие жанра «городской пейзаж» [\[11\]](#). «В произведениях искусства город может быть реальным, идеальным, фантастическим, может быть символом и знаком, может быть главным героем и фоном, он может быть материальным, вещественным или, напротив, призрачным, размытым, поводом к выражению тонких движений души, его можно показать панорамно или через выхваченный, взятый крупно фрагмент, с парадной или неприглядной стороны, он может быть передан топографически точно или стать средством формальной игры, туристическим сувениром или способом философского осмысления бытия» [\[13\]](#). В изобразительном искусстве, в частности в живописи, обычно различают несколько направлений городского пейзажа: архитектурные пейзажи, урбанистические, производственные (индустриальные пейзажи) и городские сцены. «Сам жанр пейзажной живописи предполагает акцент на среде. При этом ряд художников «соглашается» с этой данностью, другие же, которых все-таки не так много, вносят яркий личностный аспект, делая личность главным фигурантом картины» [\[5\]](#). Исходя из этого, последний тип пейзажа представляет наибольшую степень близости человека и смысла города: когда он интересовался не столько архитектурой города, сколько взаимоотношениями между людьми и городом. Городские сцены представляют собой особое явление, когда пейзажный, по существу, образ перерастает в жанровый: человеческие фигуры перестают быть просто стаффажем. Суета улиц, множество архитектурных форм, разнообразие цветов и оттенков – все это сплетается в единой сюжетной картине. Наблюдение за тончайшими изменениями городских нюансов позволяет талантливым мастерам зафиксировать мгновения исчезающего и ускользающего бытия. Таким образом, городские сцены дают художнику больше возможностей для выражения в красках своего ощущения живого дыхания города.

В ленинградской школе живописи пейзаж занимал особое положение как жанр, позволяющий художнику одновременно оставаться в пределах строгой изобразительности и раскрывать личностное, чувственно-интонационное отношение к

миру. В этом контексте пейзаж становился формой философского наблюдения, средством передачи не только внешнего облика, но и внутреннего состояния — будь то тревожность, меланхолия, одиночество или тихая радость повседневности.

Особое внимание этому аспекту уделила А.И. Струкова [14], И.Н. Карасик [8]. Искусствовед М. Ю. Герман в своей монографии о творчестве А. Русакова, применяет понятие «ленинградская школа» исключительно в контексте пейзажной живописи 1930-х гг. [3]. Причем, по его мнению, художники того времени не составляли единого художественного объединения, их работы объединяла общая атмосфера петроградско-ленинградской художественной культуры. Это уточнение убедительно подчеркивает, что пейзаж в их творчестве служил не только изображением городской среды, но и способом передачи личных переживаний и настроений.

Одной из причин устойчивости этого жанра в ленинградском искусстве была опора на академическую живописную традицию. Кроме того, академическая школа способствовала углублению философско-эмоционального восприятия пейзажа. Все дело в том, что многие известные художники-пейзажисты ленинградской школы (А.Е. Карев, А.П. Коровяков, В.В. Прошкин, Г.А. Савинов и другие) прошли обучение в Академии художеств, что сформировало у них высокую культуру живописного мышления и стремление к гармонии формы и содержания. Академический подход предлагал художникам особый инструментарий для достижения городской среды: он позволял сохранять баланс между объективной фиксацией и субъективной интерпретацией в пейзаже. Академическая живопись, важная составляющая ленинградского искусства, воспитывала точность рисунка, внимательное отношение к тональной модели и композиции. На протяжении многих десятилетий в Академии художеств учили тому, что искусство помогает видеть и воспринимать красоту в повседневном. Многие академические художники-преподаватели (такие как Ю. М. Непринцев, В. М. Орешников, В. И. Рейхет, В.В. Соколов) откликались на меняющийся мир вокруг них через изображения различных ландшафтов: природных или городских. Часы для изучения пейзажа отводились в рамках пленэра, который позволял изучать окружающий мир с натуры, что невозможно в рамках аудиторных часов. В мастерских учили тому, чтобы передать суть городского пейзажа, воспроизведя не только воспроизвести архитектурные детали, но и атмосферу в целом. Для этого простое наблюдение за жизнью города было нужно превратить в личное переживание, привнести в произведение свою, уникальную, точку зрения. Большую роль здесь играли представления о гармонии, поиск и выявление ритма вертикальных, горизонтальных линий зданий и улиц, переплетение которых образует городскую ткань. Внимание к фигуре человека было важным в связи с тем, чтобы добиться внятности эмоционального впечатления и иногда нарушения монотонности.

В этой напряжённом противостоянии между традицией и личным опытом, и развивается феномен ленинградского академического пейзажа второй половины XX в. Пейзаж становился не просто жанром изображения окружающего, но формой индивидуального высказывания, через которую художник стремился выразить не только облик города или природы, но и собственное переживание пространства и времени.

В своей научной работе «Ленинградская пейзажная живопись 1960– 1980-х гг.: трансформация проблемного поля исследований» А.Ю. Цветкова анализирует особенности ленинградской пейзажной живописи этого периода: исследователь также акцентирует внимание на необходимости переосмыслиния традиционных подходов к анализу ленинградской пейзажной живописи [16]. Исследователь обращает внимание на

такие характеристики, как уход от идеологически нагруженной образности, усиление лирико-личностного начала и развитие камерного формата. Личностное начало, о котором пишет Цветкова, проявляется и в выборе сюжетов, и в способах изображения города, становящегося в петербургской живописи XX в. одновременно ландшафтом и внутренним состоянием.

В последнее время состоялось не так много выставок, на которых показывали ленинградское искусство: «Ленинград-Петербург. Живопись. Диалог эпох» (2024, Галерея Искусств Зураба Церетели), «Свет и воздух. Традиции импрессионизма в советской живописи» (2023-2024, Музей искусства Санкт-Петербурга). И все же эти экспозиции позволили взглянуть на то, как в конце XX в. складывались устойчивые художественные образы Ленинграда — города, который становился не только темой, но и героем пейзажной живописи. Самым долгим был выставочный проект «Ленинградский пейзаж. Живопись 1950-1980-х гг.» (2022-2024, Музей истории Санкт-Петербурга). В залах музея были показаны пейзажи художников, которые представляют собой значимые фигуры ленинградской (советской) живописи второй половины XX в., чье творчество демонстрирует разнообразие подходов к изображению города отражает особенности позднесоветского реализма: одни авторы показывают Ленинград как пространство света и тишины, другие запечатляют город как место жизни людей. На материале собранных произведений можно заметить следующее: в течение XX в. в петербургском искусстве сложились определенные иконографические традиции изображения города. Петербург захватывал внимание художников архитектурным обликом (Н. Фомин «Гостиница советская» (1982); И. Уралов «Дворец спорта «Юбилейный» (1982)), пульсацией дневного города (В. Борисов «На Васильевском острове» (1997), «Арка Главного штаба» (1991); А. Блиок «На малой Садовой» (1981)), уличными развлечениями (Н. Ломакин «Зима» (1950-1980), «Новые кварталы» (1981)). Советских художников больше всего интересовала передача свойственных контрастных красочных эффектов земли и неба (Н. Баскаков «После дождя» (1984); Л. Рончевская «Белая ночь» (1983)). Довольно часто образ советского Ленинграда создавался через взаимодействие архитектурных памятников с динамичной городской жизнью. Уже тогда художников интересовало взаимодействие между людьми в окружении пейзажа.

В своих научных трудах С.М. Грачёва анализирует границы и горизонты реализма в современной петербургской живописи, и отмечает, что художники, опираясь на академическую школу, стремятся обновить художественный язык, не отказываясь от принципов образности и живописности [6]. В своих публикациях Л. А. Скобкина анализирует, как академические традиции влияют на современное художественное мышление и как они интегрируются в новые формы искусства [15]. Р. Бахтияров анализирует, как академическая школа способствовала развитию индивидуального стиля художников, сохраняя при этом высокие стандарты изобразительного искусства [7]. Работы, посвящённые выставкам и художникам, связанным с академической традицией, опубликованные в различных каталогах и сборниках, таких как «Петербургские искусствоведческие тетради». В этих материалах подчеркивается то, что современный академический пейзаж сохраняет преемственность с классической школой, но развивается в сторону более интонационного и субъективного высказывания.

Итак, ведущей проблемой современного академического пейзажа является возможность совмещать достоверность наблюдения с поэтичностью образа, создавая произведения, в которых визуальная среда выступает не только предметом изображения, но и носителем смыслов.

В современной академической живописи городской пейзаж тоже во многом связан с изображением центра Петербурга: его центральных улиц, набережных и каналов. То есть основой для формирования пейзажного образа безусловно являются объективные факторы такие как география города, его климатические и ландшафтные особенности. Но все-таки некоторые художники не столько исследуют архитектуру, а повседневные городские сцены, которые позволяют лучше понять связь между городом и его обитателями. Живописцы созерцают происходящее рядом со сценой действия. В картинах академических художников видение города субъективно, они отражают разные грани городского многообразия. В этом художникам помогают различные техники и приемы работы в живописи.

Шумную энергию уличной жизни стремится запечатлеть Андриан Горланов (р.1964), Кирилл Мальков (р.1965) и Иван Тупейко (р.1995). В 2020-2024 гг. эти художники-пейзажисты провели свои персональные выставки пейзажей, а также являются постоянными участниками ежегодной большой выставки "На солнечной стороне" в Санкт-Петербургском союзе художников. Их произведения представляют яркие примеры пленэрной живописи, которая отличается энергичным письмом. Этим художникам важно передать точные состояния природы, ощущение динамики и движения городской жизни. Живописцы добиваются этого ощущения при помощи детальной проработкой деталей.

К. Мальков часто пишет каналы, бульвары и в этих изображениях мастер смело обращается с перспективой, показывая, главным образом, панорамы города, наполненные романтическим восхищением блестательным городом. В его картине «Невский проспект» композиция четко разделена на два регистра. В нижнем регистре - поток людей движется по центральной артерии города: все спешат по своим повседневным делам или праздно прогуливаются по городским улицам. Пестрая стихийная толпа заслоняет архитектуру.

Пейзаж А. Горланова «Лавра. Утренние часы» (2020) обладает воздушностью, искрящейся дробными разноцветными мазками, обозначающими людей на переднем плане в то время, как сам памятник остается позади. «В каналах северной столицы, величественных пространствах классицизма, изящных и строгих линиях барокко и сложных формах эклектики исторического центра можно услышать дыхание города и почувствовать его тепло» [\[9, 43\]](#).

В картинах «День победы» (2022), «Метро» (2021) И. Тупейко изображены известные точки города в стремительном ритме потока людей. Художник создает эту динамику, включая в картину использование различных типов пятен, чтобы создать текстурные и детализированные штрихи на холсте. В работах рассмотренных авторов мы увидели динамику и колорит современного Петербурга: мы видим город, который не может существовать без заполненных людьми улиц и перекрестков, без современных развязок и подземных переходов.

Эти несколько живописных примером наглядно показывают то, что в отличии от советских художников, современные авторы, делают ставку вовсе не на чёткое воспроизведение архитектурного облика: они стремятся передать скорее впечатление о памятнике сквозь утренний свет и ритмы толпы. Если в ленинградской живописи соблюдалась доминанта тонального лирического пейзажа (где ключевым является цветовое единство, мягкий переход между землёй и небом, воздушность), то в современные авторы смело работают с искристой фактурой краски, дробным мазком, создавая эффект свечения. Данный факт свидетельствует о том, что живописцам близка стратегия импрессионизма, чтобы показать фрагментированную, быструю среду

современного города.

Продолжим рассматривать творчество остальных живописцев, ярких представителей пейзажа в современной петербургской живописи: Антон Макаров, Пётр Тютрин и Станислав Мирошников. Их значимость заключается в том, что они сохраняют академическую точность формы, но придают ей психологическую насыщенность, создавая образы на грани реального и метафорического.

В картине Антона Макарова «Невский проспект» используется более обобщенный и формальный изобразительный язык, усиливается роль цвета в создании образа динамичного городского пространства. Художник изображает оживленность проспекта, фиксируя все происходящее вокруг Аничкова моста. Художника больше всего увлекает игра с тенями и светотеневыми эффектами, без лишних подробностей и фокусировки на индивидуальных особенностях каждого персонажа. Контуры зданий и даже машины на первом плане представлены расплывчато. Сдержаный колорит этюда в гамме подчеркивает будничность происходящего. Изображения носит фрагментарный характер, но, несмотря на такую ограниченность композиции, отличаются точной передачей состояния природы и эмоциональной насыщенностью благодаря цветовым отношениям и фактурному живописному мазку. Если в вышеуказанных примерах советской живописи (имеются в виду, прежде всего картины Н. Фомина и И. Уралова) архитектура имела точные монументальные очертания, а сами здания выступали как полноценные герои композиции, то в современной живописи постройки изображены как растворенная часть городского потока.

Безмятежное спокойствие набережных каналов изображено в картинах Петра Тютрина (р.1978). Он запечатляет Петербург с разных ракурсов, главным образом, его изнанку и укромные уголки, иногда нарушая привычную точку зрения. Картины написаны с такого ракурса, как будто автор просто гуляет по любимым улицам и показывает нам места, которые дороги ему более всего. Архитектура здесь служит декорацией сценической площадки, где бурлит жизнь: общаются друг с другом, праздно гуляют горожане. В первом пейзаже ограда набережной канала, направляет взгляд зрителя к двум фигурам влюбленных. Вокруг них все залито солнечным светом. В данном произведении Петербург ощущается тёплым, искренним, радушным и совершенно спокойным. В картине «Утро после бала» (2019) изображена набережная канала и одиноко стоящая фигура девушки в белом платье, в котором она напоминает ангела. Романтическое праздничное приключение закончилось, и героиня оказывается в тишине утреннего города, который медленно и постепенно разгорается красками, а вместе с ними мечтами о новом пути в жизни. У Тютрина архитектура служит не центром композиции, а декорацией к личным историям, что радикально отличает его от творчества Фомина и Уралова, В. Борисова, А. Блиока. У Тютрина дневной Петербург предстает интимным, почти камерным пространством, наполненным тёплым светом и человеческими историями. Ритм здесь медленный, «внутренний». Это контрастирует с торжественно-световой подачей в советской живописи.

Образ ночного города и белых ночей всегда занимал особое место среди петербургских городских видов и этюдов. Величественные панорамы С. Мирошникова (1985-2025) в его исполнении строги и точны по рисунку, отличаются сочностью и плотностью цвета. В картине «Северная ночь» (2021) для С. Мирошникова темная часть суток стала периодом, когда человек остается наедине с городом и обостряются чувство одиночества, меланхолия. В этой картине снова присутствует изображение девушки на пустой набережной. Суетливый день растворился в ночной темноте, и в этот момент на набережных всегда можно встретить тоскующих мечтателей, которые ищут гармонию в

шуме вод, свете фонарей - в ускользающих линиях и пятнах. Станислав Мирошников, по сути, тоже продолжает сюжетную линию как в живописи Тютрина: романтические или меланхоличные сцены, где человек не просто часть среды, а центр индивидуальной истории, что говорит о смещении фокуса от социума к личности. Его героиня на набережной — почти символ одиночества, находящийся в диалоге не с обществом, а с городом и собой.

Сравнивая работы трех авторов и вспоминая примеры живописи ленинградских художников, следует отметить следующее: в произведениях советских живописцев цветовые соотношения направлены на достоверность восприятия среды и реалистичную передачу «погоды»; цветовая палитра в живописи современных художников часто близка к эмоциональному состоянию и отражает поиски глубоких напряженных оттенков (или наоборот меланхоличных). В таком использовании цвета просматривается связь с символизмом и экспрессионизмом.

В городских пейзажах современных академических художников образ Петербурга и его атмосферы представлен многогранно. Несмотря на то, что в картинах очевидны разные грани настроений пейзажа, контраст этот оказывается неконфликтным. Через все картины прослеживается единая непрерывная линия восприятия города: чистое созерцание и наслаждение замечены. В изображениях практически отсутствуют очертания огромных памятников архитектуры, из-за которых обычно возникает ощущение монументальности изображаемой культурной столицы.

Советская и современная петербургская пейзажная живопись, несмотря на различия в художественной эпохе и культурных установках, связаны между собой преемственностью визуальных тем и мотивов. Для советской живописи характерна установка на объективную фиксацию городской среды с опорой на реалистическую изобразительность. Архитектура в таких работах — полноправный герой. Пространство города организовано, статично и в то же время наполнено жизнью.

В отличие от этого, современные пейзажисты Петербурга предлагают личностную, интонационно насыщенную трактовку городской среды. Городские пейзажи современных авторов демонстрируют незамысловатость композиций, но при этом каждое изображение обладает свежестью впечатления: художники нередко интуитивно схватывает в привычной картине особенные черты, которые впечатляют зрителя и оставляют в его памяти след. Особенность городского пейзажа в живописи академических художников заключается в выборе точки зрения и композиции, подчеркивающая определенные элементы городского пространства. Фигура человека приобретает самостоятельную выразительность, часто оказывается центральным носителем настроения. Так, город перестаёт быть внешним объектом — он становится пространством внутреннего проживания, полем для эмоциональной проекции.

Если в советской живописи цвет чаще всего был инструментом описания визуального мира и фиксации объективного состояния природы (влажность, сумерки, отражения, тепло), то в современной петербургской живописи цвет становится носителем субъективного восприятия, психоэмоционального содержания, иногда — символической нагрузки. Он помогает выразить личное отношение к городу, настроение, память или ощущение присутствия в конкретном моменте.

Академические художники помогают зрителю заново увидеть городской пейзаж: петербургский городской пейзаж подвижен и изменчив от состояния человека. В пейзажах академистов Петербург — не подавляющее человека пространство, а скорее

наоборот: пространство, сформированное героями и персонажами.

Библиография

1. Бакулина М. И. Городской пейзаж: жанровые особенности / М. И. Бакулина // XLVIII Огарёвские чтения: материалы научной конференции. В 3-х частях, Саранск, 06-13 декабря 2019 года / сост. А. В. Столяров, отв. за выпуск П. В. Сенин. Том Часть 3. – Саранск: Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва, 2020. – С. 229-233. EDN: EZSUG.
2. Вайль П. Л. Гений места: / Петр Вайль; [послесловие Льва Лосева]. – Москва: ACT: CORPUS, 2015. – 443 с.
3. Горнова Г. В. Соразмерность города и человека // Информационный портал в сфере градостроительства, архитектуры и информационных технологий «Управление развитием территории». URL: <https://urtmag.ru/public/827/> (дата обращения: 15.03.2025).
4. Горелова Ю. Р. Пейзаж со стаффажем: субъект в городском пейзаже / Ю. Р. Горелова // ИННОВАЦИОННОЕ РАЗВИТИЕ науки и ОБРАЗОВАНИЯ: сборник статей VII Международной научно-практической конференции, Пенза, 05 сентября 2019 года. – Пенза: «Наука и Просвещение» (ИП Гуляев Г. Ю.), 2019. – С. 177-179. EDN: THQFGY.
5. Корватская Е. С. Возвращение петербургского импрессиониста Анриана Горланова // Петербургские искусствоведческие тетради. – 2018. – № 51. – С. 43-48.
6. Кальвино И. Невидимые города / [пер. с итал. Н. А. Ставровской]. – Москва: ACT: Астрель, 2010. – 222 с.
7. Линч К. Образ города / перевод с англ. В. Л. Глазычева. – Москва: Стройиздат, 1982. – 328 с.
8. Пространство как социальный продукт: глава из книги Анри Лефевра // Издательство Strelka press. URL: <https://project1016.tilda.ws/space> (дата обращения: 15.03.2025).
9. Перемыслов И. А., Тулузакова Г. П. Развитие традиций городского пейзажа в творчестве Р. И. Ляпина / И. А. Перемыслов, Г. П. Тулузакова // Художественное образование и наука. – 2019. – № 4. – С. 121-126. DOI: 10.34684/hon.201904015. EDN: ISYUHJ.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензируемый текст «Санкт-Петербургский городской пейзаж в современной академической живописи» представляет собой искусствоведческое исследование конкретного живописного жанра (петербургский пейзаж) в современной российской живописи. Автор старается придать работе междисциплинарный характер, обращаясь к культурологически-философской трактовке понятия «пейзаж»; теоретическая основа этой части работы проработана лучше чем непосредственное исследование живописных работ/творчества художников, из 9 позиций в библиографическом списке более половины относятся именно к пониманию города/городского пейзажа в трудах урбанистов, литераторов, философов и др. Широкое и разнообразное понимание пейзажа безусловно идет работе на пользу, однако, к сожалению, подобный теоретический фундамент отсутствует при обращении к основному предмету работы – академической живописи в ее современном состоянии; содержательная часть работы по этой причине выглядит скорее как набор описаний различных живописных произведений. Кроме того, автор ставит перед собой вполне разумную и потенциально перспективную задачу – сравнение современной академической живописи с

произведениями ленинградской школы конца XX века; здесь опять-таки отсутствует теоретическая основа (характеристики и представители школы, обзор литературы и др.), не указаны временные рамки сравниваемого корпуса работ, в называемых автором работах часто отсутствует датировка. Исходный авторский тезис о сравнении работ двух разных временных отрезков (« ...пейзаж современных художников сильно изменился: различия становятся очевидными, если проанализировать их композиционный строй, художественные и технические средства, используемые живописцами для создания эмоционально наполненного образа Петербурга») не получает по ходу работы развернутой аргументации и теряется в заключительной части исследования. Между тем именно этот аспект работы (динамика восприятия городского пейзажа на протяжении последних 50 лет (возможно одними и теми же художниками)) и представляются потенциально наиболее интересным. Вдобавок к вышесказанному автор не совсем корректно употребляет названия города, который на протяжении XX века трижды менял название; довольно странно выглядят фразы относящиеся к произведениям советской живописи: « Петербург захватывал внимание художников архитектурным обликом (Н. Фомин «Гостиница советская»; И. Уралов «Дворец спорта «Юбилейный»). Советские художники писали все-таки ленинградские пейзажи. Автор никак не поясняет выбор художников, творчество которых он выносит на сравнительный анализ (рассмотрены работы шести различных живописцев), практически отсутствуют соответствующие (посвященные этим живописцам) публикации в списке литературы. В целом работа представляет интерес, желательно усилить научно-методическую часть (академическая живопись, ленинградская школа, временные границы, конкретизация предмета исследования, новизна исследования), развернуть выводы с усилением сравнительного анализа (композиционный строй, художественные и технические средства), заявленного в начале текста. После соответствующей доработки статья может быть принята к публикации.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования в представленной для публикации в журнале «Человек и культура» статье, как автор в общих чертах обозначил в заголовке («Санкт-Петербургский городской пейзаж в современной академической живописи»), является, исходя из контекста решенных познавательных задач, петербургский городской пейзаж (в объекте исследования) в творчестве художников-академистов начала XXI в.

Автор разъясняет читателю соотношение объекта и предмета исследования, обращаясь к обобщению истории петербургского городского пейзажа в XX в., отдельно отмечая характерные черты этого жанра в творчестве художников ленинградской академической школы (т. е. советского времени). На сравнении пейзажей Ленинграда второй половины XX в. и Санкт-Петербурга первых десятилетий XXI в. автор раскрывает предмет исследования.

Сравнительный анализ пейзажей Ленинграда второй половины XX в. и Санкт-Петербурга первых десятилетий XXI в. позволяет автору заключить: «Если в советской живописи цвет чаще всего был инструментом описания визуального мира и фиксации объективного состояния природы (влажность, сумерки, отражения, тепло), то в современной петербургской живописи цвет становится носителем субъективного восприятия, психоэмоционального содержания, иногда — символической нагрузки. Он помогает выразить личное отношение к городу, настроение, память или ощущение

присутствия в конкретном моменте». В целом автор утверждает, что «академические художники помогают зрителю заново увидеть городской пейзаж: петербургский городской пейзаж подвижен и изменчив от состояния человека. В пейзажах академистов Петербург — не подавляющее человека пространство, а скорее наоборот: пространство, сформированное героями и персонажами». Отмеченные автором различия пейзажей города второй половины XX в. и первых десятилетий XXI в. в достаточной мере обоснованы и заслуживают теоретического внимания.

Таким образом предмет исследования раскрыт автором на достаточном для публикации в авторитетном научном журнале теоретическом уровне.

Методологию исследования автор раскрывает, давая оценку концептам образов городского пространства А. Лефевра, К. Линча, И. Кальвино и П. Вайля в интерпретации их работ российскими искусствоведами (А.И. Струкова, И.Н. Карасик, М. Ю. Герман и др.). В целом авторский методический комплекс, включающий в себя элементы стилистического и семантического анализа, подчиненные общей концепции сравнения изученного эмпирического материала с примерами мало изученными, релевантен решаемым познавательным задачам, и выводы автора убедительны.

Актуальность выбранной темы автор поясняет в рамках оценки теоретических оснований исследования, подчеркивая социальную значимость городского пейзажа в реконструкции посредством отражения и переосмысливания уникального символического значения места для жителей города.

Научная новизна исследования, состоящая в сравнении изученного и слабо изученного эмпирического материала, заслуживает теоретического внимания.

Стиль текста в целом выдержан научный, но требуют внимания отдельные оформительские недочеты, несоответствия редакционным требованиям (см. https://nbpublish.com/e_ca/info_106.html): следует поправить стиль ссылок на источники в тексте статьи («[11, 15]», «[10, 222]»???), поправить стиль оформления кавычек и упомянутых годов и веков согласно редакционным требованиям.

Структура статьи следует логике изложения результатов научного поиска от общих вопросов к частным и, соответственно, обобщающим к выводам.

Библиография, учитывая опору автора на беглый анализ эмпирического материала, раскрывает проблемную область исследования на минимально приемлемом уровне. На будущее рецензент рекомендует автору включать в работу больше публикаций российских и зарубежных коллег за последние 3-5 лет.

Апелляция к оппонентам в тексте корректна и достаточна. Автор аргументированно включается в одну из актуальных теоретических дискуссий.

Статья представляет интерес для читательской аудитории журнала «Человек и культура» и после доработки оформительских недочетов может быть рекомендована к публикации.

Результаты процедуры окончательного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предмет исследования статьи «Санкт-Петербургский городской пейзаж в современной академической живописи» - изображение городского пейзажа современными художниками.

Актуальность статьи достаточно велика, поскольку в отечественном искусствоведении существует определенный дефицит исследований, посвященных современной живописи. Статья обладает несомненной научной новизной и отвечает всем признакам подлинной научной работы.

Методология автора весьма разнообразна и включает анализ широкого круга источников. Автором умело используются сравнительно-исторический, описательный, аналитический и др. методы во всем их многообразии.

Исследование, как мы уже отметили, несмотря на свой небольшой размер, отличается очевидной научностью изложения, содержательностью, тщательностью, четкой структурой. Стиль автора характеризуется оригинальностью и логичностью, доступностью и высокой культурой речи. Пожалуй, самое привлекательное в этой работе – ее четко выстроенная структура и до мелочей проанализированные исторические подробности пейзажей. Работа вообще богата примерами, что относится также к ее несомненным достоинствам.

Автор плавно вводит читателя в тему исследования: «В ленинградской школе живописи пейзаж занимал особое положение как жанр, позволяющий художнику одновременно оставаться в пределах строгой изобразительности и раскрывать личностное, чувственно-интонационное отношение к миру. В этом контексте пейзаж становился формой философского наблюдения, средством передачи не только внешнего облика, но и внутреннего состояния – будь то тревожность, меланхолия, одиночество или тихая радость повседневности», – отмечает он. Им дается обзор источников по теме.

Автор делает верные выводы: «Одной из причин устойчивости этого жанра в ленинградском искусстве была опора на академическую живописную традицию. Кроме того, академическая школа способствовала углублению философско-эмоционального восприятия пейзажа. <...> В этой напряжённом противостоянии между традицией и личным опытом, и развивается феномен ленинградского академического пейзажа второй половины XX в. Пейзаж становился не просто жанром изображения окружающего, но формой индивидуального высказывания, через которую художник стремился выразить не только облик города или природы, но и собственное переживание пространства и времени».

Это свидетельствует о его глубоких познаниях и аналитических способностях. Исследователь сообщает множество верных и глубоких наблюдений: «Итак, ведущей проблемой современного академического пейзажа является возможность совмещать достоверность наблюдения с поэтичностью образа, создавая произведения, в которых визуальная среда выступает не только предметом изображения, но и носителем смыслов.

В современной академической живописи городской пейзаж тоже во многом связан с изображением центра Петербурга: его центральных улиц, набережных и каналов. То есть основой для формирования пейзажного образа безусловно являются объективные факторы такие как география города, его климатические и ландшафтные особенности. Но все-таки некоторые художники не столько исследуют архитектуру, а повседневные городские сцены, которые позволяют лучше понять связь между городом и его обитателями. Живописцы созерцают происходящее рядом со сценой действия. В картинах академических художников видение города субъективно, они отражают разные грани городского многообразия. В этом художникам помогают различные техники и приемы работы в живописи».

Автора характеризует умение делать промежуточные выводы в ходе работы: «В картинах «День победы» (2022), «Метро» (2021) И. Тупейко изображены известные точки города в стремительном ритме потока людей. Художник создает эту динамику, включая в картину использование различных типов пятен, чтобы создать текстурные и детализированные штрихи на холсте. В работах рассмотренных авторов мы увидели динамику и колорит современного Петербурга: мы видим город, который не может существовать без заполненных людьми улиц и перекрестков, без современных развязок и подземных переходов.

Эти несколько живописных примером наглядно показывают то, что в отличии от советских художников, современные авторы, делают ставку вовсе не на чёткое воспроизведение архитектурного облика: они стремятся передать скорее впечатление о памятнике сквозь утренний свет и ритмы толпы. Если в ленинградской живописи соблюдалась доминанта тонального лирического пейзажа (где ключевым является цветовое единство, мягкий переход между землёй и небом, воздушность), то в современные авторы смело работают с искристой фактурой краски, дробным мазком, создавая эффект свечения. Данный факт свидетельствует о том, что живописцам близка стратегия импрессионизма, чтобы показать фрагментированную, быструю среду современного города».

Вот еще один из примеров: «Сравнивая работы трех авторов и вспоминая примеры живописи ленинградских художников, следует отметить следующее: в произведениях советских живописцев цветовые соотношения направлены на достоверность восприятия среды и реалистичную передачу «погоды»; цветовая палитра в живописи современных художников часто близка к эмоциональному состоянию и отражает поиски глубоких напряженных оттенков (или наоборот меланхоличных). В таком использовании цвета просматривается связь с символизмом и экспрессионизмом». Анализ, встречающийся в работе, помогает лучше ее понять и делает достоверным представленную автором информацию.

Библиография данного исследования является достаточной и разносторонней, включает множество разнообразных источников по теме, выполнена в соответствии с ГОСТами. Апелляция к оппонентам представлена в широкой мере, выполнена на высоконаучном уровне.

Автор делает обширные и серьезные выводы, вот лишь часть из них: «Советская и современная петербургская пейзажная живопись, несмотря на различия в художественной эпохе и культурных установках, связаны между собой преемственностью визуальных тем и мотивов. Для советской живописи характерна установка на объективную фиксацию городской среды с опорой на реалистическую изобразительность. Архитектура в таких работах — полноправный герой. Пространство города организовано, статично и в то же время наполнено жизнью.

В отличие от этого, современные пейзажисты Петербурга предлагают личностную, интонационно насыщенную трактовку городской среды. Городские пейзажи современных авторов демонстрируют незамысловатость композиций, но при этом каждое изображение обладает свежестью впечатления: художники нередко интуитивно схватывает в привычной картине особенные черты, которые впечатляют зрителя и оставляют в его памяти след. Особенность городского пейзажа в живописи академических художников заключается в выборе точки зрения и композиции, подчеркивающая определенные элементы городского пространства. Фигура человека приобретает самостоятельную выразительность, часто оказывается центральным носителем настроения. Так, город перестаёт быть внешним объектом — он становится пространством внутреннего проживания, полем для эмоциональной проекции».

Это исследование представляет большой интерес для разных слоев аудитории – как специализированной, ориентированной на профессиональное изучение пейзажной живописи (искусствоведов, живописцев-практиков, студентов, преподавателей и т.д.), так и для всех тех, кто интересуется живописью и др. видами искусства.

Человек и культура

Правильная ссылка на статью:

Чжоу Ч. Вклад Московской государственной консерватории имени П.И. Чайковского в становление китайской школы хорового дирижирования // Человек и культура. 2025. № 3. DOI: 10.25136/2409-8744.2025.3.74727 EDN: YEVHНХ URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=74727

Вклад Московской государственной консерватории имени П.И. Чайковского в становление китайской школы хорового дирижирования

Чжоу Чжоу

аспирант; Академия хорового искусства имени В.С. Попова

125565, Россия, г. Москва, ул. Фестивальная, 2

✉ jojoinrussiaaa@mail.ru

[Статья из рубрики "Музыка и музыкальная культура"](#)

DOI:

10.25136/2409-8744.2025.3.74727

EDN:

YEVHНХ

Дата направления статьи в редакцию:

06-06-2025

Дата публикации:

16-06-2025

Аннотация: Предметом данного исследования выступает искусство хорового дирижирования как одно из актуальнейших в современной музыкальной культуре Китая. Объектом исследования является рассмотрение методов творческой и педагогической работы профессорско-преподавательского состава Московской консерватории с китайскими студентами – хоровыми дирижерами. Целью настоящей статьи является изучение путей формирования профессии хорового дирижера в Китае и определение роли Московской консерватории в данном процессе. Автор подробно рассматривает такие аспекты темы как культурное взаимодействие СССР и КНР в XX и XXI веке, прослеживая историю влияния крупнейшего музыкального ВУЗа России на формирование в Китае школы хорового дирижирования. Выявляется ряд ключевых

фигур советских и российских музыкантов, внесших в указанный процесс наибольший вклад. Особое внимание уделяется освещению музыкально-педагогической деятельности педагогов Льва Тумашева и Василия Балашова, работавших в Китае в 1950-е годы, а также ряда хоровых дирижеров, обучавших китайских учеников в стенах Московской консерватории во второй половине XX века и в настоящее время. Методология заключается в синтезе историко-теоретического и хороведческого метода. На его основе выявлена история обучения китайских студентов в Московской консерватории. Отдельное вниманиеделено самостоятельной исполнительской и педагогической деятельности выдающихся хоровых дирижеров Китая. Исследовательский опыт направлен на установление взаимосвязей между русской школой хорового дирижирования и развитием современного китайского хорового искусства. Основным выводом проведенного исследования становится парадигма глубокого взаимовлияния и взаимообогащения в музыкальном искусстве России и Китая. Особым вкладом автора в раскрытие темы является изучение ранее не выступающего объектом специального исследования современного состояния образовательного процесса обучающихся из Китая на кафедре хорового дирижирования в Московской консерватории. Новизна исследования заключается в том, что впервые представлены материалы об обучении ныне выдающихся хоровых деятелей Китая: У Линфэн, Янь Лянкуня, Цао Тунъи, Ван ЧАО. В статье автором акцентируется внимание на необходимости изучения исторических аспектов становления национальной школы хорового дирижирования в Китае, связанным с традиционным для Китая музыкальным мышлением и поворотом к освоению русской дирижерско-хоровой традиции.

Ключевые слова:

Московская консерватория, хор, дирижирование, китайская музыка, хоровая музыка, хоровое исполнительство, У Линфэн, Янь Лянкунь, Цао Тунъи, Ван ЧАО

В современном социокультурном пространстве все ярче заметны успехи китайской дирижерско-хоровой школы. Ее представители заявляют о себе на международном уровне. Стремительный рост китайского хорового дирижирования был бы невозможен без помощи иностранных специалистов, прежде всего, из СССР. Флагманом в деле обмена бесценным музыкально-педагогическим опытом с хоровыми дирижерами из КНР была и остается Московская государственная консерватория имени П.И. Чайковского. Московская консерватория посредством подготовки высококлассных хоровых дирижеров предопределила эталоны практики культурных обменов между Россией и Китаем в области академической музыкальной культуры хорового дирижирования.

Интерес к молодым дирижерским и композиторским школам Китая начал проявляться со второй половины XX столетия в связи с интенсивностью процессов их развития. Установление культурного сотрудничества между Россией и Китаем значительной своей частью обеспечивалось системой педагогических контактов двух стран: изначально по линии созидательной работы российских музыкантов-эмигрантов в городах Китая (Харбин, Шанхай – 1920-е годы), затем во время приезда молодых китайцев разных специальностей на обучение в Москву (1953–1962). Среди них были те, кто участвовал в создании новой музыкальной культуры Китая XX века, окончив с отличием Московскую консерваторию. Исторически им выпала на родине миссия занять место основоположников развивающейся европейской ветви в художественном творчестве Китая. После культурной революции (1966–1976) в Китае, исповедующей политику

изоляции от внешнего мира (последней был положен конец в 1978 году, памятном, как принятие назревших реформ), возобновилось обучение китайских студентов в Московской консерватории. К настоящему моменту назрела необходимость заполнить пробелы музыкальной науки и раскрыть аспекты формирования дирижерско-хорового искусства и образования в Китае. Успехи китайской дирижерско-хоровой школы в XXI веке обусловлены вкладом в них Московской государственной консерватории, который следует изучать как ценный опыт. Этим определяется актуальность данной статьи.

В современных исследованиях наиболее часто объектом изучения становится музыкальное наследие композиторов. Особенно Ду Минсия, исследование которого с каждым годом набирает обороты. В центре внимания находятся особенности творческого портрета и вопросы образного содержания, композиционно-выразительных особенностей, исполнительских задач, соотношения национального и западноевропейского музыкального языка в его сочинениях [6, 7, 11, 19, 22]. В тоже время работ по вопросам становления композиторской и дирижерской школ, особенно в ракурсе межнациональных культурных связей, не так много. Здесь важно назвать фундаментальный труд Цзо Чжэньгуань «Русские музыканты в Китае» [14], а также работу Ван Е. [1], где представлен обзор биографий китайских композиторов, оставшихся в Советском Союзе в 1950-е годы. Развитию профессионального музыкального образования в контексте межкультурного взаимодействия России и Китая в XX веке посвящены исследования П.В. Гайдай [2] и О.Р. Глушкиной [3, 4, 5]. Важной для нас является диссертационное исследование Чэн Сицзэ «Становление профессии дирижера в Китае: влияние российской школы, обретение самобытности» [20]. Однако, в нем внимание сосредоточено сугубо на специфике специальности дирижера оперно-симфонического оркестра. Степень разработанности проблемы доказывает, что новизна полученных результатов данной статьи очевидна, так как впервые существенно дополняет научное знание сведениями, касающимися истории русского и китайского дирижерско-хорового образования.

Настоящая статья принадлежит к категории научных трудов, где целью становится изучение становления китайской школы хорового дирижирования в контексте межкультурного взаимодействия. Именно этим обусловлены масштаб работы и радиус анализируемых парадигм, а также сама методика исследования, способствующая изучению аспектов музыкального образования, одной из составляющих музыкальной науки. Творческая работа педагогов Московской консерватории с китайскими студентами-хоровиками представляет собой объект данного исследования, а аспекты влияния школы хорового дирижирования Московской государственной консерватории имени П.И. Чайковского за пределы России – его предмет.

Задачи данного исследования, заключается в рассмотрении на конкретных примерах и определении роли китайских хоровых дирижеров, получивших образование в Московской консерватории, в развитии академической музыкальной культуры Китая, а также раскрытии роли российских педагогов в становлении и развитии музыкального образования в Китае. Поставленные задачи потребовали изучения научной литературы, связанной с историей русского и китайского музыкального образования, неизвестных архивных материалов из личных дел обучающихся в Московской государственной консерватории имени П.И. Чайковского, и трудов, связанных с изучением творческого и педагогического опыта хоровых дирижеров.

В соответствии с поставленными целями и задачами выстраивается структура исследования. Авторская мысль следует от анализа исторических аспектов китайского

музыкального искусства – через влияние русской музыкальной культуры на профессиональное дирижерско-хоровое искусство Китая XX века – к обретению национальной самобытности специальности хорового дирижера в современном музыкальном социуме Китая.

Важным и значимым по масштабу в истории развития китайской культуры явилось культурное взаимодействие СССР и КНР, начало которому было положено в 50|60-е годы XX века. Активизация связей между странами по линии культуры и дипломатических отношений способствовала закладке основ профессионального музыкального образования в Китае, в результате чего в стране было открыто множество музыкальных учебных заведений.

При университетах гуманитарного профиля повсеместно открывались факультеты и кафедры по подготовке музыкантов. Огромное значение в воспитании первых поколений китайских исполнителей и педагогов-музыкантов сыграла советская музыкально-педагогическая школа. Лучшие советские преподаватели и профессора работали с китайскими студентами как в консерваториях КНР, так и в учебных заведениях СССР. Китайские студенты-музыканты получили возможность стажировки в Московской, Ленинградской и Одесской консерваториях [\[14\]](#).

К примеру, в 1947 году по результатам конкурсного отбора, Ду Минсинь (ныне живущий композитор, классик китайской академической музыки) вместе с другими наиболее одаренными студентами художественного факультета приезжает в Шанхай. [\[7\]](#). Камерный ансамбль, в состав которого входил и Ду Минсинь, был удостоен стипендии и права обучаться у иностранных учителей на основе спонсорской помощи. Он был направлен в группу к пианисту Борису Матвеевичу Лазареву, который был весьма требователен к своим ученикам. Методика преподавания, основанная на изучении классико-романтического стиля Л. ван Бетховена, Б.М. Лазарева была в высшей степени профессиональной. Во время обучения в классе Б.М. Лазарева будущий композитор знакомится с лучшими образцами классической и романтической фортепианной музыки, совершенствует свой исполнительский стиль. Годы, проведенные в Шанхае, оказали огромное значение для развития музыкального кругозора Ду Минсина [\[1, 11, 19\]](#).

Ду Минсинь явился одним из первых музыкантов, отправленных на обучение в СССР. Отбор студентов был осуществлен на основе экзаменов. При этом, Ду Минсинь изначально прошел отбор по специальности «Фортепиано», однако вскоре по собственному желанию изменил профиль обучения на «Композицию». В период обучения в Московской консерватории Ду Минсинь изучает традиции русской, западноевропейской и советской музыкальных школ, музыку выдающихся композиторов прошлых столетий и советской эпохи. Объем полученных знаний позволил будущему «классику» китайской музыкальной культуры заложить прочный фундамент навыков в области композиции и значительно расширить свой кругозор [\[6, 22\]](#).

В целом отметим, что 50|60-е годы прошлого века являются плодотворным этапом в процессе установления межкультурных связей в области музыкального образования между СССР и КНР. [\[2\]](#). Обмен педагогическим и творческим опытом осуществлялся на разных уровнях. За основу китайского профессионального музыкального образования была взята система подготовки в консерваториях СССР, сущность и содержание которой транслировали китайским студентам советские музыканты-педагоги. Принципы методики преподавания специальных музыкальных и музыкально-педагогических дисциплин в указанный период были переданы более сотне лучшим китайским музыкантам [\[17, с. 131\]](#).

В становление китайской дирижерско-хоровой школы внесли свой вклад несколько поколений русских музыкантов [20]. Лев Николаевич Тумашев (1919 – 2006) – создатель и первый руководитель хора Центральной филармонии. Первая китайская женщина-дирижер Чжэн Сяоин отзывалась о работе Л.Н. Тумашева так: «Этот советский специалист был очень требователен к ученикам. Его курс обучения дирижированию был весьма объемным и системным, а методика обучения – тщательно выверенной и функциональной. Он не только прививал студентам основы зрительного и слухового восприятия музыки, учили чтению партитур, хоровому анализу и дирижированию, но и помогал организовать хор, спланировать концерт и составить программу выступления» [18, с. 34].

Под руководством Л.Н. Тумашева китайский хор в 1955 году завоевал золотые медали на Варшавском международном хоровом фестивале, а в 1957 году – на Московском всемирном фестивале молодежи и студентов. По окончании зарубежной командировки советский специалист был удостоен медали премьер-министра КНР, а в 1990 году был награжден медалью ЮНЕСКО за выдающийся вклад в развитие музыки Китая.

Профессор кафедры хорового дирижирования Московской консерватории Василий Федорович Балашов (1909 - 1989) приехал в Китай в 1955 году. Он возглавил группу советских экспертов в Центральной консерватории (Пекин), и преподавал, помимо хорового дирижирования, ударные инструменты и сольфеджио. По воспоминаниям одного из его китайских учеников, «Балашов был строгим, но доступным в общении учителем. Его отношение к работе и подход к ученикам стали образцом для подражания» [15, с. 49]. Уже в 1956 году при активном участии В.Ф. Балашова в Центральной консерватории был открыт первый в Китае дирижерский факультет.

У Линфэн, ныне признанная корифеем китайского дирижерско-хорового образования, изначально поступила в МГК на специальность «симфоническое дирижирование», по которой в итоге и получила соответствующие квалификационные документы. Однако, приступив к занятиям, пытливая студентка изъявила желание изучать еще и хоровое дирижирование. Хотя с административной точки зрения ее дирижерско-хоровое обучение было факультативным, знаний, полученных У Линфэн в Московской консерватории, хватило для начала в Китае более чем успешной карьеры хорового дирижера. Таким образом, реальное число китайских музыкантов, обучавшихся хоровому дирижированию в Московской консерватории, возможно, было гораздо большим.

Несмотря на то, что для освоения хорового дирижирования необходимо хорошее знание русского языка, общее число хоровых дирижеров, получивших дирижерско-хоровое образование в Московской консерватории, к настоящему моменту, составляет 17 человек.

Исключительно важно то, что китайские хоровые дирижеры обучались и продолжают обучаться у ведущих специалистов Московской консерватории. Так, Янь Лянкунь – воспитанник крупнейшего советского хорового дирижера, профессора Владислава Геннадиевича Соколова (1936 – 1993). Ли Чэна и Ван Чao обучал выдающийся деятель российской хоровой культуры, профессор Борис Григорьевич Тевлин (1931 – 2012) – создатель и руководитель Камерного хора Московской консерватории. Цао Тунъи и Лу Линь учились у видного педагога, профессора Станислава Семеновича Калинина (р. 1941), в течение 22 лет возглавлявшего Хор студентов Московской консерватории. На современном этапе обучением китайских хоровых дирижеров активно занимается профессор Александр Владиславович Соловьев (р. 1978), среди учеников которого уже

5 музыкантов из КНР. Сейчас в его классе учится Чжан Шицюй. Профессор Алексей Максимович Рудневский (р. 1963) подготовил стажера Инь Чжэнвэнь, а в настоящее время у него обучается студент Чжоу Яньди.

Сохранились отзывы китайских хоровых дирижеров о качестве исполнения музыки и преподавания в Московской консерватории. У Линфэн так вспоминала начало своего обучения на кафедре хорового дирижирования: «Кафедрой в то время заведовал учитель Янь Лянкуня Вл.Г. Соколов, ему было 85 лет. Он очень сердечно, радостно меня встретил, и пригласил на лекции. Потом я практически весь день жила в учебном заведении, начиная с утренних репетиций студентов-хормейстеров. Наблюдала за занятиями и репетициями Б. Тевлина, слушала его лекции по истории развития хора, методике репетиций, а также ряд профессиональных хоровых курсов. Я была очень вдохновлена» [\[16\]](#).

Схожими впечатлениями поделился Цао Тунъи в статье «Интерпретация русской хоровой культуры». Китайский музыкант справедливо отметил, что «кафедра хорового дирижирования Московской государственной консерватории имени П.И. Чайковского, имеющая 90-летнюю историю, является легендой. Это самая крупная кафедра ВУЗа: здесь учатся 100 студентов у 23 преподавателей, из которых 15 – профессиональные преподаватели дирижирования. (...) Эта кафедра известна своим стандартизованным и систематизированным преподаванием, чрезвычайно строгим и научным в выборе учебных материалов, учебной программы, оценки и экзамена, а также художественной практики» [\[12, с. 123\]](#).

О качестве обучения в Московской консерватории лучше всего свидетельствуют профессиональные успехи, достигнутые китайскими хоровыми дирижерами по возвращении на Родину. Например, Янь Лянкунь основал хор Центрального оркестра (Пекин), а в дальнейшем стал вице-председателем Ассоциации китайских музыкантов, и председателем Общества хоровых дирижеров Китая. Цао Тунъи стал профессором Шанхайской консерватории. Он автор трудов: «Методика преподавания хорового дирижирования», «Методика чтения хоровых партитур», «Курс хорового дирижирования», «Словарь базовых движений хорового дирижера», «Звуковое воображение при чтении партитур» и др. [\[13\]](#).

Лю Мэй – ныне художественный руководитель и главный дирижер молодежного хора «Золотой колокол» (г. Шеньчжэнь), директор Китайского отделения Всемирной ассоциации молодежных и детских хоровых коллективов, заместитель председателя комитета детских хоров Китая, вице-президент ассоциации хоров провинции Гуандун, вице-председатель хоровой ассоциации города Шеньчжэнь [\[10\]](#).

Ван Чao, стажировавшийся у Б.Г. Тевлина, в 2012 году основал Хор Шанхайского педагогического университета, успешно выступающий по сей день. С 2015 года молодой музыкант активно участвует в проведении национальных и международных хоровых мероприятий, семинаров и концертов. Среди них – I Хоровой форум Шанхайского университета, Фестиваль российско-китайской культуры, Китайско-российский хоровой семинар и Конференция хоровых дирижеров Китая [\[21\]](#).

Сегодня обучение китайских хоровых дирижеров в Московской консерватории характеризуется несколькими тенденциями. Во-первых, наметилась преемственность поколений. Выпускники прошлых лет, ныне успешно преподающие в Китае, направляют своих учеников в Московскую консерваторию.

Вторая тенденция – более высокий, чем раньше, уровень первоначальной подготовки китайских абитуриентов. Об этом свидетельствует декан по работе с иностранными учащимися Московской консерватории, профессор А. В. Соловьев [9].

Третья тенденция состоит в том, что методы обучения китайских хоровых дирижеров становятся более современными и эффективными. К примеру, наравне с российскими студентами, представители Китая занимаются исследовательской деятельностью: выступают на студенческих конференциях, пишут научные статьи и рефераты.

Другой современный метод обучения – пение в Камерном хоре Московской консерватории, обширный репертуар которого включает музыку от эпохи Возрождения до первой четверти XXI века и дает возможность обрести необходимые профессиональные компетенции. [8].

Подводя итог проведенному исследованию, отметим, что Московская консерватория по-прежнему сохраняет лидирующие позиции среди российских ВУЗов в деле обучения китайских хоровых дирижеров. Она предлагает иностранным студентам не набор обучающих курсов, а современную образовательную среду, в которой молодые дирижеры-хоровики поучают множество возможностей для раскрытия и совершенствования своего таланта. Отметим также, что связи двух национальных школ хорового дирижирования становятся все более прочными и разносторонними. Эффективно используются коммуникационные возможности XXI века: проводятся видеоконференции, обмен методическими материалами также вышел на новый уровень. Это позволяет надеяться на дальнейшее творческое развитие достижений дирижерско-хоровой школы Московской консерватории в музыкальных учебных заведениях Китая.

Библиография

1. Ван Е. Обзор биографий китайских композиторов, оставшихся в Советском Союзе в 1950-е годы [Текст] / Ван Е. // Художественный форум. - 2015. - № 3. - С. 40-41.
2. Гайдай П.В. Развитие профессионального музыкального образования в контексте межкультурного взаимодействия: Россия - Китай, XX век [Текст] / П.В. Гайдай // Педагогический журнал Башкортостана. - 2018. - № 3 (76). - С. 50-56. EDN: XXIEOL
3. Глушкова О.Р. Об учебно-педагогической работе Московской консерватории Русского музыкального общества [Текст] / О.Р. Глушкова // Музыка в системе культуры: научный вестник Уральской консерватории. Вып. 17. Императорское Русское музыкальное общество: на переломах истории: Материалы Международной научно-практической конференции / отв. ред. Е. Е. Погоцкая. Урал. гос. консерватория имени М. П. Мусоргского. - Екатеринбург: УГК, 2019. - С. 126-132. EDN: JELXHS
4. Глушкова О. Р. Особенности контингента учащихся Московской консерватории РМО [Текст] / О.Р. Глушкова // История музыкального образования: новые исследования: Материалы международного семинара пятой сессии Научного совета по проблемам истории музыкального образования / ред.-сост. В.И. Адищев, М.Г. Долгушина; Научн. совет по проблемам истории муз. образования; Вологод. гос. ун-т, Перм. гос. гуманит.-пед. ун-т. - Вологда, Пермь: Сад-огород, 2019. - С. 108-118. EDN: WCQKMJ
5. Глушкова О.Р. К вопросу становления образовательной деятельности Московской консерватории Русского музыкального общества [Текст] / О.Р. Глушкова // Музыкальное искусство и образование / Musical Art and Education. - 2020. - Т. 8. - № 1. - С. 131-148. DOI: 10.31862/2309-1428-2020-8-1-131-148 EDN: CDWDDO
6. Ду Минсинь. Мои новые мысли о композиции и музыкальном анализе (под редакцией Тянь Линь) [Текст] / Ду Минсинь // Китайская музыка. - 2017. - № 4. - С. 19-24.
7. Дун Сицзе, Загидуллина Д. Р. Китайский композитор Ду Минсинь: биографический

- очерк [Текст] / Дун Сицзе // Актуальные проблемы музыкально-исполнительского искусства: История и современность. - Казань: Казан. гос. консерватория, 2018. - С. 201-209.
8. Камерный хор Московской консерватории. Формула успеха. К 80-летию Бориса Тевлина [Текст] / ред.-сост. Е.Д. Кривицкая. - М: Научно-издательский центр "Московская консерватория", 2012. - 200 с.
9. Кошкарева Н. Александр Соловьев: Студенты со всего мира по-прежнему стремятся учиться в России [Текст] / А.В. Соловьев. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://amjcm.ru/events/aleksandr-solovyov-studenty-so-vsego-mira-po-prezhnemu-stremyatsya-uchitsya-v-rossii/> (дата обращения: 08.05.2025)
10. Лю Мэй [Текст] / Лю Мэй. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://музыкальныйфестиваль-россия.рф/zhyuri-2024/> (дата обращения: 08.05.2025)
11. Сюй Фу. Ду Минсинь: Великий звук [Текст] / Сюй Фу. - Пекин: Китайская федерация литературы. - 2014. С. 22-24.
12. Цао Тунъи. Интерпретация русской хоровой культуры [Текст] / Ц. Тунъи // Литература эпохи. - 2008. - № 20. - С. 121-124.
13. Цао Тунъи (曹通一) [Текст]. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://baike.baidu.com/item/曹通一/10049436?fr=aladdin> (дата обращения: 08.05.2025)
14. Цзо Чжэнъгуань. Русские музыканты в Китае [Текст] / Ц. Чжэнъгуань. - М.: Композитор, 2014. - 335 с.
15. Цзян Куй. Вспоминая советского специалиста Балашова и его экспертный класс по сольфеджио [Текст] / Ц. Куй // Народная музыка. - 2012. - № 6. - С. 48-49.
16. Чжоу Чжоу. Интервью У Линфэн [Текст] / Ч. Чжоу. - Ноябрь 2022 года.
17. Чжэн Лиша К вопросу о влиянии Московской консерватории на развитие музыкальной культуры Китая [Текст] / Л. Чжэн // Подготовка музыканта-педагога: Исторический опыт, проблемы, перспективы: Материалы междунар. науч. конф. Седьмой сессии Научного совета по проблемам истории музыкального образования. - М., 2019. - С. 136-144.
18. Чжэн Сяоин. Нерушимая китайско-советская дружба: вспоминая моих наставников [Текст] / С. Чжэн // Художественное обозрение. - 2009. - № 6. - С. 32-40.
19. Чэн Сицзэ. Встречи с прижизненным классиком - композитором Ду Миньсинем [Текст] / С. Чэн // Художественное образование и наука. - 2021. - № 1(26). - С. 172-175. DOI: 10.36871/hon.202101020 EDN: LOJIHB
20. Чэн Сицзэ. Становление профессии дирижера в Китае: влияние российской школы, обретение самобытности: автореферат дис. ... кандидата искусствоведения: 17.00.02 [Текст] / Чэн Сицзэ; [Место защиты: Магнитогорская государственная консерватория (академия) имени М.И. Глинки]. - Москва, 2021. - 27 с.
21. Чэн Хуэйхуэй. Когда дело касается хорового пения, его голос наполняется решимостью и страстью [Текст] / Х. Чэн // Электронный ресурс]. - Режим доступа: https://mp.weixin.qq.com/s?__biz=MzA5MzMxNTkzOA==&mid=2651306141&idx=1&sn=7f55c4484dadb103e5fd154fdfc1e1d2&chksm=8bacae90bcd2786836effdf5fd5e1bda9ec89c83da9701cc10c24c0920743e8b45e62ab63dd&scene=27 (дата обращения: 10.05.2025)
22. Ши Цинюэ. Звук сердца: Интервью с Ду Миньсинем, композитором первого поколения Нового Китая [Текст] / Ц. Ши // Время и пространство искусства Китая. - 2016. - Вып. 6 (33). - С. 44-53. ""

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования в представленной для публикации в журнале «Человек и культура» статье, как автор обозначил в заголовке («Вклад Московской государственной консерватории имени П.И. Чайковского в становление китайской школы хорового дирижирования»), является вклад Московской государственной консерватории имени П. И. Чайковского (в объект) в становление китайской школы хорового дирижирования. Соотношение предмета и объекта исследования автор не поясняет, но из контекста становится очевидным, что Московская консерватория посредством подготовки высококлассных хоровых дирижеров предопределила эталоны практики культурных обменов между Россией и Китаем в области академической музыкальной культуры хорового дирижирования.

Автор рассмотрел на конкретных примерах как значительную роль китайских хоровых дирижеров, получивших образование в Московской консерватории, в развитии академической музыкальной культуры Китая, так и важную роль российских педагогов в становлении и развитии музыкального образования в Китае.

Вывод автора, — «что Московская консерватория по-прежнему сохраняет лидирующие позиции среди российских ВУЗов в деле обучения китайских хоровых дирижёров. Она предлагает иностранным студентам не набор обучающих курсов, а современную образовательную среду, в которой молодые дирижёры-хоровики поучают множество возможностей для раскрытия и совершенствования своего таланта. < ... > что связи двух национальных школ хорового дирижирования становятся всё более прочными и разносторонними. Эффективно используются коммуникационные возможности ХХI века: проводятся видеоконференции, обмен методическими материалами также вышел на новый уровень. Это позволяет надеяться на дальнейшее творческое развитие достижений дирижёрско-хоровой школы Московской консерватории в музыкальных учебных заведениях Китая», — в достаточной мере аргументирован и заслуживает доверия.

Таким образом, предмет исследования в целом автором рассмотрен на приемлемом для публикации в научном журнале теоретическом уровне. Хотя есть и необходимость в небольшой доработке статьи в плане стилистики и методического сопровождения.

Методологии исследования автор не уделяет необходимого внимания, хотя вполне очевидна опора на обобщение историко-биографических сведений и оценочный нарратив, подкрепленный свидетельствами высокого профессионализма воспитанников и профессоров Московской государственной консерватории. Рецензент отмечает, что статья значительно бы выиграла, если бы во введении была пояснена программа исследования, включая научную проблему, степень её разработанности в научной литературе, цель и решаемые научно-познавательные задачи исследования. Такое методическое сопровождение позволяет яснее понять мысль автора и степень научной новизны полученных результатов. Сейчас в статье автор парадоксальным образом утверждает, что актуальность и новизну исследования определяет один общий аргумент, что совершенно не научно. Актуальность определяется запросом общества на новое научное знание ввиду его нехватки по каким-то обстоятельствам, а новизна полученных результатов становится очевидна только в том случае, если к уже имеющемуся научному знанию по обозначенной проблеме автор прибавляет новые сведения (а для этого необходимо сообщить, что уже изучено по теме раньше, т. е. степень разработанности проблемы в научной литературе).

Актуальность выбранной темы автор справедливо поясняет «заметными успехами китайской дирижёрско-хоровой школы в ХХI веке, представители которой всё чаще ярко заявляют о себе на международном уровне». Действительно, если успехи китайской

дирижёрско-хоровой школы в XXI в. обусловлены вкладом в них Московской государственной консерватории, то этот вклад следует изучать как ценный опыт.

Научная новизна исследования, выраженная в авторских обобщениях опубликованной литературы, заслуживает теоретического внимания.

Стиль автор постарался выдержать научный, но проигнорировал как отдельные редакционные требования к оформлению статьи (см. https://nbpublish.com/e_ca/info_106.html), так и необходимость литературной вычитки текста на соблюдение норм русского языка (встречаются смысловые описки, свидетельствующие о слабом владении русским языком: например, «Ду Минсинь явился одним из первых поколений музыкантов», — есть необходимость в литературном корректировании носителем языка).

Структура статьи в целом соответствует логике изложения результатов научного исследования, но содержание введения, как отмечено выше, следует методически усилить.

Библиография в целом в достаточной мере раскрывает проблемную область исследования, но ее оформление требует корректировки согласно требованиям редакции и ГОСТа (см. https://nbpublish.com/e_ca/info_106.html).

Апелляция к оппонентам отсутствует, хотя автор обращается к цитатам коллег, но не вступает с ними в теоретическую дискуссию.

Статья может представлять интерес для читательской аудитории журнала «Человек и культура», но нуждается в доработке с учетом замечаний рецензента.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензируемый текст «Вклад Московской государственной консерватории имени П.И. Чайковского в становление китайской школы хорового дирижирования» посвящен вопросам российско-китайского культурного сотрудничества, а именно роли Московской государственной консерватории имени П.И. Чайковского в становление китайской дирижерско-хоровой школы. Автор изначально ставит довольно амбициозные задачи (рассмотрение на конкретных примерах и определение роли китайских хоровых дирижеров, получивших образование в Московской консерватории, в развитии академической музыкальной культуры Китая, а также раскрытии роли российских педагогов в становлении и развитии музыкального образования в Китае) и указывает на обширный круг источников, привлеченных для раскрытия поставленной темы (научная литературы, связанная с историей русского и китайского музыкального образования, неизвестные архивные материалы из личных дел обучающихся в Московской государственной консерватории имени П.И. Чайковского, труды, связанные с изучением творческого и педагогического опыта хоровых дирижеров). Заявленную тему автор в известной степени сводит на персонифицированный уровень, то есть перечисляет конкретных китайских студентов МГК (впоследствии композиторов и дирижеров, к примеру, Ду Минсинь, У Линфэн, Янь Лянкунь) и советских/российских преподавателей (Л.Н. Тумашев, Вл.Г. Соколов), каждому дается краткая характеристика, приводятся краткие комплементарные воспоминания китайских музыкантов об учебе в МГК. В результате мы имеем дело с набором фрагментарных обращений к заявленной теме, которые едва ли складываются в целостную картину и носят в целом довольно поверхностный характер. Автор все же пытается выстроить определённую периодизацию своей темы, условно деля историю обучения китайских студентов в МГК на три периода:

затем «... от приезда молодых китайцев разных специальностей на обучение в Москву (1953–1962).культурная революция (1966-1976) в Китае, исповедующая политику изоляции от внешнего мира ,... возобновление обучения китайских студентов в Московской консерватории после 1978 г. В то же время практически все приводимые примеры относятся к 1950-ым гг., то есть к началу первого периода; два других периода просто обозначены. Возможно, это объясняется постановкой темы исследования «вклад... в становление китайской школы..», и автор считает, что к началу 1960-ых гг. это становление уже закончилось, но тогда это надо предметно аргументировать, и в таком случае упоминание в заключительной части китайских музыкантов, выпускников XXI века, выглядит как отступление от темы. Заявленные архивные материалы нигде не использованы. Выводы носят довольно поверхностный характер. Тем не менее, содержательно работа обладает определенной ценностью в контексте изучения российско-китайских межкультурных связей. Работа рекомендуется к публикации.

Человек и культура

Правильная ссылка на статью:

Викторова Е.В. Концептуально-теоретические предпосылки рассмотрения импрессинга как социокультурного феномена // Человек и культура. 2025. № 3. DOI: 10.25136/2409-8744.2025.3.71101 EDN: UPNLDI URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=71101

Концептуально-теоретические предпосылки рассмотрения импрессинга как социокультурного феномена

Викторова Елена Викторовна

ORCID: 0000-0002-3169-1444

кандидат педагогических наук

доцент; кафедра "Социально-гуманитарные дисциплины"; Пензенский государственный университет

440026, Россия, Пензенская область, г. Пенза, ул. Красная, 40

[✉ vikele@mail.ru](mailto:vikele@mail.ru)

[Статья из рубрики "Теоретическая культурология и теория культуры!"](#)

DOI:

10.25136/2409-8744.2025.3.71101

EDN:

UPNLDI

Дата направления статьи в редакцию:

23-06-2024

Дата публикации:

17-06-2025

Аннотация: Объектом исследования выступает импрессинг – феномен со сложной биосоциокультурной природой. Упоминания о нем в научной литературе, учитывая его «близкородственную» связь с импринтингом, вызывают прежде всего ассоциации с биосоставляющей его природы. Однако обращает на себя внимание возрастающий в последнее время интерес к импринтингу/импрессингу представителей широкого круга социально-гуманитарных дисциплин. Перенесение акцентов в биосоциокультурной природе импрессинга с его биосоставляющей на социокультурную становится очевидным и необходимым. Однако выход понятия «импринтинг/импрессинг» за пределы естественно-научного знания, как правило, не сопровождается какой бы то ни было рефлексией концептуально-теоретических оснований рассмотрения стоящего за ним

феномена в социально-гуманитарном предметном поле. Соответственно предметом представленного исследования выступают концептуально-теоретические предпосылки рассмотрения импресинга как социокультурного феномена. Анализу и синтезу подвергнуты современные научные представления о сложном единстве природы, общества, культуры и о месте человека в нем, могущие служить теоретической основой социокультурного исследования импресинга. В разработке концептуальных основ изучения импресинга, исходя из специфики современного социокультурного знания, применены дедуктивный, аксиоматический методы и метод аналогии. К основным результатам работы можно отнести, во-первых, выявленные тенденции в современном знании о культуре и человеке в ней, позволяющие утверждать, что социокультурный анализ импресинга имеет под собой теоретико-методологические основания. Ключевой из описанных тенденций является представление о многогранном и неустойчивом взаимопроникновении природного начала, социальности и культуры. Особый акцент ставится на тенденции к рассмотрению культуры как продукта психики и психики человека как природно-культурного явления. Во-вторых, на основании тенденций, выявленных в современном социокультурном знании, и по аналогии с ними предложены концептуальные основания рассмотрения импресинга как сложного биосоциокультурного феномена, в функционировании которого ключевую роль играет социокультурный компонент. Сделаны выводы о направлениях дальнейшего изучения импресинга, которое предполагается дискуссионным, но необходимым. Рассмотрение концептуальных оснований исследования импресинга как социокультурного феномена представляется новым и теоретически значимым для социогуманитарных наук в целом, поскольку открывает возможности более плодотворного многоаспектного осмыслиения малоизученного феномена.

Ключевые слова:

социокультурное знание, человек в культуре, информационное воздействие, импресинг, импринтинг, культура и психика, социокультурные тенденции, человек деятельный, творческий потенциал, самоорганизация культуры

Введение

Импресинг – относительно новый предмет исследования для социогуманитарных наук. Интерес к нему является примером междисциплинарности современного научного знания. Истоки изучения импресинга обнаруживаются в этологии, одним из предметов которой является феномен запечатлевания (обозначаемый термином «импринтинг»). Наиболее активно этот феномен исследуется в рамках психологических наук, откуда интерес к нему транслируется на систему социогуманитарного знания в целом. Подобный междисциплинарный переход приводит к довольно серьезным содержательным изменениям синонимичных терминов «импринтинг» и «импресинг» и, более того, к их расхождению.

Выход указанных понятий за пределы естественно-научного знания, как правило, не сопровождается какой бы то ни было рефлексией концептуально-теоретических оснований рассмотрения стоящих за ними феноменов в социогуманитарном предметном поле. Существует лишь незначительное число работ, в которых импринтинг/импресинг подвергается концептуальному анализу как целостный социальный феномен [32], [40]. Базисными для изучения импресинга также можно назвать работы, в которых этот феномен получает параметрически-функциональное описание на материале обширного

биографического с элементами историко-статистического анализа [5],[33],[34]. Прежде всего, благодаря этим исследованиям импринтинг и импрессинг из феноменов с неоднозначным междисциплинарным статусом вне пределов естественно-научного знания переходят в разряд феноменов сложных, вызывающих множество вопросов, но, несомненно, заслуживающих и даже требующих к себе самого пристального внимания социогуманитарных наук. При этом трактовки импрессинга последовательно отсылают исследователя к социокультурной проблематике, в связи с чем возникает необходимость определения концептуально-теоретических предпосылок рассмотрения импрессинга как объекта социокультурного анализа.

Методы исследования

Раскрыть концептуально-теоретические предпосылки исследования импрессинга как социокультурного феномена – цель проведенного нами теоретического исследования. Для достижения поставленной цели необходимо, во-первых, выявить тенденции в социокультурном знании, позволяющие рассматривать импрессинг в его биосоциокультурном единстве. С этой целью многообразие научных представлений о сложном единстве природы, общества, культуры и о месте человека в нем подвергается анализу и затем синтезу [31]. Во-вторых, необходимо наметить концептуальные основы дальнейшего анализа импрессинга, исходя из специфики современного социокультурного знания. Эта задача решается с применением дедуктивного и аксиоматического методов. Соотношение ключевых тенденций в социокультурном знании и предлагаемых нами концептуальных основ рассмотрения импрессинга как социокультурного феномена осуществляется методом аналогии [31].

Мы исходим из предположения, что импрессинг может стать предметом социокультурного рассмотрения в силу своей природы и при установлении концептуальных основ такого рассмотрения. И, если установление основ социокультурного анализа импрессинга является одной из задач представленного исследования, то определение подхода к пониманию природы импрессинга необходимо уже на стадии описания методологии. Мы придерживаемся социокультурного подхода к пониманию природы интересующего нас феномена [21],[43] и отталкиваемся прежде всего от концепции В.П. Эфроимсона, советского генетика и педагога, введшего в научный оборот понятие «импрессинг» [6]. Под импрессингом в настоящее время понимают средовое (информационное) воздействие, вызывающее сильное значимое впечатление, в результате которого возникает устойчивое стремление личности к реализации своего потенциала в определенных видах деятельности и в благоприятных социальных условиях может приводить к значимым достижениям в этой деятельности.

Результаты исследования

1.1 Основные тенденции в современном социокультурном знании

Предпосылки изучения импрессинга как социокультурного феномена усматриваются нами в современных тенденциях понимания культуры и человека в культуре.

Анализ актуальных исследований культуры как социальной системы позволяет говорить о том, что современное социокультурное знание исходит из представления о сложном взаимодействии природы, общества и культуры, в котором системообразующая роль отводится именно культуре [17],[23],[27],[38]. То целое, в котором сливаются природа и общество, по мнению А.Ф. Лосева, и следует называть культурой: «культура есть...

природа, которая развивается и обрабатывается общественно», и «культура есть... общество..., которое развивается в определенных природных условиях» [\[23, с. 210\]](#).

Тенденция к акцентированию взаимопроникновения природного начала, социальности и культуры является определяющей для других тенденций в развитии социокультурного знания, представляющих интерес, исходя из предмета нашего исследования. Сама культура в этой связи, какими бы ни были ее многочисленные трактовки, рассматривается как сложнейший мир, несводимый к линейной одномерной логике, неустойчивый, открытый, несущий в себе многогранность и взаимозависимость, но при этом порой непредсказуемость взаимодействия элементов систем и подсистем [\[15\]](#).

При этом признается, что ни один объект социального познания не может быть «воспроизведен мышлением во всей его конкретности», во всем многообразии его сторон и связанных с ним взаимоотношений [\[39, с. 77\]](#). Подобное теоретико-методологическое противоречие, свойственное познанию культуры, решается благодаря определенному – диалогическому – «сдвигу в ракурсе рассмотрения» [\[1, с. 29\]](#) ее феноменов, суть которого в диалоге как способе существования культуры и человека в культуре. В сложном синергетическом целом, именуемемся культурой и состоящем из множества элементов, образующих в своем взаимовлиянии «причудливо-амбивалентные связи, сети духовных скрещений» [\[18, с. 37\]](#), человек занимает свое особое место. Так, по Э. Маркаряну, культура, как некая универсальная ценностная сущность, объединяет в себе и объединяет собой природную среду, социальную сферу и внутренний (духовный) мир человека [\[26\]](#). Диалогический «сдвиг в ракурсе рассмотрения» при этом обнаруживается, как отмечал А.С. Ахиезер, в возрастающем интересе к пониманию, объяснению взаимосвязи между культурой и формами отношений, взаимодействий людей [\[11\]](#), что представляет собой еще одну значимую для нашего исследования тенденцию в современном социокультурном знании.

Согласно одной из актуальных объяснительных концепций культуры, разработанной В.М. Межуевым, взаимосвязь «четырех социальных феноменов» – человека, его личностного начала, деятельности и культуры – неразрывна [\[28, с. 57\]](#). Как отмечает С.Э. Крапивенский, социокультурное в том и состоит, что большинство действующих в социальной системе каузальных факторов являются внебиологическими, собственно человеческими, имманентными культуре способами деятельности [\[20\]](#). Признание человека деятельным свойственно современному социокультурному знанию, в котором общественная жизнь рассматривается как жизнь человеческая, как результат приложения человеком всех сил и свойств. Вершиной такого понимания выступает представление о том, что «обобщающее познание общественной жизни неизбежно носит... характер самопознания человека» [\[7, 20\]](#). «Сдвиг в ракурсе рассмотрения», кроме того, состоит в особом способе познания индивидуального в продуктах культуры, выражаясь словами М.С. Кагана, в понимании, диалогическом контакте, «проникновении в интенциональный мир познаваемого субъекта» [\[18, с. 125\]](#).

Отсюда еще одна концептуально важная для нашего исследования тенденция в социокультурном знании современности – интерес к вопросам соотношения культуры и психики человека. Он рождается из понимания того, что культура во всем ее многообразии, во всех ее аспектах так или иначе преломляется в индивидуальном сознании. Это требует особого рассмотрения культуры личности как биографического, психологического-педагогического и самодеятельного процесса [\[18\]](#), что является, как отмечал

А.Ф. Лосев, предметом очень важным, очень трудным и во многих отношениях мало разработанным [24]. При этом речь идет не только о двусторонней связи культуры и человека, заключающейся в том, что, творя культуру, человек проявляется в полноте своих неповторимых свойств, мотивов, интенций, и затем, наполненная личностным смыслом культура уже в свою очередь творит человека, личность [18]. Речь в данном случае идет и о связях, «скрещениях» более тонких и более конкретных. По мнению М.С. Кагана, человеческую психику необходимо изучать не как таковую, а «не отвлекаясь от того, каково ее место и функции в целостной системе – человеческой деятельности, подсистемой которой она является», изучать «не как природное, а как природно-культурное явление, как плод работы окультуренного, а не естественного, биологического «аппарата» - человеческого мозга» [18, с. 161].

Социокультурное знание тяготеет к рассмотрению культуры как продукта психики и психики человека как природно-культурного явления. Такая тенденция объясняется необходимостью разгадки «трансцендентных качеств душевной жизни человека», «душевного опыта», проявляющегося в переживаниях, подобных катарсису, импринтингу, экстазу, инсайту [16, с. 154]. В решении вопросов подобного рода культурология тесно взаимодействует с психологией. Это выражается, во-первых, в признании существования неких механизмов, детерминирующих развитие, направленность деятельности человека и культуры как продукта его деятельности, психики. Во-вторых, продуктом такого методологического взаимодействия становится все большая очевидность культурной обусловленности становления личности и влияния социального окружения, культурной среды на формировании психики в детском возрасте [19].

Таким образом, описанные тенденции в социокультурном знании дают нам возможность предположить, что предметом социокультурного рассмотрения может стать такой феномен, как импрессинг, природа, механизм и функционирование которого могут быть исследованы только на основе признания сложного единства природного, социального и культурного в человеке. Кроме того, описанные тенденции позволяют наметить концептуальные основы изучения импрессинга, исходя из современной специфики изучения культуры и человека в ней.

1.2 Концептуальные основы и направления изучения импрессинга

Социокультурное изучение импрессинга вполне отвечает духу современного научного знания, стремящегося к междисциплинарности, к системности, к выявлению тонких, едва уловимых взаимовлияний в общественной, культурной и индивидуальной жизни. Перешедший из естественно-научного знания в социокультурное, исследовательский интерес к импрессингу ярко демонстрирует собой тенденцию науки к проникновению в суть тех феноменов, которые не лежат на поверхности, но значение которых велико в том числе и потому, что сразу они не видны. Становится очевидным, что особую практическую значимость может иметь и имеет решение не тех вопросов, которые, выражаясь словами С.Л. Франка, касаются «абсолютно и непререкаемо необходимого в общественной жизни», а тех, что вскрывают связи и «необходимости иного рода, уяснение которых может помочь людям в их колебаниях, в их исканиях правильного пути» [7, с. 33]. Импрессинг, представляющий собой результат сложного, во многом случайного совпадения, пересечения нескольких природных, общественных и индивидуальных факторов бытия человека, и могущий иметь при этом последствия социокультурного масштаба в виде «рождения» таланта, гения, требует своего

понимания, «уяснения» уже потому, что не лежит на поверхности. В феномене импресинга видится пример рождения творческого субъекта, о котором рассуждал А.Ф. Лосев, рождения из действительности «заряженной бесконечными творческими потенциями, находящимися либо в хаотическом состоянии, либо в состоянии упорядоченном при случайном и преднамеренном проявлении этой упорядоченности» [24]. Н.Б. Оконская, трактуя импринтинг наиболее близко к импресингу, а именно как запечатление социальных условий и социоприродных артефактов в виде слепка в поведении человека, отмечает, что при всей своей значимости слепок этот виден лишь исследователю-профессионалу [32]. Уяснение отнюдь не лежащих на поверхности явлений хаотичности или же упорядоченности в действии механизма импресинга представляет собой исследовательскую задачу в духе современного процесса познания.

Импресинг, природу которого невозможно описать без упоминания наследственного и психического компонентов, некорректно изучать, и «отвлекаясь от культурного контекста» [18, с. 294]. Обратим внимание, какозвучна представлению о механизме импресинга мысль М. Мид о том, что ребенок рождается, располагая определенными биологическими предпосылками, которые культура способна по-своему использовать [30]. Будучи феноменом, заключающим в себе природное начало (наследственная база импресинга), развивающимся под социокультурным воздействием (факторы функционирования импресинга) и воплощающимся своими результатами в культуре (деятельность как результат импресинга), импресинг может быть охарактеризован, выражаясь словами М.С. Кагана, как «плод преобразования натуры культурой» [18, с. 162]. Импресинг – один из тех феноменов, которые свидетельствуют о том, что перспективы изучения человека открываются там, где он признается не только природным или социальным и даже не биосоциальным, а биосоциокультурным по своей сути [18]. Проблематика импресинга демонстрирует, что анализ поведения человека возможен не только в рамках социобиологического проекта, но и в формате более гибких интерпретационных подходов [40]: в «интерпретации биогенетического закона в его социокультурном измерении» [9]. Такой взгляд на импресинг отвечает основным концептуально-теоретическим и теоретико-методологическим тенденциям в изучении сложного и неоднозначного взаимодействия природы, общества и культуры.

Принципиально важным видится анализ функционирования импресинга в русле тенденции признания неразрывной взаимосвязи человека, его личностного начала, деятельности и культуры. Это предполагает рассмотрение импресинга с позиций представлений о человеке как человеке деятельном, поскольку результат импресинга – это активация заложенной в человеке устремленности к какой-либо деятельности. Согласно точке зрения Г. Селье, человеку необходимо «удовлетворить врожденную потребность в самовыражении», совершив то, для чего, как ему кажется, он рожден [37]. Выбор предназначения, по мнению В.Н. Сагатовского, человек совершает на доценностном уровне случайно или на основе программы, заданной извне – биологически и/или социально [36]. Неслучаен в данном случае один из аспектов понимания импресинга – как инструмента культуры, наделенной программирующей функцией [44], [9], – а его результата – творческой деятельности – как специфического проявления информационно управляемой жизненной активности [27].

Очевидно при этом, что изучение импресинга возможно в двух аспектах. Первый из них уже затронут в данном случае нами – изучение его как феномена социокультурного в контексте личностного становления. Здесь следует уточнить, что результатом

импрессинга является не только непреодолимая тяга к конкретному виду деятельности, но и утверждение ее в индивидуальной жизни как ключевой ценности [5], [13], [36], [41]. Э. Фромм отмечал, что понимание ценностей и понимание человеческой природы взаимозависимо [8]. При этом ценностные ориентации личности, интенции ее деятельности, в том числе (и особенно!) творческой, представляют собой социально значимый результат импрессинга как механизма социализации, механизма социального взаимодействия. Импрессинг – это, как правило, результат взаимодействия людей друг с другом.

Второй аспект изучения импрессинга с позиций человека деятельного состоит в том, что феномен импрессинга в определенном смысле утверждает культуру, по выражению Э.С. Маркаряна, как универсальное свойство общественной жизни [25]. В функционировании импрессинга заложен смысл, жизненно необходимый не только индивиду, но обществу в целом. Особенno актуально и значимо это для современного общества, испытывающего потребность в стимулировании творческой деятельности индивидов при низкой способности самого общества к такому стимулированию и слабой предсказуемости социокультурных последствий этой деятельности [3]. Следовательно, социокультурный анализ импрессинга отвечает одной из насущных знаниевых потребностей – в изучении феноменов культуры с учетом взаимосвязей креативных потенциалов личности и ее социокультурных условий [25].

Таким образом, свойственный современному социокультурному знанию «сдвиг в ракурсе рассмотрения» в случае с импрессингом как предметом исследования состоит в том, что теоретико-методологический взгляд на него не должен «редуцироваться ни к человеческим отношениям в любой их форме, ни к культуре», но должен нацеливать на «переход между ними», на их взаимопроникновение [1, с. 29]. Подобный ракурс рассмотрения соответствует природе импрессинга с его социальной непредсказуемостью, но высокой культурной ценностью его результатов, и превращается в «фокус объяснения, понимания общественной жизни вообще» [1, с. 29]. Это позволяет, с одной стороны, раскрыть, как уже отмечалось выше, смысл и назначение импрессинга в общественной, социокультурной системе [1]. С другой стороны, такая логика рассуждений дает возможность обнаружить социокультурное предназначение импрессинга в раскрытии сути человека «в его интеллектуальном, нравственном, творческом напряжении, направленном на развитие способностей обеспечивать собственное воспроизведение, собственную выживаемость, жизнеспособность» [1, с. 29].

Многоплановость анализа импрессинга в системе отношений «природа-общество-культура-человек» обусловлена наличием в самом понятии «человек» разных масштабных планов: общего, особенного и единичного» [18, с. 113]. У С.Л. Франка читаем: «Для того чтобы ориентироваться в частных состояниях духовной жизни и понять их значение для ее целого, нужно знать постоянным общие условия жизни. Конкретно-сверхвременное бытие есть единство временного и вневременно-общего» [7, с. 31]. Вся проблематика социально-философского, социологического, культурологического и психологического находит свое отражение в феномене импрессинга и требует своего последовательного развертывания. Последняя из затронутых нами тенденций социокультурного знания состоит в позиционировании культуры как продукта психики и психики человека как природно-культурного явления. Психофизиологический механизм импрессинга/импринтинга и психических феноменов, связанных с ним (импринт, эмоциональная/импринтная уязвимость, конденсированный опыт и др.), исследован на

данный момент более глубоко и системно, чем другие аспекты его функционирования [2], [4], [10], [12], [14], [22], [29], [35]. Одним из обязательных факторов возникновения импрессинга является ситуация эмоциональной уязвимости [43]. Однако, как верно замечает М.С. Каган, «эмоции эмоциям рознь и рознь эта выявляется при рассмотрении психики как феномена культуры, призванного управлять деятельностью и всем немотивируемым инстинктом поведением человека» [18, с. 170]. Исследование импрессинга, разворачивающееся в системе координат «практика-психика-культура» [42], является не только перспективным в силу неизученности его как биосоциокультурного феномена, но и актуально-необходимым в силу культурно-психологической, социально-психологической и психолого-педагогической практической значимости. При этом подобный диалогический метод позволит анализировать импрессинг не только во всей уникальности и своеобразии его как индивидуально-общественного феномена, но осуществлять этот анализ, «не вырывая... из жизненных, исторических и повседневных контекстов» [11].

Обсуждение

Предложенная концепция рассмотрения импрессинга в системе социогуманитарного знанияозвучна основным современным представлениям об импрессинге/импринтинге как о биосоциокультурном феномене [6], [32], [36], [40], [41], [45]. Однако она имеет специфику, которую считаем необходимым оговорить.

В позиционировании импрессинга как феномена, демонстрирующего собой взаимосвязь индивидуального и общественного, концепция развивает традиции анализа импрессинга/импринтинга, заложенные в трудах В.П. Эфроимсона и продолженные в работах Н.Б. Оконской, Г.Я. Узилевского, И.А. Шмерлиной [5], [32], [41], [40]. При этом, признавая роль импрессинга/импринтинга как «механизма стыковки» биологического и социального в поведении не только индивида, но поколений и человечества в целом [32], подчеркнем, что в сложном биосоциокультурном единстве импрессингового механизма наше внимание акцентируется не на наследственной его составляющей, как в работах упомянутых авторов, а на социокультурной.

Такая позиция близка к представлениям В.Н. Сагатовского и М.А. Холодной о роли импрессинга в возникновении устремленности личности к деятельности, ее интенциональности и ценностно-смысовых основаниях [36], [13]. Однако, если работы указанных авторов посвящены анализу отдельных аспектов функционирования импрессинга, то предложенная нами концептуальная база позволяет исследовать его феномен в целостности проявлений. При этом роль культуры в назначении и функционировании импрессинга признается смыслопределяющей.

Исследовательский акцент на рассмотрении импрессинга как социокультурного феномена, на первый взгляд, оставляет в тени наследственный фактор его функционирования. Безусловно, импрессинг становится возможным при наследственной расположности личности к тому типу воздействий, которое было оказано средой, и склонность к деятельности, активированная импрессингом, также, согласно концепции В.П. Эфроимсона, является наследственной [6]. Поэтому считаем необходимым подчеркнуть, что социокультурный анализ импрессинга не преуменьшает значения его наследственной составляющей, но акцентирует внимание на том, что на его социокультурную компоненту ложится особая смысловая нагрузка. В своей концепции мы исходим из понимания импрессинга как результата стечения нескольких факторов, к

которым, кроме наследственной предрасположенности, относятся чувствительный период онтогенеза, ситуация эмоциональной восприимчивости, детерминированная особенностями социализации, социальной и культурной средой становления личности, культурным обликом ее социального окружения, содержанием и направленностью непосредственного воздействия. Социокультурный компонент, таким образом, выступает не только решающим в возникновении лично значимого впечатления, но единственно поддающимся анализу и (что определяет практическую значимость его исследования) корректировке. Можно сказать, что феномен импрессинга в данном случае выступает неким индикатором «качества» социокультурной среды, в которой личность формируется. Следовательно, его анализ как социокультурного феномена и теоретических основ такого анализа представляется необходимым.

Заключение

Анализ многообразных научных представлений о сложном единстве природы, общества, культуры и о месте человека в нем позволяет выявить превалирующие в нем тенденции и, синтезировав их, представить следующим образом. Для современного социокультурного знания характерно представление о диалогически сложном, непредсказуемом взаимодействии природы, общества и культуры; о подобном же взаимопроникновении всех элементов в самой культуре как социальной системе; об особом месте в этой системе человека как человека деятельного и о неразрывности культуры и личностного начала; о культуре как продукте психики и о психике человека как природно-культурном явлении.

Выявленные тенденции позволяют подтвердить предположение о том, что импрессинг может стать предметом социокультурного рассмотрения в силу своей природы и при установлении концептуальных основ такого рассмотрения. Концептуальные основы его рассмотрения были изложены по аналогии с выявленными в социокультурном знании тенденциями. Кроме того, проделанный анализ позволил наметить направления дальнейшего изучения импрессинга: как биосоциокультурного феномена, как инструмента программирующей функции культуры, как механизма формирования личностных ценностей и смыслов, как феномена, демонстрирующего неразрывную связь психики и культуры в деятельности личности и т.п.

Дальнейшее исследование импрессинга представляется дискуссионным, но необходимым, с точки зрения практики функционирования общественного сознания, межличностных взаимодействий, стимулирования творческой активности индивидов, а также психолого-педагогической практики.

Библиография

1. Ахиезер А.С. Философские основы социокультурной теории и методологии. Вопросы философии. 2000. № 9. С. 29-45.
2. Bowlby J. Attachment. New York.: NY, Basic Books, 1999.
3. Баглюк С.Б. Социокультурная обусловленность творческой деятельности: дисс. ... к.филос.н., 24.00.01. М., 2001.
4. Dilts R.B. Changing Belief Systems with NLP. Santa Cruz, California: Dilts Strategy Group, 1996.
5. Эфроимсон В.П. Генетика гениальности. М: Время знаний, 1995.
6. Эфроимсон В.П. Педагогическая генетика // Биология. 2000. № 31. С. 5-11.
7. Франк С.Л. Духовные основы общества. М.: Республика, 1992.
8. Фромм Э. Человек для себя. М.: ACT, 2023.
9. Горюнков С.В. Введение в мифологическую теорию культурогенеза. Часть V.

- Программирующая функция культуры // Знание. Понимание. Умение. 2012. № 1.
10. Grof S. Realms of human unconscious: Observations from LSD research. New York: The Viking Press, 1975.
11. Гусельцева М.С. Культурно-психологический анализ в психологии и смежных науках // Психологические исследования. 2009. Т. 2. №4.
12. Hess E.H. Imprinting in birds // Science. 1964. No. 146. Pp. 1128-1139.
13. Холодная М.А. Психология интеллекта: парадоксы исследования. Санкт-Петербург: Питер, 2002.
14. Horn. G. Memory, imprinting and the brain. An Inquiry into Mechanisms. Oxford: Clarendon Press Oxford, 1985.
15. Инюшкин Н.М. Провинциальная культура: природа, типология, феномены. Саранск: Издательство Мордовского университета, 2003.
16. Кабрин В.И. «Химеры объяснения» и постметодологическая перспектива психологии // Методология и история психологии. 2008. № 1. С. 153-164.
17. Каган М.С. Системный подход и гуманитарное знание: избранные статьи. Л.: ЛГУ, 1991.
18. Каган М.С. Философия культуры. М.: Юрайт, 2024.
19. Киселев Р.А. Импринтинг // Вестник НЛП. 2014.
20. Крапивенский С.Э. Социокультурная детерминанта исторического процесса // Общественные науки и современность, 1997. № 4. С. 134-142.
21. Лапин Н.И. Социокультурный подход и социетально-функциональные структуры // Социологические исследования, 2000. №7. С. 3-12.
22. Leary T. Chaos and Cyber Culture. California: Ronin Publishing, 2014.
23. Лосев А.Ф. Дерзание духа. М.: Политиздат, 1998.
24. Лосев А.Ф. Диалектика творческого акта. 1982. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/Losev/dial_tvakt.php (дата обращения: 15.05.2024).
25. Markarian E.S. Capacity for World Strategic Management. Yerevan: Gitutgun, 1998.
26. Маркарян Э.С. Системное исследование человеческой деятельности // Вопросы философии, 1972. № 10. С. 106-120.
27. Маркарян Э.С. Теория культуры и современная наука (логико-методологический анализ). М.: Мысль, 1983.
28. Межуев В.М. Проблемы теории культуры. М.: Политиздат, 1977.
29. McFarland D. Animal Behaviour: Psychobiology, Ethology and Evolution. New York: Longman Scientific and Technical Essex; Wiley, 1993.
30. Мид М. Культура и мир детства. М.: Наука, 1988.
31. Новиков А.М., Новиков Д.А. Методология Научного исследования. М.: Либроком, 2010.
32. Оконская Н.Б. Импринтинг как системный механизм эволюции общества // Философские науки. 2001. № 1. С. 114-124.
33. Перельман М. Психологические установки в развитии личностей и в истории народов // Семь искусств. 2010.
34. Перельман М.Е., Амусья М.Я., Пуговкин А.П. История и импрессинг поколений // Посев. 2004. № 11. С. 30-34.
35. Понугаева А.Г. Импринтинг (запечатлевание). Л.: Наука, 1973.
36. Сагатовский В.Н. Философия развивающейся гармонии. СПб.: СПбГУ, 1999.
37. Селье Г. Стресс без дистресса. М.: Прогресс, 1979.
38. Сорокин П.А. Социальная и культурная динамика. М.: Астрель, 2021.
39. Тугаров А.Б. Философские основания социальных исследований // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2007. № 2. С. 77-85.

40. Шмерлина И.А. Биологические грани социальности. Очерки о природных предпосылках социального поведения человека. М.: Книжный дом «Либроком», 2013.
41. Узилевский Г.Я. О сверхраннем обучении, классических принципах воспитания и обучения с позиций антропологической семиотики // Образование и общество. 2000. №5. С. 57-64.
42. Василюк Ф.Е. Методологический анализ в психологии. М.: Издательство Московского городского психолого-педагогического университета (МГППУ), Смысл, 2003.
43. Викторова Е.В. Социокультурный подход к анализу природы импресинга // Знание. Понимание. Умение. 2016. № 1. С. 253-262.
44. Viktorova E.V. The Programming Function of Culture in a Digital Society: Selected Tools // Digitalization of Education: History, Trends and Prospects. Published by Atlantis Press SARL, 2020.
45. Viktorova E.V. Imprinting and Impression Concepts in Contemporary Knowledge: Problems of Correlation and Interdisciplinary Applications // Complex Social Systems in Dynamic Environments. Lecture Notes in Networks and Systems. Springer, Cham. 2023. Vol 365. Pp. 39-48.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

В журнал «Человек и культура» автор представил свою статью «Концептуально-теоретические предпосылки рассмотрения импресинга как социокультурного феномена», в которой проведено исследование теоретического потенциала исследования импресинга с точки зрения культурологии на основе имеющейся теоретической и методологической базы.

Автор исходит в изучении данного вопроса из того, что, имея свои истоки в психологии и этологии, импресинг в настоящее время выходит за пределы естественно-научного знания и становится объектом междисциплинарного социокультурного исследования. Социокультурный анализ импресинга не преуменьшает значения его психофизиологической составляющей, но акцентирует внимание на том, что на его социокультурную компоненту ложится особая смысловая нагрузка. В своей концепции автор исходит из понимания импресинга как результата стечения нескольких факторов, к которым, кроме наследственной предрасположенности, относятся чувствительный период онтогенеза, ситуация эмоциональной восприимчивости, детерминированная особенностями социализации, социальной и культурной средой становления личности, культурным обликом ее социального окружения, содержанием и направленностью непосредственного воздействия. Автор трактует социокультурный компонент не только как решающий фактор в возникновении лично значимого впечатления, но единственно поддающимся анализу и корректировке, что определяет практическую значимость данного исследования.

Актуальность этого исследования обусловлена необходимостью теоретического обоснования комплексного изучения импресинга как сложного социокультурного феномена.

Соответственно, и научная новизна исследования заключается в создании теоретико-методологических основ для культурологического анализа импресинга.

Целью настоящего исследования является раскрытие концептуально-теоретических предпосылок исследования импресинга как социокультурного феномена. Для достижения цели автором поставлены следующие задачи: выявить тенденции в

социокультурном знании, позволяющие рассматривать импрессинг в его биосоциокультурном единстве; наметить концептуальные основы дальнейшего анализа импрессинга, исходя из специфики современного социокультурного знания.

В качестве методологического обоснования автор применяет общенаучные методы анализа и синтеза, дедукции и аналогии, а также аксимиатический метод. Автор придерживается социокультурного подхода в исследовании феномена импрессинга и опирается на положения концепции В.П. Эфроимсона, советского генетика и педагога, введенного в научный оборот понятие «импрессинг». Теоретическим обоснованием послужили также труды таких исследователей как В.М. Межуев, М.С. Каган, А.Ф. Лосев Э.С. Маркарян и др.

На основе анализа научной разработанности проблематики автор приходит к заключению, что наиболее активно феномен импрессинга исследуется в рамках психологических наук, откуда интерес к нему транслируется на систему социогуманитарного знания в целом. Существует лишь незначительное число работ, в которых импрессинг подвергается концептуальному анализу как целостный социальный феномен.

Под импрессингом автор понимает средовое (информационное) воздействие, вызывающее сильное значимое впечатление, в результате которого возникает устойчивое стремление личности к реализации своего потенциала в определенных видах деятельности и в благоприятных социальных условиях может приводить к значимым достижениям в этой деятельности.

В рамках своего исследования автор рассматривает культуру как многомерную нелинейную социальную систему. Акцентирование взаимопроникновения природного начала, социальности и культуры является для автора определяющим для других тенденций в развитии социокультурного знания, представляющих интерес, исходя из предмета нашего исследования. Описанные автором тенденции в социокультурном знании дают возможность предположить, что предметом социокультурного рассмотрения может стать такой феномен, как импрессинг, природа, механизм и функционирование которого могут быть исследованы только на основе признания сложного единства природного, социального и культурного в человеке, и наметить концептуальные основы изучения импрессинга, исходя из современной специфики изучения культуры и человека в ней.

Предложенная автором концепция рассмотрения импрессинга в системе социогуманитарного знанияозвучна основным современным представлениям об импрессинге как о биосоциокультурном феномене. Отталкиваясь от традиции анализа импрессинга, заложенной в трудах В.П. Эфроимсона и продолженной в работах Н.Б. Оконской, Г.Я. Узилевского, И.А. Шмерлиной, автор развивает данные теории и акцентирует внимание не на наследственной его составляющей, а на социокультурной.

В заключении автором представлен вывод по проведенному исследованию, в котором приведены все ключевые положения изложенного материала.

Представляется, что автор в своем материале затронул актуальные и интересные для современного социогуманитарного знания вопросы, избрав для анализа тему, рассмотрение которой в научно-исследовательском дискурсе повлечет определенные изменения в сложившихся подходах и направлениях анализа проблемы, затрагиваемой в представленной статье.

Полученные результаты позволяют утверждать, что рассмотрение психофизиологических факторов формирования личности как сложных социокультурных феноменов представляет несомненный теоретический и практический культурологический интерес и может служить источником дальнейших исследований.

Представленный в работе материал имеет четкую, логически выстроенную структуру,

способствующую более полноценному усвоению материала. Этому способствует и адекватный выбор методологической базы. Библиографический список исследования состоит из 45 источников, в том числе и иностранных, что представляется достаточным для обобщения и анализа научного дискурса. Текст статьи выдержан в научном стиле. Автор выполнил поставленную цель, получил определенные научные результаты, позволившие обобщить материал, показал глубокое знание изучаемой проблематики. Следует констатировать: статья может представлять интерес для читателей и заслуживает того, чтобы претендовать на опубликование в авторитетном научном издании.

Человек и культура

Правильная ссылка на статью:

Ленчук В.Ю. Сицилия между эпохами: от власти Секста Помпей к реорганизации Августа // Человек и культура. 2025. № 3. DOI: 10.25136/2409-8744.2025.3.74601 EDN: VTYUPT URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=74601

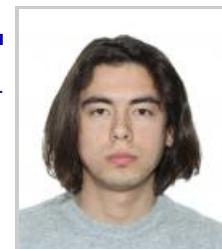
Сицилия между эпохами: от власти Секста Помпей к реорганизации Августа

Ленчук Владислав Юрьевич

аспирант; кафедра истории древнего мира; Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

119234, Россия, г. Москва, Университетская пл., 1

✉ lenchukvy@my.msu.ru

[Статья из рубрики "Культура и власть"](#)

DOI:

10.25136/2409-8744.2025.3.74601

EDN:

VTYUPT

Дата направления статьи в редакцию:

25-05-2025

Дата публикации:

17-06-2025

Аннотация: Предметом исследования в данной статье является исторический процесс трансформации Сицилии в конце I века до н.э., охватывающий период правления Секста Помпей и последующую административную реорганизацию, проведенную Октавианом Августом. Рассмотрены последствия гражданских войн Римской республики для социально-экономического положения острова, включая разрушения городов, упадок сельского хозяйства и демографический кризис. Анализируются меры, предпринятые Октавианом после поражения Секста Помпей, включая конфискацию имущества, депортацию оппозиционных элементов, основание римских колоний, изменения налоговой системы, социальные и административные реформы. Исследование направлено на выявление закономерностей перехода Сицилии от состояния политического и экономического упадка к интеграции в административную систему

Римской империи, с учетом культурных и экономических аспектов. Методологическая основа исследования включает анализ античных письменных источников, археологических данных, сравнительный анализ литературы, а также историко-системный и структурно-функциональный подходы для выявления закономерностей переходного периода Сицилии от республиканского к имперскому управлению. Научная новизна исследования заключается в том, что впервые в отечественной историографии проводится комплексный анализ переходного периода в истории Сицилии, когда правление Секста Помпей сменилось административной реорганизацией, проведенной Октавианом Августом. Подробно прослежены взаимосвязи между политической нестабильностью, экономическим упадком и восстановительными реформами, а также оценены масштабы влияния этих реформ на социально-экономическую и культурную структуру острова. В работе показано, что карательные меры Августа сочетались с программой колонизации, введением фиксированных налогов и восстановлением инфраструктуры, что позволило Сицилии восстановиться и интегрироваться в административную систему Римской империи. Особое внимание уделено сочетанию репрессивных и созидательных мер в стабилизации региона, обеспечении его долгосрочной устойчивости и формировании новой социальной базы.

Ключевые слова:

Сицилия, Секст Помпей, Октавиан Август, реформы, Римская республика, гражданские войны, колонизация, налоговая система, археология, административная реорганизация

Сицилия, обладая центральным географическим положением в Средиземноморье и будучи первой «заморской» провинцией Рима, всегда играла ключевую роль в истории античности. Остров служил «центрическим звеном» региона и залогом понимания развития Римской империи; тем не менее его ключевая роль была в значительной степени упущена из виду в исследованиях классической античности. В I в. до н.э. Сицилия оставалась главным источником зерна для Рима и важной опорой военной силы. В период гражданских войн 43–36 гг. до н.э. остров находился под властью Секста Помпей, возглавившего анти-триумвиратное движение; после разгрома Помпей при Наулохе (36 г. до н.э.) Октавиан (будущий Август) реорганизовал провинцию, вводя на остров римские колонии и жёстко наказывая города, поддержавшие восстание.

Изучение этого переходного периода важно как для понимания эволюции Сицилии в I в. до н.э., так и для общей картины римской политики накануне и в первые годы Империи.

Цель исследования – всесторонний анализ трансформации Сицилии в период между 43 и 21 гг. до н.э., с акцентом на политические, социальные и экономические изменения. В соответствии с этой целью ставятся следующие задачи:

- Охарактеризовать политический статус Сицилии в годы «государства» Секста Помпей и особенности его власти на острове.
- Исследовать административные реформы Октавиана-Августа: создание новых колоний (например, Сиракузы в 21 г. до н.э.) и изменение статуса городов провинции.
- Проследить социально-экономические преобразования: перераспределение земель, демографические сдвиги и развитие городской структуры провинции.
- Сопоставить данные античных литературных источников, эпиграфики и археологических материалов для выявления целостной картины реформ и их последствий.

Временные рамки (43–21 гг. до н.э.) выбраны как охватывающие последовательные

этапы трансформации Сицилии: начало гражданских войн после убийства Цезаря (43 г. до н.э.), когда Секст Помпей установил власть на острове; его окончательный разгром войсками Октаавиана у Наулоха (36 г. до н.э.); а также первые годы правления Октаавиана и формирование августовского принципата, к завершению которого (21 г. до н.э.) была проведена итоговая реорганизация провинции. Этот период охватывает важнейшие политические события и соответствует окончательному переходу Сицилии от республиканской к принципатной модели управления.

Историографический контекст. В отечественной историографии тема урбанизации и реорганизации Сицилии в указанный период практически не получила развития. Образ Секста Помпея чаще всего рассматривается лишь в рамках широких обобщающих работ по гражданским войнам, причём сам Помпей-младший остаётся одной из самых известных неясных фигур Рима и упоминается, как правило, лишь в сносках. Особенно заметно влияние историографической модели Р. Сайма, согласно которой Секст Помпей — фигура периферийная и эпизодическая; эта модель продолжает оказывать заметное влияние на современные исследования. Даже в обширной археологической литературе (например, в работах Р. Дж. А. Уилсона, Р. Р. Холлоуэя, К. Дж. Смита) аспект административной и социальной реорганизации Сицилии, особенно в привязке к урбанистике, остаётся малоизученным. Внимание к археологическим аспектам и контексту имперской эпохи (например, у Л. Пфунтнер, С. С. Стоуна, П. Брюнта, М. Фазоло) не восполняет этот пробел: вопросы перехода от республики к принципату освещаются ими лишь эпизодически.

Научная новизна исследования заключается в том, что впервые в русскоязычной литературе комплексно обобщаются политические и культурные итоги августовской реорганизации Сицилии. В отличие от традиционного представления об острове как периферийной области, данное исследование рассматривает Сицилию как ключевой пример имперского управления и трансформации бывшей республиканской провинции. Подчёркивается роль Сицилии не как «забытой окраины», а как важнейшего элемента системы Римской империи I в. до н.э.

Методологическая основа работы базируется на сравнительном анализе данных античных литературных источников, эпиграфики и археологических данных, с привлечением современных англоязычных исследований последних десятилетий, что позволяет выявить политические, социальные и урбанистические процессы на Сицилии в переходный период.

Сицилия конца I в. до н. э. стала заложницей тяжелых последствий гражданских войн Римской республики: семилетний период господства Секста Помпея (начавшийся в 43 г. до н. э.) оставил остров разоренным и политически ослабленным [5, с.158] [17, с. 278] [16]. Накануне этих событий Сицилия была главной житницей Рима, и ее богатые поля обеспечивали продовольственную безопасность итальянских провинций. При Помпее же Сицилия фактически превратилась в военную базу: экспорт зерна в Италию был приостановлен до 39 г. до н. э., что нанесло тяжелый удар по местному сельскому хозяйству — спрос и цены на зерно резко упали, и многие земли пришли в упадок [18, с.35]. Одновременно постоянный призыв крестьян в войско, мобилизации и конфискации имущества усугубляли кризис: возросло число беженцев и беглых рабов, ищущих спасения на острове. В результате к середине 30-х гг. до н. э. экономика Сицилии была серьезно подорвана, а ее общественный строй — дезорганизован; многие города пришли к упадку и полному истощению ресурсов. По словам Страбона, плодородные сицилийские долины уже не приносили быльих урожаев, а потери от конфликтов и

разруха уничтожили прежнюю стабильность острова (Strab. VI. 2.9).

К 36 году до н. э. ситуация достигла критической точки, когда союзные Октавиану войска Лепида и Антония взяли штурмом остатки сил Секста Помпейя. Боевые действия развернулись преимущественно на западе и северо-востоке острова. Укрепленная Марсала (Лилибей) выдержала осаду Лепида, однако другие города Западной Сицилии были захвачены и разграблены (Appian, BC V.98.408). Особенno сильные разрушения понес северо-восток: прибрежные районы от Тиндария до мыса Пелоро, а также окрестности Мессины и Таормины подверглись грабежам и пожарам [\[12, с.117\]](#) [\[11\]](#). После решающей победы Октавиана при мысе Мил (Наулохе) осенью 36 г. до н. э. и капитуляции сухопутных сил Помпейя Мессина была полностью разграблена и частично сожжена. Таким образом, к осени 36 г. Сицилия оказалась в состоянии гуманитарной катастрофы: разорение охватило большинство городов и полей, а население было деморализовано.

Получив контроль над Сицилией, Октавиан начал проводить жесткие репрессивные меры [\[4, с. 382\]](#). Города, особенно поддержавшие Помпейя, были обложены контрибуциями астрономических размеров: по сообщениям античных авторов общая сумма выплат превысила 1600 талантов, что могло разорить многие муниципии. Ближайшие сторонники Помпейя – как гражданские лица, так и военные – были захвачены и казнены или сосланы. Проводились широкомасштабные конфискации: значительные участки и имущество перешли в собственность Октавиана. Часть конфискованной земли он присвоил себе, заложив основу императорских поместий на Сицилии (впоследствии это стали обширные владения императора), а другую часть раздал верным солдатам и сторонникам (в том числе ветеранам войн). Известен даже случай, когда на месте выселенных жителей Таормины поселили римских ветеранов; это иллюстрирует общую политику Августа: изгнание наиболее оппозиционных элементов и расселение на их землях лояльных колонистов. Возможно, подобные высылки произошли и в других прибрежных городах, лояльных Помпею [\[1, с.331, 597\]](#).

Еще одним важным карательным шагом стала отмена ранее полученных сицилийцами прав. Из писем Цицерона известно, что незадолго до своей гибели Юлий Цезарь даровал сицилийцам латинское право (*ius Latii*), а затем Марк Антоний расширил это дарование до полного римского гражданства для многих общин. Это видно по чеканке монет с надписями «*donum*» или «*municipium*» в Таормине, Агригенте, Халунтии и других городах, а также из упоминаний их новых статусов. Однако после разгрома Помпейя Октавиан, очевидно, отозвал эти привилегии. Прямые свидетельства об отмене нет, но косвенные указывают на решительный шаг: уже в 21 г. до н. э. по записям Плиния Старшего в Сицилии только три города имели латинское состояние, хотя в 44 г. до н. э. их было значительно больше (Pliny. NH 1.46). Таким образом, Август де-факто лишил большинство сицилийцев прав римлян и перевел общину в категорию обычных налогоплательщиков (*stipendiarii*). Это стало серьезным ударом по престижу острова и деморализовало местную элиту. После завершения боевых действий Октавиан ненадолго посетил Сицилию (в 35 г. до н. э.), а затем передал управление легатам и наместникам: населению острова предстояло осознать, какую цену оно заплатило за поражение, и начать тяжелую работу по восстановлению [\[7, с.71\]](#).

Археологические данные конца республиканской эпохи наглядно подтверждают масштаб разорения Сицилии. В ключевых городах сохранены слои разрушений: например, в Моргантине обнаружены следы сильных пожаров во всех кварталах конца 40–30-х гг. до н. э., был уничтожен центральный рынок (*macellum*) и повреждены другие общественные

постройки, а в следующем периоде город фактически покинули: находки импортной керамики и монет прерываются в слоях на раннем этапе И династии (эпоха Тиберия) [15, с.14]. Подобная картина – выгорание до основания и заброшенность – прослеживается в Камарине и Гераклее Минойской: они уже до Помпея были в стагнации, но война нанесла им окончательный удар [2, сс.319-329]. Современные исследователи подчеркивают, что совокупность действий Помпея и последующие карательные меры Августа глубоко подорвали экономику острова [18, с.37]. Некоторые, как историк Стоун, указывают, что разрушения могли быть результатом военных действий (в частности, атак Лепида), но влияние политики и экстренных налогов никто не отрицает [15, сс.15-18]. Кроме того, на смену прежнему доминированию Сицилии в зерне начал приходить новый центр – Африка (прежде всего Египет) после 30 г. до н. э. В этот период объемы африканского хлеба резко возросли, и Сицилия утратила звание главной житницы; ее аграрный сектор нуждался во времени и реорганизации, чтобы адаптироваться к новым условиям. В итоге Сицилия вышла из эпохи войн как обескровленный и переустроенный ландшафт: плодородные земли снова подлежат возделыванию, города в массе своем полуруины.

В течение примерно пятнадцати лет после битвы при Наулохе письменные упоминания о Сицилии почти отсутствуют. Из сохранившихся редких свидетельств можно упомянуть разве что посвящение «общин Сицилии» (*civitates Siciliae*) императорскому легату Гаю Плавцию Руфу с благодарностью за «защиту провинции», однако ни источник опасности, ни детали этой защиты нам неизвестны. Из исторических указаний известно, что перед битвой при Акции жители Сицилии присягнули на верность Октавиану, окончательно закрепив его власть. После учреждения принципата (27 г. до н. э.) остров был включен в число сенаторских провинций; ежегодно им управлял проконсул (примерно преторского уровня) и один квестор. Именно тогда Сицилия стала привычной «публикой» – общественной провинцией без войска, подчиненной сенату, – хотя при этом у нее по-прежнему не было свободного гражданства.

Новый этап истории наступил во время второго визита Августа на Сицилию около 21 г. до н. э. В ходе этого визита император провел масштабные реформы, направленные на упорядочение острова. Считают, что именно тогда была отменена республиканская система десятин (*decumatio*) и введен фиксированный налог (*stipendium*). Формально об этом свидетельствует смена терминологии: Плиний Старший называет все города «*stipendiarii*» – налогоплательщиками, хотя такой термин использовался и раньше. По-видимому, с 21 г. до н. э. Сицилия перешла на более предсказуемую систему сбора (вероятно, вновь преимущественно натурой), что упрощало бюджетное планирование и уменьшало произвол. В результате появилась долгосрочная финансовая стабильность: земледельцы знали, какой именно процент урожая или фиксированную ренту им придется отдавать Риму [8, с.18] [9] [10].

Параллельно была проведена глубокая политическая реорганизация. Важнейшая ее часть – основание новых римских колоний. По сообщениям Плиния Старшего, в 21 г. до н. э. на Сицилии возникло по меньшей мере пять *coloniae*: Таормина (*Tauromenium*), Катания (*Catana*), Сиракузы (*Syracuse*), Термини-Имерезе (*Thermae Himerenses*) и Тиндарис (*Tyndaris*). Кроме того, Мессина получила статус *oppidum civium Romanorum*, то есть города римских граждан. Далее Плиний отмечает еще три города «латинского состояния» (*latinae condicionis*) – Центурипа, Ното и Сегеста – а остальные общины называет *stipendiarii* (обычными налогоплательщиками) (Pliny, NH 111.86-94.). Наконец, он упоминает, что Эоловы острова Липары (*Liparae*) имеют «*cum civium Romanorum*

titulo», указывая на значительное присутствие там римских граждан. Все эти данные позволяют вывести четыре категории: собственно римские колонии (включая Мессину как опиду с гражданским населением), города с латинским правом и обычные населенные пункты. По сути, к 21 г. до н. э. Сицилия обзавелась шестью римскими поселениями и примерно семью общинами со статусом латинского города. Современные исследователи считают, что Август, «отозвавший» массовые права и гражданство, позже (в 21 г.) выборочно помилостивил некоторые общины: трое упомянутых получили или сохранили латинское право, а еще четырем городам оно, возможно, было даровано впоследствии, в рамках тех же реформ. Тем не менее полностью обнародовать права всем сицилийским городам он не стал, считая прежние раздачи привилегий политической ошибкой [\[18, сс.37-39\]](#).

Другая сторона реформ – заселение земли римскими колонистами – носила практический характер. Конфискованные у мятежников плодородные земли требовали использования, и римские власти использовали их для размещения ветеранов и итальянских поселенцев. Новый порядок решал сразу несколько задач: бывшие легионеры получали наделы за службу, что стимулировало их расселение и хозяйственную активность; сами земли не стояли пустыми, а обрабатывались новыми собственниками; наконец, появление лояльных ветеранов как местного населения укрепляло контроль Рима над островом. С экономической точки зрения колонии служили топливом для возрождения: свежие поселенцы могли заняться возрождением виноделия, оливководства и земледелия в густонаселенных районах, где ранее поля брошены. Античные источники и археологи отмечают, что скоро Сицилия перестала быть «просто рецептом» – импортером товаров, и стала активнее эксплуатироваться согласно римским стандартам [\[6, сс.233-237\]](#).

Расстановка новых поселений была стратегически обусловлена. Все колонии основали на северном и восточном побережье острова – на участках с хорошими портами и обширными полями (регионы Катании, Сиракуз, Панормы (Палермо), Лилибета (Марсалы) и др.). Это позволило Риму не только упростить вывоз зерна в Италию, но и снабжать новые города всем необходимым. Внутренние города глубоко вглубь острова («Камарина», «Моргантина», «Хиппана» и т. д.) в колонизацию не попали; урон, нанесенный им войной, делал их мало привлекательными, да и портовая логистика там слабее. В то же время выбранные прибрежные поселения стали опорными пунктами – по свидетельствам Плиния и Дио Кассия, все они сохранили важность в последующие столетия. Страбон, живший незадолго после Августа, даже отмечал, что приток колонистов способствовал процветанию Сицилии, а сам император якобы гордился многочисленностью и благополучием своих поселений. Колонизационные усилия обеспечили остров крупными городами, которые во II-III вв. н. э. по-прежнему были активными центрами: в них были бани, театры, храмы и резиденции, сопоставимые с соответствующими сооружениями в Италии [\[10, с.452\]](#).

Параллельно с колонизацией шла интенсивная романизация общественной жизни. В новых колониях и расширенных муниципиях внедрялись римские законы и учреждения: создавались сенаты граждан (*ordo decurionum*), выбирались ежегодные магистраты (дуувиры), вводились суды по римским образцам. Населению колоний присваивались латинские или римские права, что сближало его с итальянскими гражданами. В эпиграфике того времени появляются типичные латинские формулы и титулы: на монетах новых колоний и на надписях фигурируют слова «*colonia*», «*municipium*», латинские имена почетных граждан [\[3\]](#). Вместе с тем сохранялась двуязычность: греческий язык и традиции бытовали повсеместно (особенно в старых городах), но официальный уровень постепенно переходил на латинский. Например, в римских законах, декретах и

посвящениях применялись латинские термины, тогда как религиозные тексты иногда оставались на греческом. Этот синтетический подход позволил сохранить культурную самобытность Сицилии, переводя ее при этом на языки Римской империи [\[13, с.337\]](#).

Немаловажной стороной преобразований стала имперская квазикультура. Во многих городах появились храмы, посвященные культуам августовской династии. Археологи обнаружили алтари и надписи, посвященные почитанию Августа и членов его семьи в Сиракузах, Таормине, Мессине. Например, в Акраганте (совр. Агридженто) найден жертвенный камень с посвящением «Августу» – признак официального императорского культа [\[3, с.96\]](#). Возможно, при поддержке императора реконструировались и основные святилища: известен римский храм на месте старого агоры Сиракуз, перестроенный с римскими колоннами. Очевидно, императорская администрация вкладывала средства в общественное благоустройство: налаживались дороги и акведуки, строились бани и форумы. В частности, предположительно уже в эпоху Августа началось укладывание мощных дорог, соединяющих колонии с главными портами; осталась, к примеру, частично сохранившаяся часть пути от Катании к серединному плато (*Via Popilia*). Эти изменения носили долгосрочный характер: многие построенные при Августе сооружения эксплуатировались в I–III вв., служа важной базой для развития провинции.

Налоговые реформы дополняли эти административные нововведения. Если после введения *stipendium* все общины по сути стали плательщиками фиксированного сбора (за исключением освобожденных, *immunes*, – такой статус получили лишь колонии и некоторые опиды), то власти получили стабильный доход в зерне, непредсказуемости налогов стало меньше. Плинний сообщает, что после реформы все прочие общины классифицируются как «*stipendiarii*», что означает, что они платят установленные суммы – по смыслу это и было введение фиксированного налога. Такой порядок особенно облегчал послевоенную экономику: крестьянин знал норму, а не подвергался разовым изъятиям. Административно же Сицилия сохранила статус сенаторской провинции с проконсулом-претором и единым квестором, что сравняло ее по положению с другими стабильными римскими регионами, а не сохраняло быт республиканской колонии с двумя преторами, как в доклавианские времена [\[18, с.39\]](#).

В совокупности политика Августа сочетала карательные и созидательные меры. Первоначальные репрессии и конфискации устранили активную опасность новых мятежей: потесненные горожане и изгнанная знать уже не могли организовать крупные выступления. Одновременно новые поселенцы (римляне и латиняне) обеспечили контроль Рима на месте. С другой стороны, колонизация и восстановительные проекты дали стимул для оживления экономики и повседневной жизни. Уже к началу I в. н. э. Сицилия вышла из хаотичного состояния войн: остров перешел к мирному земледелию и торговле. Города, ставшие колониями, наполнялись плотно проживавшим населением, в них работали ремесленники, кипела торговля. Те города, которым было возвращено латинское право, обрели новые связи с метрополией – их жители могли вести дела в судах Рима, участвовать в политических институтах. Военные и административные реформы вписали Сицилию в рамки Римской империи с самой «верхушки»: теперь за порядок отвечал проконсул, а не местная аристократия.

В дальнейшем Сицилия действительно стала относительно спокойной и управляемой провинцией. В эпоху принципата ее редко упоминают в сводках о войнах или мятежах – наоборот, она стабильно поставляла зерно и оливки в Италию, хотя уже в меньшем объеме [\[17, с.273\]](#). Многие крупные города августа-периода (Сиракузы, Катания, Панормус (Палермо), Лилибей (Марсала) процветали в первые три века нашей эры:

археологи находят интенсивную жизнь улиц, торговых рядов и зданий этой эпохи. Даже в IV–V вв. в хрониках Сицилия фигурирует главным образом как часть имперской провинции, а не как арена выступлений (смены власти в ней не зафиксировано). Большинство административных структур, созданных Августом, сохранялось вплоть до поздней античности: муниципальные советы продолжали собираться, коллегии жрецов охраняли локальные традиции. Латинское право и римское гражданство хоть и перестали быть эксклюзивными после расширения империи, но оставили свой след: потомки августовских колонистов и латинских поселенцев на Сицилии считали себя римлянами и жили по римским законам, чему оставалось данное основание в архитектуре, законодательстве и обиходе.

Наконец, стоит подчеркнуть, что многие из решений Августа оказались прочными на долгую перспективу. Административная модель провинции, основанная им, почти не менялась до поздней римской реформы; образ жизни, установленные порядки и институты «римской» Сицилии легко перешли к византийскому периоду. Никаких заметных контрреволюций «помпейнского» типа больше не было – как показывает отсутствие упоминаний о них в источниках. Напротив, Сицилия превратилась в типичную «тихую» провинцию Pax Romana, где управляющие и жители знали и принимали римские порядки.

Итак, политика Августа ответила на насущную проблему Сицилии после Помпея. Он сочетал жесткие меры наказания с pragmatичными реформами, добиваясь как подавления потенциала восстаний, так и экономического восстановления. Благодаря его действиям Сицилия превратилась из обесточенного поля боев в упорядоченную часть империи. Римские колонии и латинские общины дали острову новую социальную базу, пересмотр прав и налогов обеспечил устойчивость, а восстановление экономики позволило людям жить стабильно. Как итог, после реформ Августа Сицилия надолго перестала быть очагом нестабильности и стала относительно процветающей провинцией, интегрированной в структуру Римского государства. Данные античных авторов (Плиния, Страбона, Диона Кассия), вместе с археологическими находками, позволяют сделать вывод, что именно августовская реорганизация задала будущий курс истории Сицилии – курс, по которому остров просуществовал в составе империи в мире и порядка на многие столетия вперед.

Библиография

1. Brunt P. *Italian Manpower 225 BC - AD 14*. Oxford: Clarendon Press, 1971. 512 c.
2. De Miro E. *Città e contado nella Sicilia centro-meridionale nel III e IV sec. d.C.* Kokalos XXVIII-XXIX, 1982. C. 319-329.
3. Degrassi A. *Inscriptiones Italiae XIII: Fasti et Elogia I. Fasti Consulares et Triumphales*. Rome, 1947. 543 c.
4. Grant M. *From Imperium to Auctoritas: A Study of the Aes Coinage in the Roman Empire*. Orig. 1946; reprinted with corrections, Cambridge, 1969. 272 c.
5. Hadas M. *Sextus Pompey*. New York, 1930. 245 c.
6. Holloway R.R. *The Archaeology of Ancient Sicily*. London: Routledge, 2000. 300 c.
7. Keppie L. *Colonisation and Veteran Settlement in Italy*. London, 1983. 250 c.
8. Manganaro G. *La Sicilia da Sesto Pompeo a Diocleziano*. ANRW II11.1, 1988. C. 389.
9. Manganaro G. *Nuove ricerche di epigrafia siceliota*. Sic Gymn Vol. XVI, 1963. C. 51-64.
10. Manganaro G. *Per una storia della Sicilia romana*. ANRW II9.2, 1972. C. 442-461.
11. Roddaz J.M. *Marcus Agrippa*. Rome, 1984. 544 c.
12. Roddaz J.M. *Sextus Pompée: héritier de César ou dernier républicain*. In: *Sextus Pompeius* / Ed. K. Welch, A. Powell. Swansea, 2002. C. 149.

13. Sherwin-White A.N. *The Roman Citizenship*. Oxford: Clarendon Press, 1939. 366 с.
14. Smith C.J. (ed.). *Sicily from Aeneas to Augustus: New Approaches in Archaeology and History*. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2019. 370 с.
15. Stone S.C. III. *Sextus Pompey, Octavian and Sicily*. American Journal of Archaeology, 1983. Vol. 87, No. 1. С. 11-22.
16. Syme R. *The Roman Revolution*. Oxford, 1939. 587 с.
17. Welch K. *Magnus Pius: Sextus Pompeius and the Transformation of the Roman Republic*. Swansea: The Classical Press of Wales, 2012. 366 с.
18. Wilson R.J.A. *Sicily under the Roman Empire: The Archaeology of a Roman Province*, 36 BC - AD 535. Warminster: Aris and Phillips, 1990. 452 с.
19. Аппиан. Римская история. Первые книги. / Пер. и комм. А. И. Немировского. (Серия "Античная библиотека"). СПб.: Алетейя, 2004. 790 с.
20. Кассий Дион Коккейан. Римская история. Книги LXIV LXXX / Пер. с древнегреч. А. В. Махлаюка, К. В. Маркова, Н. Ю. Сивкиной, С. К. Сизова, В. М. Строгецкого под ред. А. В. Махлаюка; комм. и статья "Историк „века железа и ржавчины"" А. В. Махлаюка. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, Нестор История, 2011. 456 с.
21. Плиний Старший. Естествознание: Об искве / Пер. Г. А. Тароняна. М.: Ладомир, 1994. 944 с.
22. Письма Марка Туллия Цицерона к Аттику, близким, брату Квинту, М. Бруту. Т. III, годы 46-43. Издательство Академии Наук СССР, Москва Ленинград, 1951. Перевод и комментарии В. О. Горенштейна. В 3-х томах.
23. Страбон. География / Пер. с др. греч. Г. А. Стратановского под ред. О. О. Крюгера, общ. ред. С. Л. Утченко. 2-е изд., репр. М.: Ладомир, 1994. 944 с.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензируемый текст "Сицилия между эпохами: от власти Секста Помпейя к реорганизации Августа" представляет собой обращение к известному античному сюжету упадка и трансформации римской республики I века до н.э. в результате гражданских войн после убийства Цезаря и т.д. Автор выбирает для своего исследования конкретный политico-географический аспект, обращаясь к судьбе Сицилии во время этих драматических событий и рассматривая на ее примере негативные последствия гражданских войн, краткого правления Секста Помпейя и позитивные результаты сбалансированной политики Августа (большая часть работы посвящена именно реформам Августа и их последствиям, как указывает автор – долгосрочным). К сожалению, автор пренебрегает научно-методической частью работы; в тексте отсутствует указание на актуальность работы, цели и задачи, круг источников, обоснование временных границ исследования. Отсутствует заявление новизны работы при том что работа в значительной степени базируется на зарубежной историографии (отечественную литературу автор не использует, античные источники, используемые автором, в библиографическом списке не указаны). Соответственно, вопрос о целесообразности и оригинальности данной работы остается открытым. В содержательном смысле автор доказывает позитивный для развития Сицилии эффект от реорганизации Августа, хотя в определённой степени упрощает и идеализирует их последствия заявленные как «...многие из решений Августа оказались прочными на долгую перспективу. Административная модель провинции, основанная им, почти не менялась до поздней римской реформы; образ жизни, установленные порядки и

институты «римской» Сицилии легко перешли к византийскому периоду... после реформ Августа Сицилия надолго перестала быть очагом нестабильности и стала относительно процветающей провинцией, интегрированной в структуру Римского государства. ... именно августовская реорганизация задала будущий курс истории Сицилии – курс, по которому остров просуществовал в составе империи в мире и порядка на многие столетия вперед.» Тем не менее собственно реорганизация Августа рассмотрена достаточно подробно как ключевое событие сицилийской истории I века до н.э. с указанием на трансформации различных областей сицилийской жизни (экономической, административно-политической, культурной и т.д.). В тоже время, на наш взгляд, как отсутствие библиографического обзора не позволяет читателю соотнести данную работу с корпусом опубликованных исследований и сделать вывод об оригинальности работы, так и рассмотрение Сицилии как изолированного феномена вне общего контекста не позволяет сделать выводы о типичности или уникальности описанного процесса. Рецензируемый текст рекомендуется к доработке в первую очередь в части научно-методического аппарата.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензия на статью «Сицилия между эпохами: от власти Секста Помпей к реорганизации Августа»

Предмет исследования обозначен в названии и разъяснен в тексте статьи.

Методология исследования базируется на принципах научности, системности и историзма. При написании статьи автор опирается на сопоставление информации, извлечённой из античных литературных произведений, эпиграфических памятников и археологических находок. Кроме того, в работе используются современные англоязычные исследования последних десятилетий. Такой подход даёт возможность выявить и «проанализировать политические, социальные и урбанистические процессы, происходившие на Сицилии в период преобразований.

Актуальность темы обусловлена тем, что Сицилия, географически занимая центральное место в Средиземноморье была «первой заморской колонией Рима и «всегда играла ключевую роль в истории античности». Однако в трудах ученых, специализирующихся на изучении классической античности, роль острова Сицилия оказалась недооцененной. А потому в данной статье отмечает автор, ставится цель провести «всесторонний анализ трансформации Сицилии в период между 43 и 21 гг. до н.э. с акцентом на политические, социальные и экономические изменения». В статье подробно описаны задачи исследования, что играет ключевую роль в определении актуальности и важности изучаемой темы.

Научная новизна состоит в постановке проблемы и задач исследования. В статье впервые в русскоязычной историографии представлен всесторонний анализ политических, культурных итогов августовской реорганизации Сицилии и «в противоположность устоявшемуся взгляду на остров как на периферийную территорию, Сицилия рассматривается как яркий пример имперского управления и эволюции бывшей республиканской провинции. Подчёркивается роль Сицилии не как «забытой окраины», а как важнейшего элемента системы Римской империи I в. до н.э.».

Стиль, структура, содержание. Стиль статьи в целом является научным, есть также элементы описательности, что делают текст статьи понятным и доступным для восприятия

не только специалистами, но и широким кругом читателей, всех кто интересуется античным периодом истории. Структура работы логично выстроена. В начале статье автор раскрывает цель, задачи исследования, актуальность темы, методологию исследования и новизну, а также источники, на основе которых статья была подготовлена и дает краткую характеристику отечественной историографии по теме. Отмечается, что отечественные исследователи практически не уделили должного внимания теме урбанизации и реорганизации Сицилии в исследуемый период, а также образу Секста Помпея и т.д. Текст статьи логично выстроен и последовательно изложен. В статье представлена Сицилия в период Секста Помпея, победа Октавиана и его реформы, последствия действий Помпея и реформ Октавиана на экономику Сицилии. Особое внимание уделено политике Августа и его реформам. В завершении статьи автор приводит выводы по теме и отмечает, что «после реформ Августа Сицилия надолго перестала быть очагом нестабильности и стала относительно процветающей провинцией, интегрированной в структуру Римского государства. Данные античных авторов (Плиния, Страбона, Диона Кассия), вместе с археологическими находками, позволяют сделать вывод, что именно августовская реорганизация задала будущий курс истории Сицилии – курс, по которому остров просуществовал в составе империи в мире и порядка на многие столетия вперед».

Одним из несомненных достоинств рецензируемой статьи является обширная библиография, включающая 22 источника на английском, латинском, итальянском, русском и испанском языках. Данный перечень литературы свидетельствует о высокой степени научной обоснованности и компетентности автора статьи.

Апелляция к оппонентам представлена на уровне собранной информации, полученной автором в ходе работы над темой.

Представленная на рецензирование статья посвящена актуальной и интересной теме, что делает её востребованной среди специалистов и привлекательной для широкой аудитории. Материалы статьи обладают высоким потенциалом для использования в образовательной сфере.

Человек и культура

Правильная ссылка на статью:

Каныкин С.В. Пешеходство и бег: гуманистический потенциал и культурная преемственность. Часть вторая // Человек и культура. 2025. № 3. DOI: 10.25136/2409-8744.2025.3.71148 EDN: GTBBIY URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=71148

Пешеходство и бег: гуманистический потенциал и культурная преемственность. Часть вторая

Каныкин Станислав Владимирович

ORCID: 0000-0002-3250-4276

кандидат философских наук

доцент; кафедра гуманитарных наук; Старооскольский технологический институт им. А.А. Угарова
(филиал) НИТУ "МИСиС"

309503, Россия, Белгородская область, г. Старый Оскол, Никитский, 6

✉ stvk2007@yandex.ru

[Статья из рубрики "Культура тела"](#)

DOI:

10.25136/2409-8744.2025.3.71148

EDN:

GTBBIY

Дата направления статьи в редакцию:

28-06-2024

Аннотация: Предметом изучения является культурное содержание ходьбы и бега как антропологически универсальных видов локомоции и особенности исторической трансляции метафизических составляющих указанных "техник тела". В статье исследуются пять видов бега, опирающихся на соответствующие им разновидности ходьбы: ходьба/бег для удовольствия; ходьба/бег для здоровья; ходьба/бег для личностного развития; ходьба/бег для достижения политических целей; ходьба/бег как спортивные практики. Названия представленных видов движения конкретизируют выражение их гуманистического потенциала, а способом его сохранения и развития в истории человечества является культурная преемственность, которая осмысливается с опорой на содержание понятий «(телесно) воплощенная память», «универсалы культуры», «традиции», «актуализация традиции», «новации». Во второй части статьи эксплицированы гуманистический потенциал и культурная преемственность ходьбы и бега, используемых для личностного развития, для достижения политических целей и в

качестве спортивных практик. В исследовании были использованы исторический метод, метод категоризации, дескриптивный метод, а также метод анализа. В аспекте личностного развития фиксируется наиболее глубокая конкретизация понятия «гуманистический потенциал ходьбы/бега», достигаемая на основе исследования особого рода опыта, открывающегося человеку посредством длительного цикличного телесного напряжения и не доступного «чистому» сознанию. Политическое содержание ходьбы эксплицируется на основе трех предпосылок пешеходного движения: борьбы за увеличение досугового времени, за доступ к территориям для прогулок и за свободу перемещения. Политическое измерение беговых практик обеспечили такие свойства беговой локомоции (в сравнении с ходьбой), как более выраженные энергозатратность и скорость, игровое начало и заметность бегущего. Спортивное содержание ходьба приобретает в конце XVIII века, когда становятся популярными денежные пари на пешее преодоление значительных открытых (а позже – шестисуточных закрытых) дистанций, демонстрирующие выдающуюся выносливость представителей выходящей на арену мировой истории буржуазии. Наследующая стайерскому пешеходству современная увлеченность сверхмарафонскими дистанциями становится частью новой культуры потребления, ориентированной на приздание уникальности собственному жизненному проекту и разделяемой в основном представителями среднего класса, в системе ценностей которого укоренилось удовольствие от дисциплинированного тела, здоровье стало сферой индивидуальной ответственности, а успех понимается перфекционистски – как достижение новых ступеней совершенства и расширение своих возможностей.

Ключевые слова:

ходьба, бег, гуманистический потенциал, культурная преемственность, динамическая медитация, кайхегё, трансцендентализм, политические марши, спортивная ходьба, сверхмарафонский бег

Представляемая вниманию читателей статья является второй частью исследования гуманистического потенциала и культурной преемственности ходьбы и бега. В первой части работы была обоснована актуальность научной темы с опорой на анализ наиболее авторитетных обследований глобального и регионального (российского) состояния массовой спортивно-физкультурной активности. Проведенный анализ позволил установить, что ходьба и бег являются наиболее популярными видами физической культуры, используемыми как для здоровьесбережения, так и для формирования и реализации социально значимых свойств личности, однако процент регулярно практикующих с указанными целями ходьбу и бег людей явно невелик и имеет тенденцию к сокращению. В этой связи востребовано теоретическое обоснование гуманистического потенциала и культурной преемственности рассматриваемых видов локомоции (в циклическом представлении естественной эволюции/инволюции ходьба – бег – ходьба), практически нацеленное на их популяризацию.

Первая часть исследования позволила прийти к следующим выводам:

1. В онтогенезе ходьба – это культурный навык, который формируется благодаря активному пребыванию субъекта (ребенка) в среде, включающей взрослых воспитателей, а также различные свойства местности, обеспечивающей необходимость и возможность ходьбы (Т. Инголд [\[1\]](#)). Основу формирования этого навыка, согласно М. Моссу [\[2\]](#), обеспечивает «престижное подражание» обусловленным габитусом «техникам

тела». Ходьба выступает основой бега как в биологическом, так и в культурном регистрах.

2. Культурное содержание бега усматривается Дж. Бэйлом [3] в мотивации бегущего и в достижении обусловленных ею телесных эффектов. На основе его подхода в статье предлагается типологически различать бытующие в царстве свободы пять видов бега, опирающихся на соответствующие им разновидности ходьбы: ходьба/бег для удовольствия; ходьба/бег для здоровья; ходьба/бег для личностного развития; ходьба/бег для достижения политических целей; ходьба/бег как спортивные практики.

3. Названия представленных видов ходьбы/бега конкретизируют содержание их гуманистического потенциала, а способом его сохранения и развития в истории человечества является *культурная преемственность*, которая осмысливается с опорой на содержание понятий «социальная преемственность», «культурная память», «(телесно) воплощенная память», «универсалии культуры», «традиции» (определяющие опыт прошлых поколений в формах прецедента и ритуала), «актуализация традиции», «новации».

4. Бег для удовольствия формируется на основе свободного (не вынужденного практически) пешего движения, перешедшего в игровую форму, то есть осуществляющего исключительно ради достижения порождаемых беговой локомоцией и не обретаемых вне ее телесно-психических состояний, которые *нравятся* человеку.

5. Преемственность здоровьесформирующих ходьбы и бега заключается в том, что оптимально подобранная беговая активность интенсифицирует оздоровительные свойства ходьбы, позволяя за тоже время движения добиться большего оздоровительного эффекта. Своебразие положительного воздействия бега на организм человека усматривается в прыжковой составляющей данного вида локомоции (что отсутствует в других циклических видах движения), благодаря которой бегун достигает значительного биомеханического резонанса, имеющего выраженный оздоравливающий эффект.

6. В рамках здоровьесформирующих ходьбы и бега осмысляется и практикуется промежуточная форма движения – бег трусцой (jogging), отчетливо проявляющая как физическую, так и метафизическую преемственность этих видов локомоции.

Далее будут рассмотрены гуманистический потенциал и культурная преемственность ходьбы/бега для личностного развития, для достижения политических целей, а также как спортивных практик.

Ходьба/бег для личностного развития

Понимая сознание сосредоточением социокультурного в человеке и основой личностного начала, поставим вопрос о влиянии телесно выраженной деятельности на формирование сознания и личности. М. К. Мамардашвили полагал, что «...восприятие, мысль, любовь, доблесть, что угодно, будь то совесть – все это, конечно, метафизическое в нас. Но не в виде теории. Нет. Метафизика может действовать только воплощениями. Наша плоть идет в дело» [4, с. 349]. Отталкиваясь от этого суждения, можно, значительно упрощая и схематизируя, представить развитие личностного начала в такой последовательности: плоть – тело – сознание – личность, причем эти элементы необходимо рассматривать в динамическом аспекте, который, эволюционируя, приобретает характер деятельности. Кратко охарактеризуем составляющие указанной последовательности в онтогенетическом регистре. Плоть, следуя М. Мерло-Понти [5],

можно определить как человеческий организм, находящийся в дoreфлексивной связи с миром, реализующий «изначальную интенциональность» и естественную спонтанность движения как универсальный атрибут существования, это чисто биологический способ бытия новорожденного. Социальная среда разнообразными воздействиями своих агентов (например, пеленанием, хендлингом, купанием/плаванием и т.п.) трансформирует плоть в тело и «...на определенном этапе социализации (вероятно, где-то между первым и вторым годами жизни ребенка) <...> переводит работу человеческого тела в особый режим – режим, на основе которого может возникнуть у индивида способность к сознанию» [6, с. 40]. Очевидно, что это *деятельностный* режим, включающий в себя как влияния общества на формирующегося субъекта, так и активности его самого – и самопроизвольные, но в значительной степени контролируемые и канализируемые социализаторами, и, согласно М. Моссу [2], основанные на «престижном подражании». В силу огромного количества внутренних и внешних факторов, влияющих на социализацию, различий в интенсивности их воздействия, оригинальности сочетаний, специфики отзыва, собственных усилий и т.п. субъекты по-разному включаются в жизнь общества, раскрывая свою оригинальность в различных видах социального взаимодействия и деятельности, что и образует их личность. Признавая ходьбу и бег явлениями культуры и видами деятельности, зададимся вопросом о том, как они участвуют в формировании некоторых компонентов сознания и фундируют личностное начало.

Начнем с ходьбы. О том, что с помощью длительной ходьбы порождаются медитативные состояния, свидетельствуют восточные культуры: так, последователи Будды использовали ходьбу как элемент динамической медитации в практиках *кинхин* и *кайхегё*. Кинхин – это медитативная ходьба, предполагающая медленное движение в ограниченном пространстве, например в комнате или на улице между двумя недалеко расположеными деревьями. «Если вы прочтете о житии монахов и монахинь во времена Будды, то увидите, что многие из них достигали различных уровней пробуждения во время ходьбы по дорожке для медитации <...> Многие монахи ходят долгими часами, чтобы развивать сосредоточение. Иногда они ходят десять-пятнадцать часов в день!» [7, с. 168-169]. Кайхегё («обход горы») – это аскетическая практика одной из буддистских школ Японии Тэнтай (яп. Тэндай), монастырь которой (Энряку-дзи) находится около вершины горы Хиэй. Практика кайхегё рассматривается наследниками Энряку-дзи как окончательное выражение стремления к просветлению в виде отождествления с эманацией Будды Фудо Мёо, которая символизирует стойкость духа и телесную выносливость. В законченном виде уподобление Фудо Мёо предполагает тысячу дней ходьбы в медитативном состоянии в течение семи лет в окрестностях горы Хиэй, где расположены более двухсот пятидесяти священных мест, требующих поклонения [8]. Таким образом, буддистские практики долгой и интенсивной ходьбы кинхин и кайхегё своей главной целью имеют достижение бодхи (просветления), медитативная ходьба является одним из инструментов обнаружения в себе потаенной природы Будды. Также эффекта отрешенности от реальности и полного сосредоточения на внутреннем мире добиваются годами пешего странничества желающие *мокши* саньясины в индуизме [9].

Паломничества христиан, ищущих священное во внешнем, а не во внутреннем мире, порождали лиминальные переживания, связанные с переходом к новой идентичности, которая не носила поло-возрастного характера и поэтому была довольно редкой в традиционном обществе, как и сопровождающие ее психологические состояния. Во-первых, это ощущение социальной дезориентации (нивелирование прежних рангов,

статусов и заслуг), во-вторых – ожидание от «святых мест», достижение которых было связано со значительными жертвами, новых перспектив, связанных с духовными трансформациями и посмертной судьбой, в-третьих – формирование чувства принадлежности к «новому товариществу» лиминалов («communitas» – В. Тернер), возвышенные цели которого оправдывают все лишения странников. Таким образом, «понятие лиминальности <...> является воплощением идеи перехода и развивает онтологию перехода как ключевого социального и психологического состояния личности» [\[10, с. 240\]](#).

В Европе Нового времени популярности пеших прогулок в одиночестве и в сельской местности или в дикой природе способствовал романтизм, который в философском измерении принял форму *трансцендентализма*, направляя своих адептов к бегству от городской, механической, бездушной цивилизации и единению с высшим источником бытия посредством приобщения к «духу народа» и «гению места». Ходьба у романтиков (например, Ж. Ж. Руссо, У. и Д. Вордсворт, Г. Торо) стала «поэтическим» способом передвижения, культурным актом, направленным на обретение *возвышенных состояний*, источником не только физической и чувственной, но и духовной радости. Вот как об этом писал Олдокс Хаксли в своем эссе «Вордсворт в тропиках» 1928 г.: “В районе пятидесяти северной широты в течение последних ста лет или около того было аксиомой, что Природа божественна и морально возвышает. <...> прогулка за городом подобна походу в церковь, экскурсия по Уэстморленду так же хороша, как паломничество в Иерусалим. Общаться с полями и водами, лесами и холмами – значит, согласно нашим современным и северным воззрениям, общаться с видимыми проявлениями «Мудрости и Духа Вселенной»” [Huxley A. Nature: Wordsworth in the Tropics. URL: https://www.brainkart.com/article/NATURE---Wordsworth-in-the-Tropics_344/ (дата обращения 18.05.2024)]. В этой связи вполне обосновано суждение Р. Солнит о том, что хотя ходьба является частью естественной истории, выбор прогулки по живописному ландшафту в качестве созерцательного, духовного или эстетического опыта имеет культурное происхождение [\[11\]](#), объединяя движение с переживанием, где медлительность становится достоинством, а прогуливающийся – философом.

Обращаясь к активизации *творческих способностей* с помощью ходьбы, Эрлинг Кагге пишет: «Сегодня по всему миру проводятся исследования, призванные выяснить, как ходьба влияет на наши творческие способности <...> Другими словами, как наши ноги влияют на наш мозг – а не наоборот. В 2014 году исследователи Стэнфордского университета обнаружили, что 6–15-минутная ходьба на 60 процентов повышает творческий потенциал человека по сравнению с теми, кто это время сидел» [\[12, с. 97\]](#). В этой связи отметим, что Н. А. Бернштейн [\[13\]](#), основоположник такого научного направления, как физиология активности («биомеханика»), полагал, что самое простое двигательное действие *неповторимо* даже в случае доведения до автоматизма, который, поэтому, является «повторением без повторения». Это постоянное варьирование двигательного действия служит основой специфики развития психофизических качеств личности, что через множество внутренних переходов, качественных трансформаций, а главное – внешних (культурных) влияний обеспечивает оригинальность проявлений и интенсификацию деятельности «высших психологических функций» (Л. С. Выготский), к которым обычно относят восприятие, воображение, память, мышление и речь, где рождаются и обретаются наши творческие способности и результаты их применения.

Переходя к ***бегу***, отметим, что как форму динамической медитации мы встречаем его в описании кайхегё. На седьмом году этой практики монахи в течение первых ста дней должны преодолевать по горным маршрутам по восемьдесят четыре километра,

обязательно останавливаясь для ритуальных действий в священных местах. Осилить такую дистанцию за сутки невозможно без использования бега, поэтому наследников Энряку-дзи называют «монахами-марафонцами». Также медитативный бег практиковали буддистские школы Тибета (ламы-«лунг-гом-па») и последователи йоги (например, в раджа- и буддха-йоге) [14]. Как элемент религиозного опыта интерпретировали беговые занятия мускулистые христиане. Если Тертуллиан в трактате «О зрелищах» (написан между 197 и 202 годами) [15] называл состязания в беге «безумными», то в XIX веке спортивная самоотверженность, особенно выраженная в преодолении добровольных длительных страданий стайерского бега, стала рассматриваться мускулистыми христианами как духовный опыт, своего рода обратный (в сравнении со светским спортом) путь от рекорда к ритуалу. В этом же ключе исследуют бег Роджер Д. Джослин, автор труда «Бег по духовному пути» [16], М. Мерфи и Р. А. Уайт, написавшие книгу «В зоне: трансцендентный опыт в спорте» [17], Дж. Шихан [18] и многие другие религиозно ориентированные исследователи, которые связывают длительный бег с достижением мистических и возвышенных состояний, преобразующих личность. Физиологические основы этих состояний проясняет Т. Коски, полагающий, что многократная повторяемость по сути однообразного двигательного действия доводит его до автоматизма, освобождая сознание бегуна от контроля за локомоцией, а оптимально подобранный ритмичность бега позволяет погружаться в динамическую медитацию, обеспечивающую выход на высший уровень познания, который Спиноза называл интуитивным, где происходит «...понимание всего сущего в его божественном контексте, в глубоком экзистенциальном смысле» [19, р. 88]. Для многих бегунов-любителей преобразование себя посредством медитативных состояний (в спортивной психологии они называются состояниями потока) является главной целью беговых упражнений: «Я бегу не для того, чтобы чего-то достичь <...>, а для того, чтобы измениться в процессе достижения» [20, р. 36]. При этом, чем длиннее пробегаемая дистанция, тем больше шансов на медитативное состояние, поскольку бытие (в хайдеггеровской интерпретации) открывается *Dasein в действии*. Т. Коски обосновывает значимость беговых переживаний для личности тем, что они улучшают качество жизни и делают ее более насыщенной, меняя отношение к миру и открывая человеку посредством длительного телесного напряжения и развития особого рода чувствительности некоторые аспекты его бытия, не представленные «чистому», «внетелесному» сознанию. Эту мысль поддерживает и М. Роуленд, который, обращаясь к Платону, замечает: «Бег – это способ воспоминания – способ, с помощью которого тело вспоминает то, чего не смог бы вспомнить разум» [20, pp. 45-46]. Систематический стайерский бег открывает личности пути к особым элементам опыта («эмпирическим ядрам»), на основе которых она может реализовать свой потенциал. Согласно Дж. Шихану и Т. Коски, к ним относятся устранение конфликта между субъектом и объектом; умиротворение; полное присутствие в настоящем; чувство силы жизни; радость; преданность и благодарность своей судьбе; открытие истинного «я»; просветление; единство с Абсолютом и т.п. [18, 19]. Вокруг этих «ядер» организуются другие переживания, направляющие жизнь человека к аутентичности и гармонии с миром, на их основе осуществляется социальное бытие личности, в силу чего указанные исследователи полагают их имеющими этическую природу. Благодаря беговой актуализации «эмпирические ядра» приносят умиротворение, посредством которого мы можем расслышать обращенный к нам и интуитивно воспринимаемый «зов совести», направляющий *Dasein* на собственный путь жизни [19]. Дж. Шихан считал, что обычные аргументы в пользу бега и иных физических упражнений как укрепляющих здоровье являются «жалкими представлениями» по сравнению с обретением способности жить на

своем подлинном уровне, достичь своего «первоначального великолепия», стать лучшей версией себя. С ним согласен и всемирно известный японский писатель-марафонец Харуки Мураками: «Над бегунами часто посмеиваются, мол, эти на многое готовы, лишь бы жить подольше, но я думаю, что большинство людей бегают вовсе не поэтому. Им важно не продлить свою жизнь, а улучшить ее качество» [Мураками Х. О чём я говорю, когда говорю о беге. М.: Эксмо, 2020. С. 40].

В заключение отметим, что именно в аспекте личностного развития фиксируется наиболее глубокая конкретизация понятия «гуманистический потенциал ходьбы/бега», достигаемая на основе исследования особого рода опыта, открывающегося человеку посредством длительного циклического телесного напряжения и не доступного «чистому», «внителесному» сознанию.

Ходьба/бег для достижения политических целей

Немало прав и свобод человека были завоеваны политическими акциями в форме массовых шествий, поэтому «ходьба стала одной из сил, создавших современный мир» [11, р. 197]. Власть имущим (едущим) намного легче контролировать сидящих; по своей воле ходящие, да еще группой, вызывают подозрение, а совместно бегущие кажутся очень опасными. В литературе, посвященной социокультурной обусловленности современных пешеходных практик, приводится множество примеров того, как идущих по городским территориям, где принято перемещаться даже на небольшие расстояния на автомобилях, останавливает полиция, чтобы убедиться в адекватности и отсутствии злых намерений пешеходов, самим выбором вида движения демонстрирующих пренебрежение к социальной регламентации, отдающее бунтарством. Порожденные пешеходами-романтиками коннотации ходьбы как проявления духовной независимости, протестной силы характера, наложившиеся на маргинальность и криминальность бродяг, фундировали социальные смыслы этого вида локомоции в некоторых ситуациях как нонконформистского, девиантного, а порой и направленного на изменение социума (причем не только законными средствами) вида деятельности, выражавшей особенности и потребности некоторых социальных групп, т.е. образовали политический контекст ходьбы. На одном его полюсе были вольные бродяги, а на другом – синхронно марширующие на парадах группы, демонстрирующие мощь власти, способной заставить единообразно двигаться (а часто – и думать) тысячи физически развитых мужчин и женщин: «Тела марширующего коллектива <...> являли самодисциплину, но вся эта дисциплина была полностью подчинена вышестоящему интересу. Это тела «подчинения в форме подтянутой стройности», тела самоконтроля, давно переведенного под контроль государства» [21, с. 206]. Идеологическую подоплеку имела и деятельность пешеходных туристических ассоциаций. Например, движение немецких мужских молодежных групп «Вандервогель» («Странствующая птица»), существовавшее с 1896 по 1933 год в рамках среднего класса протестантов, своими лесными походами и интересом к сбору фольклора выражало несогласие с «размыванием» в стремительно индустриализирующейся Германии «немецкого духа» и забвением «тевтонских ценностей», при этом подростки из рабочего класса и аристократических кругов, равно как девушки, евреи и католики считались для этой организации нежелательными. Примерно в это же время существовавшее скаутское движение в Великобритании и США, также практиковавшее длительные походы и «выживание в природе», напротив, имело целью сплочение различных социальных, этнических, религиозных и прочих групп, проживающих в одной стране, в единую нацию на основе совместной подготовки к защите отечества. В социально-политическом контексте ходьба приобретала черты дисциплинарной практики: города при помощи организации дорожного движения

превращали своих жителей в упорядоченно движущихся пешеходов; заводы и фабрики заставляли рабочих перемещаться в ритме производственного процесса и скорости конвейера; армии превращали молодых мужчин в марширующих солдат, олицетворявших силу и решимость нации.

Далее предпримем краткое исследование политического содержания ходьбы на основе выделения Р. Солнит трех предпосылок пешеходного движения: «у человека должно быть свободное время, место, куда можно пойти, и тело, не скованное болезнью или социальными ограничениями» [\[11, р. 197\]](#).

1. Борьба за свободное время. Этот вид социальной активности предполагал борьбу за сокращение рабочего дня. Известный пример использования пешеходства для указанной цели связан с рабочим движением в Австралии, где 21 апреля 1856 года занятые тяжелым физическим трудом строители Мельбурна организовали марш с требованием 8-часового рабочего дня вместо 12-часового. Массовые шествия 1 мая 1886 г. в США и Канаде также были направлены на уменьшение времени работы. В память о погибших при разгоне этих демонстраций и казненных за их проведение организаторов с 1890 г. первого мая отмечается Международный день солидарности трудящихся, а право на отдых и досуг было зафиксировано в статье 24 Всеобщей декларации прав человека 1948 г.

2. Борьба за свободу передвижения и охрану дикой природы. Такого рода акции стали важной вехой в истории европейского и американского пешеходного движения. Так, в Англии, Шотландии и Уэльсе огромные территории общинных земель со временем приобретали статус частных охотничьих угодий, куда не допускались посторонние из-за угрозы браконьерства. Огораживание закрывало доступ к проселочным дорогам и пешеходным тропинкам, которыми издревле пользовались местные жители. В Великобритании охота в частных парках имела характер элитарного спорта, обеспечиваемого егерями, которые не только помогали знать добывать трофеи, но и были своего рода «лесной полицией», патрулировавшей на лошадях охотничьи территории и жестоко расправлявшейся с «вторгшимися» пешеходами. Помимо этого, с бурным развитием капитализма в начале XIX века британские города становились все более плотно застроенными и заселенными, что вызывало проблемы с чистой водой, уборкой мусора, канализацией, смогом и т.п. В этой связи загородные прогулки становились пусть временным, но спасением от вопиющих неудобств городской жизни, способом укрепления физического и психического здоровья горожан. Учитывая, что в 1815 году парламентом Великобритании был принят закон, позволяющий магистратам запрещать движение там, где они сочтут нужным, борьба за свободное перемещение потребовала противостояния государству, что вызвало необходимость объединения пешеходов. В 1826 г. была основана Манчестерская ассоциация по сохранению старинных общественных пешеходных дорожек, на базе которой в 1894 году возникло Общество по сохранению пешеходных дорожек Пик-Дистрикт и северных графств – старейшее из ныне существующих пешеходных обществ в Англии. В Шотландии в 1845 г. образуется Шотландское общество защиты прав дорожного движения; в 1884 году лондонские бизнесмены основали Клуб лесных бродяг, чтобы «гулять по Эппингскому лесу и сообщать о препятствиях, с которыми мы встретимся» [\[11, р. 191\]](#). Во второй половине XIX века в Великобритании было создано множество клубов любителей пеших прогулок, которые сообща отстаивали интересы пешеходов, организуя, к примеру, движение больших групп по старинным тропам, проложенным по частным территориям, пресечь которое не могли ни егери, ни полиция из-за своей малочисленности. Если частная собственность разъединяла британские земли, то пешеходные тропы соединяли

их, а незаконное массовое проникновение пешеходов на имеющих хозяев территории было актом гражданского неповиновения («борьба за доступ») и политическим жестом («социалистический образ жизни»). Результатом этой многолетней борьбы стало принятие в 1949 году Парламентом Соединенного Королевства *закона о национальных парках и доступе к сельской местности*, согласно которому каждый совет графства был обязан нанести на карту все полосы пропускания в пределах своей юрисдикции, и как только эти пути были картографированы, они считались окончательными. Сегодня в Великобритании официально утвержден ряд пешеходных маршрутов, что позволяет желающим беспрепятственно путешествовать по стране, пересекая ее по самым живописным местам от края до края.

Если в Великобритании почти девяносто процентов территории уже несколько столетий находятся в частной собственности, то в США, которые больше по площади почти в тридцать девять раз, во второй половине XIX века значительная часть земель принадлежала государству, что делало проблему доступа не такой актуальной и породило специфику американского пешеходного движения как тесно связанного с экологической тематикой, а именно борьбой с проникновением бизнеса (железных дорог, рудников, нефтяных скважин, лесозаготовок, кемпингов и т.п.) в дикую природу. Можно сказать, что в США боролись за границы, а в Великобритании – против них. Одним из первых обратился к экологической проблематике Генри Торо (1817-1862), который считается в США основоположником рекреационного пешеходного туризма (временами он ежедневно ходил по три-пять часов подряд), обосновывавшим необходимость поиска разумного баланса природы и цивилизации. Также Г. Торо известен своей политической активностью: он был сторонником ненасильственного сопротивления современной ему государственной политике США, в частности критикуя ее за отсутствие гуманного отношения к коренным народам Северной Америки и заботы о сохранении ее первозданной природы. Также отметим деятельность *Сьерра-клуба* – организации любителей прогулок по горной местности, основанной в 1892 году в Сан-Франциско. Целью клуба, помимо совместных походов, была защита имеющихся и создание новых национальных парков, его миссия сформулирована следующим образом: «Исследовать, наслаждаться и защищать дикие места земли; практиковать и продвигать ответственное использование экосистем и ресурсов земли; обучать и привлекать человечество к защите и восстановлению качества природной среды и среды обитания человека; использовать все законные средства для достижения этих целей» [Mission Statement. URL: <https://www.sierraclub.org/about-sierra-club> (дата обращения: 04.06.2024)]. Основатели Сьерра-клуба верили, что приобщившись к пешим прогулкам, американцы будут готовы вступить в политическую борьбу за сохранение от промышленных разработок полюбившихся им живописных мест. Это была первая крупная организация по защите окружающей среды в Соединенных Штатах, которая и сегодня остается одной из самых влиятельных, добиваясь значительных успехов в природоохранной деятельности, а также организуя и спонсируя пешие походы в дикую природу с девизом «Делайте только фотографии, оставляйте только следы».

3. Борьба с социальными ограничениями и утверждение гуманистических идеалов.

Новейшая история характеризуется обретением политической субъектности большими социальными группами, «восстанием масс». Нередко их акции имели формы маршей, направленных на отстаивание расовой, социальной и международной справедливости, «такая ходьба является телесной демонстрацией политических или культурных убеждений и одной из наиболее универсально доступных форм общественного самовыражения» [11, р. 255]. В качестве примеров приведем подготовленный и возглавленный М. Ганди Соляной поход 1930 г. в Индии, направленный против

колониальной политики Великобритании; организованный с участием Мартина Лютера Кинга «Марш на Вашингтон за рабочие места и свободу» (1963 г.), результатами которого было принятие законов, запрещавших сегрегацию в общественных местах и гарантирующих равные права на выборах для афроамериканцев; многочисленные студенческие акции: после массовых волнений в мае 1968 года во Франции «по всей Америке и Западной Европе студенты, которые по-прежнему ходят пешком чаще, чем большинство групп общества, начали проводить шествия и требовать изменений в университетской политике» [22, р. 265]. Даже кампании по пропаганде оздоровительной ходьбы босиком приобретали политическую окраску, поскольку свидетельствовали о стремлении к более естественной жизни, свободной от бетона, металла и стекла, а также спешки и давки городской жизни. В форме массового пешеходства осуществляются благотворительные акции: «Марш десятицентовиков» (США) (поддержание здоровья матерей и детей); марш «Вместе против рака груди» (Россия), «Марш жизни» (против абортов, Россия), «Марш монстров» (помощь детям, больных раком и лейкемией, Великобритания) и многие другие.

Помимо массовых акций, существует и индивидуальное пешеходство с социально-политическими целями. Всемирную известность получили ходоки-одиночки, преодолевающие тысячи километров для привлечения внимания к общественным проблемам. Так, Дорис «Грэнни Ди» Хэдлок (1910-2010) в возрасте от 88 до 90 лет прошла более 5000 км по США с требованием изменения правил финансирования американских предвыборных кампаний; Фиона Кэмбелл (род. в 1967 г.) в возрасте от 16 до 28 лет преодолела пешком около 32 000 км, собирая деньги на благотворительность; Милдред Лизетт Норман (1908-1981), представлявшаяся всюду как «Пилигрим мира», прошла более 40 000 км по США, Канаде и Мексике в течение 28 лет, агитируя за «всемирное разоружение» и мирное решение международных проблем. Нет сомнений в том, что эти женщины приспособили религиозную форму ходьбы – паломничество – к решению политических задач, подвигом своих страданий обращая внимание общества (а не только Бога) на необходимость перемен.

Обращаясь к **бегу**, отметим, что политическое измерение его бытия обеспечили такие свойства беговой локомоции (в сравнении с ходьбой), как более выраженные энергозатратность (свидетельствующая о значительном физическом потенциале бегуна), скорость (как выражение *пределности* бипедального движения, роднящей человека с богами), игровое начало и заметность бегущего.

В Древнем мире проводились особые беговые соревнования, победитель которых получал (или сохранял) статус правителя. Так, согласно мифу, состязались в беге с целью занять трон сыновья Эндилиона; на празднике Кущей в Иерусалиме победитель в беге становился новым царем-жрецом [23]; Дж. Дж. Фрэзер пишет, что «Ливийцы Алитемния награждали царством быстрейшего бегуна» [24, с. 214], также он приводит сведения об обряде «бегство царя», который проводился в Риме до времен Империи: «Царь становился на старт, он бежал, а за ним бежали его соперники; если его настигали, он должен был уступить корону, а возможно, и отдать жизнь самому быстроногому из них» [24, с. 214-215]; аналогичное испытание ожидало фараона после тридцати лет правления на древнеегипетском празднике «Хеб-сед». Таким образом, именно победой в беговом испытании правитель доказывал подданным свою силу и выносливость, от которых зависели не только военные победы, но и успешность совершения ритуалов, обеспечивающих благоденствие народа.

В греческой Античности победа в олимпийском беге как форме уподобления

быстробегающим богам открывала дорогу к власти, поскольку, как считалось, атлет не мог победить без сверхъестественной помощи, а оказанная богами милость распространялась как на род, так и на полис олимпионика, становящегося после победы главной ценностью и знаменитостью города.

Своеобразную политическую окраску бег получил в карнавалах Средних веков и Возрождения, связанных с временной десакрализацией власти, когда в период карнавальных праздников «правителями» городов становились разного рода трикстеры, а сам карнавал был воплощением освобождающей от всяких условностей смеховой культуры. Латентное игровое начало бега было востребовано для преодоления угрюмой серьезности повседневности, в которой бегать по городу было неприлично, поэтому карнавальные беговые состязания были направлены исключительно на увеселение публики, и чем более нелепым был бег, тем больше интереса и удовольствия он вызывал. Поэтому практиковался бег обнаженных проституток, бег нищих, карликов, толстяков, калек, по городским улицам бежали в мешках, с кувшинами воды, на ходулях, с сидящими на плечах старушками и т.п. [25]. Третируемые во все остальное время нищеброды становились героями карнавальных дней, а их соединенный с буффонадой бег – акцией утверждения своей общественной значимости, хотя бы и пародийно-временной. И сегодня на престижных массовых марафонах можно увидеть людей, бегущих в карнавальных костюмах, в том числе представляющих в комическом виде политических и прочих лидеров общественного мнения – это яркое проявление культурной преемственности беговых практик.

Рассматривая армию как инструмент политики, отметим, что в Новое время, в связи с развитием огнестрельного оружия и усиления значимости пехоты, бег становится важным компонентом *военной гимнастики*. Так, генерал-лейтенант А.Д. Бутовский считал, что беговыми упражнениями следует формировать такие качества пехотинцев, как выносливость и скорость, в связи с чем он делит бег на два вида: «бег мерный» и «бег ускоренный». Первый вид предполагал преодоление в сокрушительном строевом значительных расстояний, «когда является необходимость скорее прибыть на известный пункт, важный по своему расположению или угрожаемый неприятелем, когда нужно быстрее миновать дефиле (узкие проходы – С.К.) и т. п.» [26, с. 291]. Второй вид использовался для максимально быстрого передвижения военнослужащих на короткие дистанции врассыпную с целью скорого преодоления обстреливаемого пространства и для штурма вражеских позиций [27].

Политически нагруженным становится бег в рамках международного спорта, особенно возрожденных в конце XIX века Олимпийских игр [28]. Сенсационно победивший в марафонском забеге первой Олимпиады 1896 г. греческий водовоз Спиридон Луис своим успехом стремился показать всему миру силу духа независимой Греции, сумевшей освободиться от владычества Османской империи и возрождающей Олимпиады как одно из величайших созданий эллинской культуры, обретающее мировое значение. Благодаря победам олимпийских чемпионов-стайеров П. Нури, Х. Колехмайнена, В. Ритолы, Л. Вирена «Финляндия стала первой страной, сделавшей бег символом своего национального самосознания, бег помог ей ощутить себя самостоятельным народом в эпоху спортивного соперничества различных наций, начавшуюся с возрождением Олимпийских игр. Позднее ее примеру последовали другие страны [25, с. 250]». Абебе Бикила – победитель марафона в олимпийском Риме 1960 г., а затем и в Токио 1964 г., первый чернокожий олимпийский чемпион из африканской страны, к тому же выигравший забег в бывшей метрополии босиком и опровергнувший множество

расистских мифов, по его завершении сказал: «Я хотел, чтобы во всем мире узнали, что моя страна, Эфиопия, всегда побеждала благодаря решительности и героизму» [\[29, с. 308\]](#).

Бег использовался государствами и с *внутренними* агитационными целями. Например, в СССР физическое воспитание стало частью культурного строительства. С помощью беговых упражнений и соревнований у советской молодежи формировались волевые качества и коллективизм (эстафетный бег, беговые соревнования между предприятиями, школами, районами и т.п.), бег был сферой проявления женской эмансипации (например, соревнования бегуний в шести видах на I первенстве РСФСР по легкой атлетике в 1922 г., что было очень прогрессивно для своего времени) и равноправия (смешанные эстафеты). Важно вспомнить и о часто осуществлявшихся агитпробегах, посвященных значимым для советского государства событиям и темам. В годы Великой Отечественной войны «самым массовым и впечатляющим физкультурным явлением <...> стали легкоатлетические пробеги по стране. По сообщению средств массовой информации, в 1942 году во всесоюзном забеге участвовали пять с половиной миллионов человек. На следующий год их число возросло до девяти миллионов. В 1944 году кроссы приобрели особую значимость: многие из них проходили на тех территориях, которые еще недавно были оккупированы» [\[30, с. 189\]](#).

Так же, как и пешеходство, беговые практики внесли большой вклад в преодоление социальных ограничений и утверждение гуманистических идеалов. Ярче всего это проявляется в массовых городских пробегах, наподобие ежегодно проводимых марафонах-мейджорах в Токио, Бостоне, Лондоне, Берлине, Чикаго и Нью-Йорке. Во-первых, отметим завоеванное бегунами и демонстрирующее привлекательность их идейного посыла «право на город»; далее укажем на участие в общих с мужчинами стайерских забегах женщин, за что они боролись многие годы; отметим участие в забегах инвалидов-колясочников, а также огромное число бегунов, которые рекламируют благотворительные фонды. Вот что пишет Н. Сурков о двадцать первом лондонском марафоне: «На майках можно было увидеть призывы поддержать фонды борьбы с раком, помочи ветеранам недавних войн, детям, бездомным животным и т.д. Самый яркий пример – 30-летняя Клэр Сквайрс, которая хотела собрать средства для кризисного центра в ее родном Лейсетешире. После марафона она получила 400 тыс. фунтов пожертвований, хоть и не завершила дистанцию. Клэр умерла, не добежав милю до финиша» [Сурков Н. Радости и печали Лондонского марафона // URL: https://www.ng.ru/style/2012-04-27/16_style.html (дата обращения: 08.05.2024)].

Множество примеров политической значимости деятельности бегунов-спортсменов приводит Дж. Бэйл [\[3\]](#), выделяя среди них проявления *трансгрессии* (как демонстративное противостояние неприемлемым «социальным сущностям» наподобие расизма или допинга) и *сопротивления* (выход за границы представлений о «нормальном», например участие в марафоне бегуны-мусульманки, одежда которой (спортивные трусы и топ) явно не соответствует традиционным представлениям о приличиях). Британский исследователь показывает, что в некоторых случаях участие в забеге, победа или поражение, уход с дистанции, переход бегуна в другую национальную команду, использование некоторых элементов экипировки и т.п. являются политическими акциями.

Таким образом, ходьба и бег могут быть как индикаторами необходимой для реализации личностного потенциала свободы (свободного времени, пространства и тела), так и средствами достижения благоприятствующего этому политического устройства общества.

Ходьба/бег как спортивные практики: от пешеходного спорта к сверхмарафону

Перевод ходьбы в соревновательную (спортивную) плоскость происходит в XVIII веке, что было одним из проявлений выхода на арену мировой истории прародительницы современного среднего класса – буржуазии, противопоставлявшей себя в телесном обличии как аристократам, так и простолюдинам. Проявлялось это как в одежде и аксессуарах (цилиндр как способ быть выше и держать осанку, а также трость, на которую не опирались при ходьбе), так и в быстрой походке, энергичности в действиях, подтянутости и стройности. Тем самым буржуа отделяли себя от аристократов, перемещавшихся в основном сидя (на лошадях и в каретах, где порой можно было и лежать), небыстро (дабы не терять достоинство и с тростью как опорой) или с чьей-то поддержкой (что понятно, учитывая высоту каблука, а также тяжесть и объемность платьев вельможных дам) и чрезмерно заботящихся об изысканности движений, а также от согбенных от тяжелого труда и перемещающихся с опущенной головой в позе, выражющей покорность, представителей нижних слоев общества. Идеал буржуа – это человек-машина, чье тело надежно (исправно) и эффективно. При этом важно учитывать социальную неоднородность буржуазии, которую принято делить по размеру капитала на крупную, среднюю и мелкую, последняя либо вовсе обходилась без наемных работников, трудясь самостоятельно (мелкие землевладельцы или ремесленники), либо работала наравне с ними, что подчеркивает особую важность физических кондиций для данной группы. В этой связи справедливо отмечается, что «современная спортивная деятельность укоренена в аскетической установке буржуа на необходимость преодоления тягот жизни и достижения успеха в поставленной цели. Такая установка обязательным образом включает в себя следование определенным правилам умеренности и диетической строгости, умение превозмогать боль и быть готовым тратить значительные физические и духовные силы на развитие своего тела» [\[21, с. 197\]](#). Становится понятно, что на первый план из всех спортивно востребованных физических качеств буржуа выходит выносливость – именно она включает в свое семантическое поле упорство в долговременном «преодолении тягот», «превозмогании боли» и «развитии тела». При этом важно подчеркнуть и экзистенциальное измерение выносливости как жизненного навыка, особенно важного для тех, кому приходится рассчитывать только на себя. К. Стидман так описывает состояние одиннадцатилетней девочки, которая далеко и надолго уезжает из своей семьи, чтобы работать в качестве прислуги: «Она плакала, оттого что слезы дешевы; а потом остановилась и смирилась, потому что никто ничего тебе не подарит в этом мире. То, что было дано ей и передалось всем нам – мощная и ужасная выносливость, саморазрушительное сопротивление тех, кто делает все, что в их силах, с тем, что уготовит им жизнь» [\[31, р. 31\]](#).

Способом демонстрации выносливости в спортивном контексте стали соревнования пешеходов – первоначально выходцев из среднего класса, которые со второй половины восемнадцатого века и практически все девятнадцатое столетие демонстрировали выдающиеся проявления этой способности. Первым широко прославившимся пешеходом-спортсменом стал Роберт Барклай Аллардис (1779-1854), более известный как капитан Барклай, который в 1809 году, проживая в Ньюмаркете (графство Саффолк, Англия), заключил пари на 1000 гиней, что он сможет пройти 1000 миль за 1000 часов. «Расположение, состояние и конструкция полуторальной трассы были тщательно продуманы: Барклай и его команда позаботились о том, чтобы трава была короткой, трасса гладкой и ровной, а газовые фонари были установлены для освещения дорожки как для участников, так и для зрителей. Однако не все зрители хотели видеть этот подвиг завершенным, и в Барклай несколько раз стреляли, вынуждая его преодолевать

оставшуюся дистанцию с телохранителем-боксером и пистолетом» [\[32, р. 226\]](#). Информация об этой «прогулке» попала в прессу и вызвала небывалый ажиотаж, особенно в последние дни ходьбы капитана Барклая, когда стало понятно, что он выиграет пари. Посмотреть на то, как он пройдет последние мили, приехали десятки тысяч людей: «...в Ньюмаркете царила атмосфера карнавала. <...> За последние несколько ночей те, кто добрался туда, заняли все свободные койки в Ньюмаркете, Кембридже или любом другом городе или деревне поблизости. <...> Все говорили себе, и не без оснований, что подобного случая раньше никогда не было» [\[33, р. 5\]](#). Впечатляющий успех капитана Барклая, в честь которого звонили церковные колокола Ньюмаркета, и значительность выигранной им суммы (по слухам, с учетом процентов от ставок, он получил около 16 000 гиней [\[33\]](#)) при кажущейся простоте действий («спи меньше – ходи больше») вызвали много подражателей, эпидемия пешеходных соревнований на открытой местности быстро охватила Англию и США, даже дети устраивали такие гонки на небольшие дистанции. Это в конце концов привело к тому, что «как бы странно это ни звучало, в 1870-х и 1880-х годах самым популярным видом спорта в Америке были не бейсбол, бокс или скачки – это была спортивная ходьба» [\[34, р. 2\]](#). Ее самым зрелищным видом были круглосуточные шестидневные гонки, длившиеся с понедельника по субботу (воскресный день – Богу!) и проводившиеся в больших крытых павильонах (выставочные центры, роликовые катки, ангары и т.п.) с освещением, оркестром и буфетом, билет на посещение которых стоил 25-50 центов и давал возможность зрителям шесть дней иметь крышу над головой, а также смотреть соревнования поздно вечером после работы (при этом билет на двухчасовое театральное представление в Чикаго стоил доллар). Пешеходы-стайеры ставили палатки в центре круга для ходьбы и были вольны отдыхать в них любое время, но, естественно, побеждал тот, кто мог шесть дней больше других двигаться по дистанции, обходясь минимумом сна, при этом заранее определялось расстояние, только после преодоления которого спортсмены могли рассчитывать на вознаграждение. Гроссмейстерским результатом для мужчин считалось прохождение 500 миль и более, что означало пребывание в движении не менее 19-20 часов в сутки. Преимущество получали спортсмены с *полифазным* сном, которые были способны в течение суток засыпать многократно, но на непродолжительное время. При этом подавляющее большинство людей спят однофазно (один раз в сутки) или двухфазно (ночью и днем), для них многодневные круглосуточные соревнования были крайне тяжелы и к их концу многие пешеходы превращались в «живых мертвецов», которые едва передвигали ноги, постоянно спотыкались, падали, двигаясь через боль, обезвоживание, судороги и в измененных состояниях сознания: галлюцинации, туннельное зрение, нарушенная координация и т.п. Именно эта стадия соревнований была наиболее привлекательной для публики, особенно когда конкурировали за огромные по тем временам призовые деньги примерно равные по силам пешеходы. Зрители ждали конвульсий, обмороков, психических срывов, гримас боли и, может быть, даже смерти атлетов. Все это несколько напоминало ярманные шоу калек и уродов, незатейливую публику развлекали страдания пешеходов. «Тренеры пешеходов часто вызывали особое презрение. Тренеры менее опытных пешеходов были, как правило, никем иным, как подручными, нанятыми игроками (зрителями, сделавшими ставки – С.К.), чтобы удерживать своих подопечных на трассе любыми средствами» [\[34, р. 165\]](#). Спортсмены, конечно же, искали различные способы для поддержания своего организма, напряженно тренируясь перед соревнованиями, а в их процессе используя массаж и секретные диеты, порой включающие в себя небольшие дозы алкоголя, много чая и кофе, периодически жуя листья табака и даже коки. Пытаясь найти «возвышенное» объяснение зрительского ажиотажа, газета «Нью-Йорк Геральд» писала: «Несмотря на общее интеллектуальное

развитие человечества и религиозную идею о том, что физический человек – жалкий мусор, в человечестве скрыто непреодолимое сочувствие к любому, кто совершает необычные физические подвиги, особенно если они таковы, что подразумевают терпеливую, самоотверженную тренировку организма до предела его возможностей» [34, [р. 117](#)].

Расцвет спортивного пешеходства совпал со временем «изобретения наций», что придавало соревнованиям особый колорит: ирландец Дэн О'Лири, побеждая англичан в Лондоне, пользовался огромной поддержкой соотечественников, которые усматривали в его достижениях отмщение своим угнетателям; сложные политические отношения сказывались и на противостоянии пешеходов из Великобритании и США. Эта национально-политическая подоплека, с одной стороны, обеспечивала невиданный доселе интерес к спортивным состязаниям, а с другой – свидетельствовала об интернационализации доолимпийского спорта. Также отметим такую важную особенность спортивного пешеходства, как его демократизацию. Во второй половине XIX века участниками соревнований все чаще становились выходцы из рабочего класса, которые «были готовы доводить себя до крайности в погоне за славой и богатством» [34, [р. 80](#)]; специальные состязания проводились для женщин, ставших пионерами борьбы за женские права, учитывая крайне подозрительное отношение общества к одиноко гуляющим дамам и его полную растерянность от осознания того факта, что представительницы слабого пола начали участвовать в спортивных состязаниях на выносливость. Особенно прославилась Ада Андерсон, которая зимой 1878/79 года объявила о своем желании преодолеть 2700 четвертей мили за 2700 последовательных четвертей часа, то есть в течение двадцати восьми с лишним дней, в течение которых она могла спать или отдыхать бодрствуя не более десяти минут подряд. Ее выступление запомнились публике постоянными сменами нарядов и эстрадными номерами: во время ходьбы она пела, декламировала и разыгрывала публику, например наносила черную грим-краску на лица спящих зрителей. При представлении миссис Андерсон публике, где девиц и дам было намного больше обычного, конферансье объявил, что она «взялась за эту задачу не столько ради денежного вознаграждения, сколько для укрепления физического здоровья и поощрения женщин и детей заниматься полезными физическими упражнениями» [34, [р. 97](#)]. Скандалными особенностями выступления Ады Андерсон были ее довольно открытая одежда (ноги были видны до колена!) и то, что она не прерывала свою ходьбу в воскресные дни, которые считались категорически неприемлемыми как для увеселительных мероприятий, так и для работы, в связи с чем религиозные организации, большинство членов которых составляли женщины, требовали от властей запрета этого мероприятия. После успешного завершения своего выступления, цена на посещение которого к его концу выросла с двадцати пяти центов до двух долларов за лучшие места, Ада Андерсон обратилась к американским женщинам с предложением больше ходить пешком, в том числе, едко добавила она, и по воскресеньям, своими ногами добираясь до церкви. Также в США проводились шестидневные женские гонки, где было требование носить платья «в полный рост», и участие в которых принимали в основном бедные иммигрантки. Конечно, они не были натренированы, как мужчины, для таких тяжелых соревнований, поскольку прогуливающиеся в одиночестве дамы вызывали обоснованное подозрение в занятиях проституцией, поэтому очень быстро приходили в состояние крайней усталости и выглядели очень жалко: для того, чтобы преодолеть расстояние, после достижения которого выплачивались призовые, они должны были с каждым днем отдыхать все меньше и меньше на фоне полного истощения. «Посещаемость была хорошей – в некоторые дни достигала восьми тысяч, – но, казалось, изрядное количество зрителей пришло не подбодрить женщин, а поиздеваться

над ними» [34, р.103]. Освещавшая эти соревнования пресса негодовала, полагая происходящее публичным унижением женского достоинства, наносящим непоправимый ущерб здоровью участниц, поскольку, как было принято думать, женская физиология и длительные физические нагрузки в принципе несовместимы, и сравнивая состязания с пытками, сопровождающимися неприличными комментариями и глумлением над несчастными пешеходками. Позиция прессы была поддержана женскими общественными организациями, консервативными политиками, религиозными деятелями и врачебным сообществом. В результате таким образом сформированного общественного мнения женский спорт на выносливость был дискредитирован почти на сто лет, поскольку первый олимпийский марафон женщины смогли пробежать только в 1984 году. При этом важно отметить, что Ада Андерсон в 1878 году прошла 1500 миль за тысячу часов, значительно превзойдя казавшийся фантастическим результат капитана Барклая, а победительница одной из шестидневных гонок немецкая иммигрантка Берта фон Берг преодолела 372 мили в традиционном женском платье до пола. Эти достижения, недоступные практически всем издававшимся над дамами-пешеходками мужчинам, конечно же, опровергали сексистские представления о «неполноценности» женщин в спорте на выносливость, а современный опыт показывает, что чем длиннее дистанция ходьбы или бега, тем меньше гендерный разрыв в результатах, при этом «на дистанциях свыше 195 миль женщины на 0,6% быстрее мужчин» [Ronto P. The State of Ultra Running 2020 [электронный ресурс]. URL: <https://runrepeat.com/state-of-ultra-running> (дата обращения 18.06. 2024)].

Продолжая описание демократизации пешеходства, следует отметить выдающиеся достижения чернокожего Фреда Хичборна, выступавший под псевдонимом Фрэнк Харт, иммигрировавшего в США из Гаити и работавшего продавцом в магазине Бостона. После одного из его выступлений газета Brooklyn Daily Eagle признала, «что в черной коже или густых волосах нет ничего несовместимого с силой духа» [34, р. 158]. Многократно участвуя в соревнованиях пешеходов, он постоянно сталкивался с расистскими выходками соперников и зрителей: на старте дистанции белые участники отказывались пожимать ему руку; он постоянно слышал оскорблений в свой адрес от публики, ему бросали молотый перец в глаза и пытались отравить. Но несмотря на все эти злоключения, в апреле 1880 года Фрэнк Харт выиграл гонку с мировым рекордом, пройдя за шесть дней 565 миль, заработав по сегодняшнему курсу около полумиллиона долларов и став самым знаменитым спортсменом в США и первым в истории чернокожим, официально признанным чемпионом мира. Его достижения также опровергали миф о том, что негроиды не способны на равных состязаться с представителями европеоидной расы на стайерских дистанциях, поскольку афроамериканцы не имеют необходимой для этого силы воли и им не достает ума овладеть методиками научной подготовки к соревнованиям и правильно распределить свои силы. Современные результаты кенийских и эфиопских стайеров, которые уже много лет значительно превосходят достижения европейских бегунов, окончательно внесли ясность в понимание способностей к спорту на выносливость афроамериканцев.

Таким образом, соревновательное пешеходство стало важной вехой в развитии спорта, предоставляя возможность проявить свои способности людям разных социальных, гендерных и этнических групп, достижения представителей которых развенчивали большое количество предрассудков, связанных с «обоснованием» их неполноценности.

Упадок пешеходного спорта в конце XIX века был обусловлен комплексом причин, среди которых в первую очередь следует указать на нередкое мошенничество спортсменов, организаторов гонок и букмекерских контор, которые устраивали «договорные матчи» и

не чурались откровенно подлых приемов для достижения своих целей, при этом единого центра управления пешеходными соревнованиями, который мог бы контролировать этот процесс, ни в США, ни в Великобритании не существовало – это была арена высококонкурентной борьбы не отягченных этическими представлениями спортивных промоутеров. Нередки были и бесчинства публики, подогреваемой азартными играми и алкоголем, в изобилии продающемся в местах проведения соревнований. Также росла убежденность в том, что пешеходство – это вид спорта, в котором главную роль играют не тренировки и сила духа, а *врожденная способность к полифазному сну*; увеличивающееся количество «цветных» победителей из «нецивилизованных» народов, покоренных империями, актуализировало идею поиска достоинства человека не в физических (т.е. «животных») кондициях, а в высококультурных проявлениях интеллекта и духовного творчества. Сокращение рабочего дня высвободило дополнительное *свободное время*, которого наемным работникам теперь хватало не только для вечерно-ночного полусонного созерцания спортивных мероприятий, но и для личного участия в них – и тут вне конкуренции были полуторачасовой футбольный матч или в среднем трехчасовая игра в бейсбол, которые дарили много эмоций и азарта, но не требовали столько времени и подготовки как пешеходные соревнования. Общины католиков и протестантов полагали пешеходные соревнования неприемлемыми для христиан не только потому, что они иногда проходили в день Господний и разжигали греховные страсти, но и из-за их чрезмерности, пустой расточительности физических и духовных сил, «нарушения законов здоровья и природы». Возрожденные П. де Кубертеном в 1896 году всемирные Олимпиады отсекли печально известных своей моральной нечистоплотностью профессиональных спортсменов от самых статусных соревнований и тем самым подняли престиж любительского спорта, обеспечив именно к нему общественное внимание, при этом олимпийские дистанции спортивной ходьбы не превышали 10 миль на Играх 1908 года и 10 километров – до 1932 года. Также интерес публики переключился на появившиеся в последней четверти XIX века *мюзиклы*, соревнования *велосипедистов*, а чуть позже – и *автогонки*, в которых дождаться драматической развязки (например, «гибели» героя, завала велосипедистов или столкновения и переворота автомобилей) можно было гораздо быстрее, чем в состязаниях пешеходов. Все это в итоге привело к тому, что в Нью-Йорке – мировом центре пешеходных гонок – в 1899 году шестидневные круглосуточные соревнования были запрещены, что и стало завершением эпохи коммерческих пешеходных состязаний, которые, несмотря на их возобновление в восьмидесятых годах прошлого века, больше никогда не были столь популярными.

Исследуя культурную преемственность стайерского бега и пешеходных соревнований, следует оттолкнуться от того, что английское слово «пешеходство» (*pedestrianism*) в рассматриваемый период применялось к любому виду пешего движения, включая и бег. Пешеходы второй половины XVIII – начала XIX века, которые заключали пари на передвижение на открытой местности, вольны были двигаться так, как они пожелают. При этом, как отмечается в литературе [32, 33, 35], иногда бегали только некоторые из них, поскольку считалось, что на больших дистанциях быстрая ходьба намного эффективнее бега. В частности, о капитане Барклэе писали так: «В основном он шел пешком, но переходил на легкий бег каждый раз, когда добирался до одного из участков, слегка поднимающихся в гору» [35, р. 70]. После того, как соревнования были перенесены в крытые помещения, запрет бега был важнейшим их условием, которое, впрочем, продержалось недолго. Дело в том, что быстрая ходьба и медленный бег порой трудноразличимы, даже сегодня спортивная ходьба – единственный вид легкой атлетики с *субъективным судейством* (обычно на дистанции 6-9 судей). Рассматривая, к примеру,

какой-либо эпизод олимпийских соревнований по спортивной ходьбе, несколько судей могут полагать, что спортсмен шел по правилам, а остальные убеждены, что участник временами переходил на бег и его следует дисквалифицировать. При этом мы ведем речь о современных мастерах спортивной ходьбы, которые в совершенстве освоили этот вид локомоции, и о судьях высшей квалификации. В XIX веке, когда на шестидневных гонках разыгрывались баснословные деньги, а единых правил и профессиональных судей спортивной ходьбы не существовало, такие споры нередко заканчивались драками, а иногда и стрельбой. Поэтому довольно быстро способ передвижения на пешеходных соревнованиях (особенно в США) был обозначен как «*go as you please*» (двигайся, как хочешь): пешим образом, бегом, прыжками, ползком, кувырками и т.п. После того, как это правило было принято, выиграть шестидневную гонку без периодического бега стало невозможно, поэтому побежали даже убежденные ходоки, культивировавшие аристократические манеры (изящная одежда, хлыст или трость в руках, галантное обхождение) и ранее с презрением относившиеся к бегу как забаве простонародья. При этом «некоторые из них пробегали десятимильную дистанцию с меньшим напряжением, чем человек, проходящий четыре мили в час» [34, р. 138].

Таким образом, можно констатировать, что модные сегодня ультрамарафонские забеги своим источником имеют шестидневные соревнования «*go as you please*», однако дух современных соревнований сверхмарафонцев совершенно иной. Пробегаемые ими дистанции не относятся к олимпийским и поэтому не имеют соответствующей коммерческой составляющей, в силу чего интересны в основном любителям бега среднего возраста, которые участвуют в них за свой счет, зарабатывая лишь памятные медали финишеров. Эти любители чаще всего относятся к *среднему классу*, в системе ценностей которого укоренилось удовольствие от дисциплинированного тела, здоровье стало сферой индивидуальной ответственности, а успех понимается как расширение своих возможностей. Свою роль сыграл и *Zeitgeist*: размытые границы морали общества постmodерна заставляют искать *пределности* в физических состояниях, а моральной чистоты – в аскетических (в нашем контексте – долговременных тренировочных) практиках. Также отметим, что сверхдлинные забеги почти всегда проводятся на открытой местности, в живописных местах, поэтому сегодня «ультрамарафон – не страдание ради страдания; атлеты страдают в природной среде, которая почти гарантированно вызывает трансцендентальный опыт, <...> приходящий в моменты полного изнурения, [который] служит подтверждением того, что вспышки чистой радости могут неожиданно осветить наше существование, даже когда оно кажется беспросветным» [36, с. 205-206]. Здесь возвышенное в природе резонирует с возвышенным в человеке и происходит своего рода «священное» (в отличие от религиозного) переживание единства с миром, а также «символическая игра со смертью», в которой спортсмен почти всегда становится победителем [37]. Порой встречается и проверка своих сил в борьбе со сном: американский сверхмарафонец и один из представителей формирующейся философии бега [38] Дин Карнасис в 2005 году смог, все время бодрствуя, преодолеть бегом 350 миль за 80 часов и 44 минуты. В экзистенциальном аспекте ультрабег приводит к переоценке восприятия боли и страданий: именно на базе долговременного сопротивления их воздействию осуществляется личностный рост, обретается психологическая устойчивость («символическая опора») и происходит понимание того, что отчаяние никогда не должно затмевать надежду.

Выводы

1. В аспекте личностного развития фиксируется наиболее глубокая конкретизация понятия «гуманистический потенциал ходьбы/бега», достигаемая на основе

исследования особого рода опыта, открывающегося человеку посредством длительного циклического телесного напряжения и не доступного «чистому», «внегородскому» сознанию. Специально организованная в рамках религиозных практик ходьба способна порождать медитативные состояния; паломничеству присущи лиминальные переживания; романтическая традиция акцентирует внимание на обретении возвышенных настроений; ходьба активизирует творческие способности. Систематический длительный бег, согласно Дж. Шихану и Т. Коски, открывает личности пути к особым элементам опыта, приносящим в нашу жизнь умиротворение, посредством которого мы можем расслышать обращенный к нам и интуитивно воспринимаемый «зов совести», направляющий Dasein на собственный путь жизни.

2. Политическое содержания ходьбы раскрывается на основе выделения Р. Солнит трех предпосылок пешеходного движения: борьбы за свободное время, за доступ к территориям для прогулок и за свободу перемещения. Политическое измерение беговых практик обеспечили такие свойства беговой локомоции (в сравнении с ходьбой), как более выраженные энергозатратность и скорость (свидетельствующие о значительном физическом потенциале лидера, способного к продолжительному и скромному бегу), игровое начало и заметность бегущего. Таким образом, ходьба и бег могут быть как индикаторами необходимой для реализации личностного потенциала свободы, так и средствами достижения благоприятствующего этому политического устройства общества.

3. Спортивное измерение ходьба приобретает в конце XVIII века, когда становятся популярными денежные пари на пешее преодоление открытых дистанций за определенное время, демонстрирующие выдающуюся выносливость представителей выходящей на арену мировой истории буржуазии. Следующий этап развития спортивного пешеходства связан с проведением круглосуточных шестидневных гонок в крытых помещениях, которые сначала проводились по правилам спортивной ходьбы, а затем – в соответствии с принципом «двигайся, как хочешь», что стало предпосылкой развития сверхмарафонского бега. В культуре современности увлеченность преодолением такого рода дистанций становится частью новой культуры потребления, ориентированной на приздание уникальности собственному жизненному проекту в основном представителями среднего класса, в системе ценностей которого укоренилось удовольствие от дисциплинированного тела, здоровье стало сферой индивидуальной ответственности, а успех понимается перфекционистски – как достижение новых ступеней совершенства и расширение своих возможностей.

4. Обращаясь к гуманистическому потенциалу ходьбы и бега, транслирующемуся посредством их культурной преемственности, укажем на онтологическую связь этих видов локомоции: бег возникает на основе ходьбы, но качественно отличается от нее «фазой полета», учет которой значим, например, при проведении соревнований по спортивной ходьбе; гносеологическую связь: осмысление биомеханики ходьбы и порождаемых ее терапевтических эффектов является предпосылкой к пониманию своеобразия здоровьесберегающего потенциала беговых упражнений; праксеологическую связь, которая позволяет рассматривать ходьбу и бег как виды деятельности, преобразующие духовно-психологическую сферу личности и социальную реальность (например, достижение с их помощью медитативных состояний или марши/пробеги с политическими целями).

5. Историко-культурный процесс преемственности различных целевых разновидностей ходьбы и бега имеет вектор движения ко все большему достижению человеком телесно-духовного совершенства и расширению сфер свободы личности, в чем усматривается

гуманистический потенциал этих видов локомоции.

Библиография

1. Ingold T. *The Perception of the Environment. Essays on livelihood, dwelling and skill.* London: Routledge, 2000.
2. Мосс М. Общества. Обмен. Личность. Труды по социальной антропологии. М.: КДУ, 2011.
3. Bale J. *Running cultures: racing in time and space.* London: Routledge, 2003.
4. Мамардашвили М. Картезианские размышления. М.: Издательская группа «Прогресс»; «Культура», 1993.
5. Мерло-Понти М. Феноменология восприятия. СПб.: Ювента: Наука, 1999.
6. Визитей Н.Н. Теория физической культуры: к корректировке базовых представлений. Философские очерки. М.: Советский спорт, 2009.
7. Ча А., Ньянадхаммо А. Бодхинъяна. Корни всех вещей. М.: ИП Солдатов А. В., 2009.
8. Stevens J. *The marathon monks of mount Hiei.* Boston: Shambhala, 1988.
9. Baugh B. *Philosophers' walks.* New York: Routledge, 2022. doi: 10.4324/9780429319143-6
10. Фусу Л.И. Концепции лиминальности в научном дискурсе как междисциплинарная проблема // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2017. Том 6. № 3А. С. 240-246.
11. Solnit R. *Wanderlust: a history of walking.* New York: Penguin Books, 2001.
12. Карре Э. Прогулка. Самый простой источник радости и смысла. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2021.
13. Бернштейн Н. А. Биомеханика и физиология движений. М.: Издательство «Институт практической психологии», Воронеж: НПО «МОДЭК», 1997.
14. Канныкин С.В. Специфические беговые практики некоторых регионов Востока: опыт философского анализа // Культура и искусство. 2021. № 10. С. 33-46. DOI: 10.7256/2454-0625.2021.10.34933 URL: https://e-notabene.ru/camag/article_34933.html
15. Творения Тертуллиана, христианского писателя в конце второго и в начале третьего века в четырех частях. СПБ: Издание Кораблева и Сирякова, 1849.
16. Joslyn R. D. *Running the spiritual path. A runner's guide to breathing, meditating, and exploring the prayerful dimension of the sport.* New York: St. Martin's Press, 2003.
17. Murphy M., White R.A. *In the Zone: Transcendent Experience in Sports.* London: Penguin, 1995.
18. Sheehan G. *Running & being: the total experience.* Rodale Books, 2013. URL: <https://library.lol/main/5B42BBAEAEBCA5CA62A20C72392694A> (дата обращения: 27. 06. 2024).
19. Koski T. *The phenomenology and the philosophy of running. The multiple dimensions of long-distance running.* Springer Cham, 2015. doi 10.1007/978-3-319-15597-5
20. Rowlands M. *Running with the pack. Thoughts from the road on meaning and mortality.* New York, London: Pegasus Books, 2013.
21. Алкемейер Т. Стойкие и упругие: политическая история физической культуры // Логос. 2009. 6 (73). С. 194-213.
22. Amato J. A. *On Foot: a history of walking.* New York: University Press, 2004.
23. Канныкин С.В. Бег в мифе // Культура и искусство. 2021. № 3. С. 10-22. DOI: 10.7256/2454-0625.2021.3.32927 URL: https://e-notabene.ru/camag/article_32927.html
24. Фрэзер Дж. Дж. Золотая ветвь: Исследование магии и религии: В 2 т. Т. 1. М.: ТЕРРА-Книжный клуб, 2001.
25. Гутос Т. История бега. М.: Текст, 2011.
26. Бутовский А. Д. Собрание сочинений: в 4 т. Т. 3. Киев: Олимпийская литература,

2009.

27. Канныкин С.В. Бег как средство обучения и воспитания в теоретическом наследии и в педагогических практиках выдающихся российских исследователей физической культуры второй половины XIX – начала XX века // Педагогика и просвещение. 2023. № 4. С.186-204. DOI: 10.7256/2454-0676.2023.4.39193 EDN: JAXLDZ URL: https://e-notabene.ru/ppmag/article_39193.html
28. Канныкин С.В. Олимпийский бег на выносливость и дух атлетизма // Социодинамика. 2021. № 6. С. 67-80. DOI: 10.25136/2409-7144.2021.6.33234 URL: https://e-notabene.ru/pr/article_33234.html
29. Германов Г. Н. Олимпийское образование в 3 т. Том 1. Игры олимпиад. – М.: Издательство Юрайт, 2018.
30. O'Mахоуни М. Спорт в СССР: физическая культура – визуальная культура. М.: Новое литературное обозрение, 2010.
31. Steedman C. Landscape for a good woman: a story of two lives. New Brunswick, N.J.: Rutgers University Press, 1987.
32. Oldfield S.-J. Running Pedestrianism in Victorian Manchester // Sport in History. 2014. № 34:2. Pp. 223-248. doi: 10.1080/17460263.2014.924668
33. Radford P. The celebrated Captain Barclay: sport, money, and fame in regency Britain. London: Headline, 2001.
34. Algeo M. Pedestrianism: when watching people walk was America's favorite spectator sport. Chicago, IL, USA: Chicago Review Press, Incorporated, 2014.
35. Nicholson G. The lost art of walking: the history, science, philosophy and literature of pedestrianism. New York: Riverhead books, 2008.
36. Макгонигал К. Радость движения. Как физическая активность помогает обрести счастье, смысл, уверенность в себе и преодолеть трудности. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2021.
37. Breton D. Playing Symbolically with Death in Extreme Sports // Body & Society. 2000. № 6: 1. Pp.1-11. doi: 10.1177/1357034X00006001001
38. Карназес Д. Бегущий без сна. Откровения ультрамарафонца. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2018.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования статьи «Пешеходство и бег: гуманистический потенциал и культурная преемственность. Часть вторая» выступает ходьба и бег в качестве явлений культуры и видов деятельности, с этой установкой автор задается вопросом о том, как они участвуют в формировании некоторых компонентов сознания и как влияют на личностное начало. В самом начале статьи автор напоминает читателю, что предлагаемая его вниманию работа является второй частью исследования гуманистического потенциала и культурной преемственности ходьбы и бега. Перечислив выводы первой части работы, автор указывает, что в предлагаемом продолжении будут рассмотрены гуманистические аспекты спортивной ходьбы и бега для личностного развития, для достижения политических целей, а также как спортивных практик.

Методология исследования является сравнительно-описательной. Автор опирается на самые разные исследования, соотносимые с его проблемой, и делает собственные выводы, в том числе из анализа культуры, социума, политики.

Актуальность исследования связана с востребованностью теоретического обоснования

гуманистического потенциала и культурной преемственности циклических двигательных практик ходьба – бег – ходьба, их популяризации.

Научная новизна связана с философским анализом таких элементов культуры как любительский спорт.

Стиль статьи характерен для научных публикаций в области гуманитарных исследований. Структура и содержание полностью соответствуют заявленной теме. Статья, которую автор позиционирует как одолжение работы, начатой в первой части исследования, сама по себе является завешенным, самостоятельны текстом.

Автор начинает работу с философской рефлексии человека, выделяя в нем, вслед за М. К. Мамардашвили, такие составляющие как: плоть – тело – сознание – личность. Предлагая рассматривать эти элементы в динамическом аспекте, автор замечает, что эволюционируя, они приобретают характер деятельности, которая включает в себя как влияние общества на формирующуюся субъекта, так и его собственную активность.

Статья разделена автором на три части. В первой «Ходьба/бег для личностного развития» - на примере практик кинхин и кайхегё буддистов, христианских паломников, новоевропейских сторонников пеших прогулок, рассматривается как при помощи длительной ходьбы порождаются медитативные состояния. Переходя к бегу, автор отмечает, что как форму динамической медитации мы встречаем его в описании кайхегё, а как элемент религиозного опыта - в беговых занятиях «мускулистые христиан». Ссылаясь на Т. Коски, автор делает вывод, что многократная повторяемость однообразного двигательного действия, освобождает сознание бегуна от контроля за локомоцией, «а оптимально подобранная ритмичность бега позволяет погружаться в динамическую медитацию, обеспечивающую выход на высший уровень познания, который Спиноза называл интуитивным».

Во второй части статьи - «Ходьба/бег для достижения политических целей», автор рассматривает различные формы участия беговых практик в политической борьбе, где на одном полюсе присутствуют вольные бродяги, а на другом – синхронно марширующие на парадах группы, демонстрирующие мощь власти. В социально-политическом контексте ходьба, по мнению автора, приобретает черты дисциплинарной практики. Автор показывает как политическую окраску бег получил в карнавалах Средних веков и Возрождения, использовался государствами с внутренними агитационными целями.

В третьей, заключительной части работы, автор дает обзор ходьбы и бега, как спортивных практик: от пешеходного спорта к сверхмарафону, охватывая период от начала 18 века, когда возникли «буржуазные» практики ходьбы, до кризиса этого вида спорта в конце 19 века.

Библиография статьи включает 38 наименований работ преимущественно зарубежных авторов, посвященных рассматриваемой проблеме.

Апелляция к оппонентам активно используется автором. Он в философском аспекте обращается к опыту М. К. Мамардашвили, М. Мерло-Понти, М. Мосса и использует исследования Гутос Т. Алкемейер Т. Макгонигал К. и других авторов для оценки различных аспектов исследуемых практик.

Статья будет интересна широкому кругу читателей. Написанная легким языком, изобилующая примерами, она привлечет внимание как профессиональных исследователей, философов и историков спорта, так и любителей ходьбы и легкого бега.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования в представленной статье является пешеходство и бег в контексте гуманистического потенциала и культурной преемственности.

В качестве методологии предметной области исследования в данной статье были использованы дескриптивный метод, исторический метод, метод категоризации, метод анализа, метод обобщения, метод сравнения.

Актуальность статьи не вызывает сомнения, поскольку ходьба и бег становятся для современного человека не только в качестве особых спортивных практик и своеобразным маркером личностного развития, но в отдельных случаях они имеют значение и для достижения политических целей. Современное общество создает множество нагрузок для человека, особенно в профессиональной сфере, в этих условиях ходьба и бег выступают своего рода альтернативными вариантами разгрузки и неотъемлемой частью социальных практик.

Научная новизна исследования заключается в подробном описании и анализе особенностей и характеристик ходьбы и бега в качестве спортивных практик, условия личностного развития и для достижения политических целей.

Статья написана языком научного стиля с грамотным использованием в тексте исследования изложения различных позиций авторитетных ученых к изучаемой проблеме и применением научной терминологии и дефиниций, характеризующих предмет исследования.

Структура выдержана с учетом основных требований, предъявляемых к написанию научных статей, в структуре данного исследования можно выделить такие элементы как вводную часть, основную часть, выводы и библиографию.

Содержание статьи отражает ее структуру. Особенno ценным в содержании исследования следует отметить авторский анализ ходьбы и бега в различных ценностно-смысловых значениях в жизнедеятельности личности, а именно, для личностного развития, как спортивная практика и для достижения политических целей.

Библиография содержит 38 источников, включающих в себя отечественные и зарубежные периодические и непериодические издания.

В статье приводится описание различных позиций и точек зрения известных ученых к пониманию пешей ходьбы и бега как особых социокультурных феноменов и их значения для развития личности, в качестве спортивных практик и для достижения политических целей, а также содержится апелляция к известным авторитетным трудам и источникам, посвященных этой тематике.

В представленном исследовании содержатся выводы, касающиеся предметной области исследования. В частности, отмечается: «1. В аспекте личностного развития фиксируется наиболее глубокая конкретизация понятия «гуманистический потенциал ходьбы/бега», достигаемая на основе исследования особого рода опыта, открывающегося человеку посредством длительного цикличного телесного напряжения и не доступного «чистому», «вннтелесному» сознанию. Специально организованная в рамках религиозных практик ходьба способна порождать медитативные состояния; паломничеству присущи лиминальные переживания; романтическая традиция акцентирует внимание на обретении возвышенных настроений; ходьба активизирует творческие способности. Систематический длительный бег, согласно Дж. Шихану и Т. Коски, открывает личности пути к особым элементам опыта, приносящим в нашу жизнь умиротворение, посредством которого мы можем расслышать обращенный к нам и интуитивно воспринимаемый «зов совести», направляющий Dasein на собственный путь жизни.

2. Политическое содержания ходьбы раскрывается на основе выделения Р. Солнит трех предпосылок пешеходного движения: борьбы за свободное время, за доступ к

территориям для прогулок и за свободу перемещения. Политическое измерение беговых практик обеспечили такие свойства беговой локомоции (в сравнении с ходьбой), как более выраженные энергозатратность и скорость (свидетельствующие о значительном физическом потенциале лидера, способного к продолжительному и скорому бегу), игровое начало и заметность бегущего. Таким образом, ходьба и бег могут быть как индикаторами необходимой для реализации личностного потенциала свободы, так и средствами достижения благоприятствующего этому политического устройства общества.

3. Спортивное измерение ходьбы приобретает в конце XVIII века, когда становятся популярными денежные пари на пешее преодоление открытых дистанций за определенное время, демонстрирующие выдающуюся выносливость представителей выходящей на арену мировой истории буржуазии. Следующий этап развития спортивного пешеходства связан с проведением круглосуточных шестидневных гонок в крытых помещениях, которые сначала проводились по правилам спортивной ходьбы, а затем – в соответствии с принципом «двигайся, как хочешь», что стало предпосылкой развития сверхмарафонского бега. В культуре современности увлеченность преодолением такого рода дистанций становится частью новой культуры потребления, ориентированной на приданье уникальности собственному жизненному проекту в основном представителями среднего класса, в системе ценностей которого укоренилось удовольствие от дисциплинированного тела, здоровье стало сферой индивидуальной ответственности, а успех понимается перфекционистски – как достижение новых ступеней совершенства и расширение своих возможностей.

4. Обращаясь к гуманистическому потенциалу ходьбы и бега, транслирующемуся посредством их культурной преемственности, укажем на онтологическую связь этих видов локомоции: бег возникает на основе ходьбы, но качественно отличается от нее «фазой полета», учет которой значим, например, при проведении соревнований по спортивной ходьбе; гносеологическую связь: осмысление биомеханики ходьбы и порождаемых ее терапевтических эффектов является предпосылкой к пониманию своеобразия здоровьесберегающего потенциала беговых упражнений; праксеологическую связь, которая позволяет рассматривать ходьбу и бег как виды деятельности, преобразующие духовно-психологическую сферу личности и социальную реальность (например, достижение с их помощью медитативных состояний или марши/пробеги с политическими целями).

5. Историко-культурный процесс преемственности различных целевых разновидностей ходьбы и бега имеет вектор движения ко все большему достижению человеком телесно-духовного совершенства и расширению сфер свободы личности, в чем усматривается гуманистический потенциал этих видов локомоции».

Материалы данного исследования рассчитаны на широкий круг читательской аудитории, они могут быть интересны и использованы учеными в научных целях, педагогическими работниками в образовательном процессе, работниками спортивных организаций, специализирующихся на работе с различными социальными группами, тренерами, инструкторами по ходьбе, социологами, политологами, культурологами, психологами, аналитиками и экспертами.

В качестве недостатков данного исследования следует отметить, то, что название статьи, возможно, целесообразно было бы пересмотреть и сформулировать единым предложением без указания части исследования, даже если предполагается к написанию серия статей по заявленной научной проблеме. В начале статьи продублированы выводы из предыдущей статьи, которые были сделаны в первой части исследования, но полностью их повторять не представляется целесообразным, можно было ограничиться кратким напоминанием о предшествующем данному исследованию. В статье не были четко определены и выделены ее структурные элементы, такие как

введение, актуальность, методология исследования, результаты исследования и обсуждение их результатов, хотя они, несомненно, прослеживаются в его содержании, однако, отдельно они не обозначены соответствующими заголовками. Все сноски и обращение к источникам необходимо оформить единообразно, а в тексте исследования встречаются обращение к источникам, встроенным в текст в квадратных скобках, но не оформленные сноской и не вынесенные в библиографический список, например, [Мураками Х. О чем я говорю, когда говорю о беге. М.: Эксмо, 2020. С. 40], [Mission Statement. URL: <https://www.sierraclub.org/about-sierra-club> (дата обращения: 04.06.2024)], [Сурков Н. Радости и печали Лондонского марафона // URL: https://www.ng.ru/style/2012-04-27/16_style.html (дата обращения: 08.05.2024)] и др. Поэтому необходимо обратить внимание на требования действующих ГОСТов при оформлении сносок и библиографии. Библиографический список, возможно, стоило бы пересмотреть в сторону сокращения, так как для такого вида научно-исследовательской работы как статья, он очень обширен. Саму статью можно было бы дополнить обобщающим заключением, а не ограничиваться только выводами по проведенному исследованию. Указанные недостатки не снижают высокую научную значимость самого исследования, а скорее относятся к оформлению текста статьи. Статью рекомендуется опубликовать.

Человек и культура

Правильная ссылка на статью:

Каныкин С.В. Пешеходство и бег: гуманистический потенциал и культурная преемственность. Часть первая // Человек и культура. 2025. № 3. DOI: 10.25136/2409-8744.2025.3.71147 EDN: GRAGIB URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=71147

Пешеходство и бег: гуманистический потенциал и культурная преемственность. Часть первая

Каныкин Станислав Владимирович

ORCID: 0000-0002-3250-4276

кандидат философских наук

доцент; кафедра гуманитарных наук; Старооскольский технологический институт им. А.А. Угарова
(филиал) НИТУ "МИСиС"

309503, Россия, Белгородская область, г. Старый Оскол, Никитский, 6

✉ stvk2007@yandex.ru

[Статья из рубрики "Культура тела"](#)

DOI:

10.25136/2409-8744.2025.3.71147

EDN:

GRAGIB

Дата направления статьи в редакцию:

28-06-2024

Аннотация: Предметом изучения является культурное содержание ходьбы и бега и особенности исторической трансляции метафизических составляющих указанных "техник тела". Исследование практически направлено на популяризацию данных видов локомоции как общедоступных средств развития физической культуры личности. В статье предлагается различать пять целевых видов бега, опирающихся на соответствующие им разновидности ходьбы: ходьба/бег для удовольствия; ходьба/бег для здоровья; ходьба/бег для личностного развития; ходьба/бег для достижения политических целей; ходьба/бег как спортивные практики. Названия представленных видов движения конкретизируют выражение их гуманистического потенциала, а способом его сохранения и развития в истории человечества является культурная преемственность, которая осмысливается с опорой на содержание понятий «(телесно) воплощенная память», «универсалы культуры», «традиции», «актуализация традиции», «новации». В первой части статьи эксплицированы гуманистический потенциал и культурная преемственность

двух первых видов ходьбы/бега. В качестве методологии предметной области исследования были использованы исторический метод, метод категоризации, дескриптивный метод, метод анализа. Установлено, что бег для удовольствия формируется на основе свободного (не вынужденного практически) пешего движения, перешедшего в игровую форму, то есть осуществляется исключительно ради достижения порождаемых беговой локомоцией и не обретаемых вне ее телесно-психических состояний, которые нравятся человеку. Преемственность здоровьесформирующих ходьбы и бега заключается в том, что оптимально подобранная беговая активность интенсифицирует оздоровительные свойства ходьбы, позволяя за тоже время движения добиться большего терапевтического эффекта. Своебразие положительного воздействия бега на организм человека усматривается в прыжковой составляющей данного вида локомоции (что отсутствует в других циклических видах движения), благодаря которой бегун достигает значительного биомеханического резонанса, имеющего выраженный оздоравливающий эффект. В рамках здоровьесформирующих ходьбы и бега осмысляется и массово практикуется промежуточная форма движения – бег трусцой (jogging), отчетливо проявляющая как физическую, так и культурную связь этих видов перемещения. Автор приходит к выводу, что историко-культурный процесс преемственности различных целевых разновидностей ходьбы и бега имеет вектор движения ко все большему достижению человеком телесно-духовного совершенства и расширению сфер свободы личности, в чем усматривается значительный гуманистический потенциал рассматриваемых видов локомоции.

Ключевые слова:

ходьба, бег, гуманистический потенциал, культурная преемственность, универсалии культуры, техники тела, габитус, фланерство, бег трусцой, здоровьесбережение

Движение способно в полной мере раскрыть в нас все самое человеческое.

Дуг Андерсон [\[1, р. 145\]](#).

Умение ставить одну ногу перед другой – вот что нас избрело.

Эрлинг Кагге [\[2, с. 169\]](#).

На сегодняшний день самым авторитетным исследованием глобального состояния массовой беговой активности является совместный проект интернет-портала RunRepeat и Международной ассоциации легкоатлетических федераций (IAAF) «The State of Running 2019» [The State of Running 2019. URL: <https://runrepeat.com/state-of-running> (дата обращения 20.04. 2024)]. Несмотря на некоторую временную отдаленность, оно до сих пор остается непревзойденным как по охвату участников и событий (107,9 миллиона результатов забегов из более чем 70 тысяч соревнований с 1986 по 2018 год неэлитных бегунов всех 193 наций, признанных ООН), так и по многоаспектности изучения современных беговых практик; сделанные на его основе обобщения сохраняют свою актуальность. Важно отметить, что полученные данные свидетельствуют о том, что стайерский бег для подавляющего большинства практикующих является сферой и способом личностного развития, а не достижения выдающихся спортивных результатов, богатства и славы. Так, средний возраст ординарного бегуна в мире в 2018 году составлял 39,3 года; 50,24% бегунов – женщины; среднее время завершения марафона – 4:32:49 (для сравнения: в 2023 г. лучшее официальное время у мужчин-

профессионалов – 2.00.35, у женщин-профессионалов – 2.11.53). Любительский бег в современном мире становится долговременной программой развития и своего рода приключением взрослых людей, а его мотивация представляет значительный **философский интерес**, поскольку она в первую очередь связана, по утверждениям респондентов, с обретением смысла жизни, повышением самооценки на основе успешного ответа на вызовы самому себе, достижением физического и психологического благополучия как составляющих целостного человека, важностью принадлежности к группе, развивающей и транслирующей гуманистически и биофилически ориентированный идеально-ценностный комплекс.

В России наиболее масштабным исследованием последних лет, посвященным изучению состоянию дел в массовом любительском спорте и физической культуре взрослого населения, является доклад «Как сформировать среду для спортсменов-любителей и стимулировать физическую активность во всех возрастах», подготовленный Платформой «Центр социального проектирования» при поддержке Министерства спорта РФ в 2022 г. [URL:file:///C:/Users/Admin/Desktop/doklad_kak_sformirovat_sredu_dlya_sportsmenov_lyubitelej-2-1.pdf (дата обращения 20.04. 2024)]. Согласно этому докладу, самыми популярными в России являются циклические тренировки, а именно ходьба и бег (их выбирают 24% регулярно занимающихся физической культурой), при этом в беговых соревнованиях различного формата участвует около миллиона россиян [Около миллиона человек в России занимаются бегом. URL: <https://rsport.ria.ru/20230623/beg-1879907357.html> (дата обращения 21.04. 2024)], к этому числу надо прибавить тех, кто бегает без участия в соревнованиях и использует этот вид движения в рамках тренировочного процесса, специализируясь на других видах спорта. О массовом беге в России из указанной работы можно получить следующую информацию: с одной стороны, бег демократизируется, охватывая все большие слои населения, а с другой – «джентрифицируется», становясь модным увлечением и предполагая (особенно в молодежной среде крупных городов) достаточно дорогую экипировку. Рост интереса к бегу связан с его удачным брендированием (книги, фильмы, акции производителей спортивных товаров) как элемента феномена успешных людей, на основе регулярных тренировок достигающих выдающихся результатов не только в любительском спорте, но и в карьере и общественной деятельности, а также сексуально привлекательных и моложавых; развитием беговой инфраструктуры в рамках формирования современной городской среды («парк создает бегунов»); влиянием медиа, которые мультилицируют социальный эффект от занятий бегом и способствуют вовлечению знакомых; спортивизацией и общедоступностью беговых мероприятий; развитием беговых клубов и виртуальных сообществ, возникающих в том числе благодаря государственной поддержке. Также в докладе отмечается развитие субкультуры бегунов, пропагандирующей беговой туризм, соревнования, своих героев, создающей беговой сленг, приобщающей к себе лидеров общественного мнения. Исследователи подчеркивают, что увлечение труднодоступными достижениями (например, марафонским бегом) – часть новой культуры потребления, ориентированной на приение уникальности собственному жизненному проекту; постоянное стремление расширить свои возможности вызывает интерес к личным рекордам, сверхмарафонскому бегу, триатлону, горному бегу и т. п. экстремальным видам спорта на выносливость.

Однако и в России, и в мире процент людей, систематически практикующих ходьбу и бег как самые доступные виды физической активности, явно невелик. Так, Run Repeat отмечает, что больше всего бегунов (относительно общей численности жителей) – в Ирландии, но это всего 0,5% от всего населения! При этом «пик интереса к бегу пришелся на 2016 год, когда было зарегистрировано 9,1 миллиона финишеров. С тех пор

количество бегунов уменьшилось на 13%...» [The State of Running 2019. URL: <https://runrepeat.com/state-of-running> (дата обращения 20.04. 2024)]. Что касается регулярной ходьбы, то она в массовом сознании нередко ассоциируется с бедностью и праздностью, это явно не способствует ее положительной оценке как полезной привычки. Все это негативные тенденции, нуждающиеся в преодолении. Уже давно нет нужды доказывать пользу ходьбы и бега для профилактики и преодоления «болезней цивилизации», а также обеспечения личностного роста и устойчивого развития, поэтому исследования пешеходной и беговой культур, в пределе нацеленные на их популяризацию, безусловно, значимы для обеспечения выживания общества и гармоничного развития каждого человека, чем и определяется **актуальность** темы исследования.

Постановка проблемы и задачи исследования

С точки зрения биомеханики бег представляет собой тот же цикл движений, что и ходьба, только без фазы двойной опоры, которая заменяется фазой «полета», т.е. бег фактически – это ходьба с прыжками. Здоровый человек легко переходит с ходьбы на бег и обратно, поскольку в этих видах локомоции используются одни и те же функциональные группы мышц и действующие силы. В современном комплексе ГТО для первой ступени (дети) и двух последних ступеней (старше 60 лет) применяется такое испытание, как *смешанное передвижение*: преодоление дистанции (1 и 2 км соответственно) комбинацией ходьбы и бега, чередование которых определяется каждым участником самостоятельно. Отмечая физическую связь ходьбы и бега, можно поставить вопрос и о их метафизической (т.е. культурной) преемственности. Обращение к наиболее авторитетным современным исследованиям культурного содержания ходьбы [2, 3, 4, 5] и бега [6, 7, 8, 9] показывает непроясненность этой связи. Почему же следует обосновать эту преемственность?

Во-первых, важно понимать, что гармоническое развитие физических и духовных сил человека возможно как при помощи бега, так и ходьбы. Увлеченные бегом спортсмены нередко пренебрежительно относятся к джоггерам (бегунам трусцой) и ходокам, полагая их «низшей кастой» любителей циклических видов физической активности [10, pp. 45-55], что порой приводит к отказу от умеренных беговых и пешеходных занятий после завершения спортивной карьеры. Однако важно понимать, что в результате естественной инволюции физических возможностей (бег – джоггинг – ходьба) именно последняя позволит до конца жизни поддерживать витальный тонус и будет обеспечивать «духовными дарами» не меньшей ценности, чем это делал бег: «Любое движение в любом количестве сделает вас счастливыми. Двигайтесь теми частями тела, которые могут двигаться, и будьте благодарны, что можете это сделать» [11, с. 232]. В пожилом возрасте регулярная ходьба способствует сохранению субъектности, идентичности активного человека, во многом управляющего своим организмом, а не находящегося в жалком положении подчиненности болезням своего тела.

Во-вторых, исследование социокультурной обусловленности ходьбы позволяет прояснить истоки различных видов беговой активности, что важно для понимания их эволюции, специфики и трансформаций.

В-третьих, «мы живем в мире, где множество людей находят идею прогулок (и, добавим, – пробежек – С.К.) ради удовольствия, а тем более по философским, эстетическим или глубоко личным причинам, не просто странной, но и совершенно непонятной» [4, р. 61]. Прояснение этих причин, нацеленное на популяризацию ходьбы и бега, а тем самым и

повышение качества жизни человека, является важной гуманистической задачей.

Ходьба и бег как феномены культуры

Обоснование культурной нагруженности бипедальной локомоции представлено в работах таких известных антропологов, как Марсель Мосс (1872-1950) и Тим Инголд (род. в 1948 г.), а также в исследованиях профессора спортивной географии, бегуна-любителя Джона Бэйла (1940-2023). Так, Т. Инголд полагает ошибочным суждение о естественности ходьбы для человека: «Младенцы, лишенные контакта со старшими воспитателями, не научатся ходить <...>. Можно представить себе сценарий будущего, в котором двигательные потребности человека будут полностью удовлетворяться колесными транспортными средствами, или люди будут жить в условиях невесомости в космосе, где ходьба исчезнет» [\[12, р. 375\]](#). Таким образом, согласно Т. Инголду, ходьба – это навык (skill), который формируется благодаря активному пребыванию субъекта (ребенка) в среде, включающей взрослых воспитателей, а также различные свойства местности, обеспечивающей необходимость и возможность ходьбы. Обращаясь к М. Моссу, можно охарактеризовать отмеченное Т. Инголдом взаимодействие ребенка и взрослого как «престижное подражание», при котором двигательный акт, демонстрируемый и требуемый высокоранговой особью, «...принимается извне, сверху, даже если это акт исключительно биологический, относящийся к телу. Индивид заимствует ряд движений из акта, совершающего перед ним или вместе с ним другими» [\[13, с. 308\]](#). М. Мосс, разрабатывая учение о «техниках тела», под которыми он понимает традиционные способы использования тела в разных обществах и культурах, обращается к видам плавания, хвату инструмента, армейским маршам, женской походке, стилям бега, полагая, что они обусловлены габитусом – своего рода социальными привычками, находящимися «в зависимости от различий в обществах, воспитании, престиже, обычаях и модах» [\[13, с. 308\]](#). Культурную детерминацию ходьбы французский антрополог иллюстрирует следующими примерами: британская пехота оказалась неспособной идти строем под французские марши ввиду несоответствия музыкального темпа частоте и длине шага англичан, «такие же различия между англичанами и французами я часто наблюдал не только в ходьбе, но и в беге, т. е. не только в бытовых, но и в спортивных техниках. Профессор Курт Закс<...> на большом расстоянии различает походку англичанина и француза» [\[13, с. 306-307\]](#), сам М. Мосс уверял, что способен только по особенностям ходьбы опознать девушку, воспитывавшуюся в монастыре, поскольку она, скорее всего, будет идти со сжатыми кулаками. Такие наблюдения привели М. Мосса к методологическому выводу, обогащающему исследовательский арсенал социокультурных исследований движущегося тела: "...невозможно иметь ясное представление обо всех этих фактах: беге, плавании и т. д., если не базироваться на тройственном подходе вместо одностороннего, будь он механико-физическим, вроде анатомо-физиологической теории ходьбы, или же, напротив, психологическим или социологическим. Необходима тройственная точка зрения, точка зрения «тотального человека»» [\[13, с. 308\]](#). Социализируемый субъект перенимает те виды телесных действий, которые одобряются воспитателями (социальный элемент), а затем, в меру своих возможностей пофазово или целостно копируя и воспроизводя их в процессе обучения, демонстрирует свои биологические и психологические способности. Синтез этих социальных и природных элементов и образует, по М. Моссу, «тотальность» человека. Итог размышлений французского антрополога о человеческой локомоции как социопсихофизиологической «технике тела» можно выразить таким его суждением: «Вообще у взрослого, вероятно, не существует «естественного способа» ходьбы» [\[13, с. 309\]](#). Развивая взгляды французского антрополога, добавим, что походка нередко рассматривается как явление

невербальной семиотики, обозначая некоторые физические и психологические состояния человека, служа еще одним маркером индивидуальности, способом представления себя обществу. Именно поэтому в любом языке мира имеется множество названий видов ходьбы и основанных на этих обозначениях идиом, а также примет, связывающих особенности пешеходства с психотипом человека. Стиль ходьбы способен выразить социальное положение личности, а невозможность или затрудненность ходьбы обеспечивали одну из самых тягостных зависимостей, как правило, перемещая индивида в низшие слои общества. В этой связи оправданно отмечается, что «иерархии классов и статусов обычно строились на основе ходьбы и вокруг нее» [3, р.10]: чем больше человек был вынужден ходить пешком, тем ниже был его статус, что во многом верно и сейчас. Совокупность указанных факторов позволила О. де Бальзаку в «Теории походки» отметить, что практики ходьбы «...тесно связаны со всеми философскими, психологическими и политическими системами, какие существовали в мире» [Бальзак О. Теория походки]. URL: https://royallib.com/read/balzak_onore/patologiya_obshchestvennoy_gizni.html#223688 (дата обращения 08.04. 2024)].

Обращаясь к культурному содержанию бега, отметим монографию Джона Бэйла «Беговые культуры: гонки во времени и пространстве», где он, в частности, пишет о том, что «...бег как феномен телесной культуры ускользнул от серьезного изучения в гуманитарных и социальных науках» [6, р. 18]. Культурное содержание бега усматривается Дж. Бэйлом в мотивации бегущего и в достижении обусловленных ею телесных эффектов. Так, детский игровой бег предполагает спонтанность, это вольные, естественные (в смысле отсутствия заботы ребенка о какой-либо технике бега или сопутствующих ему правилах приличия) движения ради телесного удовольствия, выплеск витальной энергии растущего организма. Так же, как дети, бегают для игрового развлечения щенки, котята и другие детеныши животных. Порой не чужды раскованной детской игривости и некоторые взрослые. Бег с физкультурно-оздоровительными целями присущ учащимся детям (на уроках физической культуры), а также взрослым людям, которые заботятся о сохранении своего физического и психологического благополучия как основы успешной карьеры. Такие бегуны, как правило, уделяют большое внимание экипировке, в больших городах они занимаются в беговых клубах или фитнес-центрах, для них регулярность, продолжительность и комфортность бега намного важнее скорости, поэтому нередко это бегуны трусцой (джоггеры), ценящие оздоровительные и медитативные эффекты беговых практик. На установление личных, национальных, мировых и прочих рекордов в соревновательной среде рассчитан профессиональный или полупрофессиональный спортивный бег, предполагающий центрирование части жизни на беговой деятельности, строгую дисциплину, аскетизм и стремление к достижению совершенной техники этого вида локомоции.

Отметим, что далее нами будет предпринята экстраполяция на ходьбу мотивационно-целевых оснований различия видов беговой локомоции, предложенных Дж. Бэйлом, с целью обоснования культурной преемственности ходьбы и бега. Также на основе современных культурологических и философских исследований движущегося тела нами предложено выделение еще двух видов ходьбы/бега: для личностного развития и для достижения политических целей при сохранении типологичности бэйловского различия беговых практик (в смысле нестрогой классификации). Названия данных видов ходьбы/бега конкретизируют содержание их гуманистического потенциала, а способом его сохранения и развития в истории человечества является культурная преемственность.

Ходьба и бег в контексте преемственности как внутренней закономерности развития культуры

Преемственность как универсальное философское понятие описывается законом отрицания отрицания, выражая в его рамках связь прошлого, настоящего и будущего и обеспечивая целостность объекта при непрерывности его развития. Преемственность проявляется в сохранении, трансформации и утрате некоторых элементов предшествующей стадии развития (т.е. наследуемого) при переходе к новому состоянию объекта [14]. Двумя последними особенностями преемственность отличается от повторения. Конкретизируя содержание преемственности в отношении общества, В. Г. Рубанов вводит понятие *социальная преемственность*, «отражающее процессы социального наследования, характерной особенностью которого является сохранение, повторение, преобразование и развитие, отрицание и отбрасывание социально значимого продукта в пространстве и времени в деятельности субъекта конкретно-исторической системы культуры» [15, с. 108].

Понятие *социальная преемственность*, очевидно, связано с идеями историзма и культурной (социальной, социокультурной) сущности человека, на основе которых возникает понятие *культурной памяти* (Я. Ассман и А. Ассман). Т. Э. Рагозина определяет ее как «имманентное свойство социокультурного организма (общества), состоящее в его способности сохранять себя во всех своих модификациях, воспроизводя условия своего собственного существования на всех этапах развития» [16, с. 14]. Одной из составляющих культурной памяти можно считать *воплощенную память* (П. Коннертон) как совокупность стереотипных телесных практик, «техник тела», в которых структурируется и легитимизируется социальный и культурный опыт. Таким образом, не только в духе, но и в теле как культурно преобразованной плоти сохраняется (актуально или потенциально), преобразуется и совершенствуется прошлое, поэтому тела в их деятельностном аспекте могут рассматриваться как *агенты социокультурной преемственности*.

Элементами воплощенной памяти, которые могут быть отнесены к универсалиям культуры и в отношении которых можно ставить вопрос о культурной преемственности, являются ходьба и бег как антропологически всеобъемлющие виды локомоции, формируемые только в культурной среде и имеющие социокультурную дифференциацию в форме различных традиций их развития и использования, выражающих особенности социально-исторического опыта и воплощающих диалектику всеобщего, особенного и единичного в культуре. Н. М. Мамедова полагает, что «в традиции опредмечен опыт прошлых поколений, по крайней мере, двумя путями – либо в форме образцового единичного действия (прецедента), либо в форме некоего универсального закона (ритуала, кодекса, инструкций и т.п.). <...> Преемственность традиции обеспечивается, таким образом, по крайней мере, двумя различными и вместе с тем взаимосвязанными принципами – кодифицированием поступка и закона» [Мамедова Н. М. Преемственность в культуре (социально-философский анализ): специальность 09.00.11 – Социальная философия: автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора философских наук. М. 2001. С. 23]. Например, для буддистов прецедентом будет практика медитации в пешем движении Будды, а законом – восходящие к Будде и его ученикам правила осуществления этого вида медитации, только при соблюдении которых ходящий приобщается к шуньюте. Далее медитативная ходьба начинается перемежаться с легким бегом в таком же состоянии в практике *кайхегё* («обход горы») буддистской школы Японии Тяньтай, а философ-неоиндуист Бхагван Шри Раджниш (1931-1990), также известный как Ошо, предлагал использовать в медитативных целях бег без ходьбы, полагая, что это «...лучшая медитация, какую только я могу вам предложить. Всего час

бега...» [Ошо. Сердце живет в вечности. М.: Лила, 1999. URL: <https://astromenu.com/oshо.html> (дата обращения 23.06.2024)].

Динамичность традиции, ее постоянно меняющаяся связь с настоящим подчеркивается таким ее свойством, как *актуализация* – т.е. модификация традиции под насущные потребности общества или некоторых его общностей («социальный заказ»), в силу чего на различных исторических этапах особенно выделялись те или иные социокультурные функции ходьбы и бега. Важно отметить, что традиции в ходе адаптации к изменяющимся условиям существования общества не только актуализируются, но и становятся субстратом *новаций*; диалектически понимаемая оппозиция «традиция–новация» обеспечивает динамическую устойчивость системы, т.е. прогресс в пределах ее меры. Так, примерами новации с опорой на традицию является рождение *спортивной ходьбы* как вида легкой атлетики, которая впервые появляется на Олимпийских играх в 1904 году как элемент многоборья с дистанцией в полмили, или проведение первого женского марафона на Олимпийских играх 1984 года.

Далее отметим, что ходьба и бег в рассматриваемом контексте взаимодействуют как «горизонтально», так и «вертикально» (в реальности чаще всего эти типы преемственности переплетаются). В первом случае мы имеем тип преемственности, когда элементы культуры сосуществуют в одном временном промежутке – действительно, в филогенезе нет периодов, когда бы люди только бегали или только ходили, а в онтогенезе ходьба предшествует бегу – это вертикальная (разновременная) преемственность, которая также отмечается у отдельных целевых видов ходьбы и бега. Например, возобновление в конце XX века кругосуточных шестидневных гонок пешеходов, которые были широко распространены в США и Великобритании в XIX веке (и породили современный ультрамарафонский бег) или проведение беговых соревнований (в том числе марафонов) на городских улицах и их «карнавализация» на манер европейских городских праздников Позднего Средневековья, включавших в себя комические забеги.

Неисчерпаемость гуманистического потенциала и открытость списка универсалий культуры, многомерность содержания понятия «преемственность» в культурологическом и философском контекстах, а также неразработанность проблематики социокультурной связи ходьбы и бега, конечно же, не позволяют в одной статье достичь *финализирующих* осмысление темы результатов. В данном исследовании усилия автора сосредоточены на постановке проблемы, сборе и обобщении информации о социокультурной обусловленности человеческой локомоции и предварительном определении некоторых аспектов культурной связи и преемственности ходьбы и бега как средств формирования и проявления гуманистического потенциала личности с надеждой на возникновение дискуссии по рассматриваемой проблематике.

Ходьба/бег для удовольствия

Изначально ходьба была компонентом царства *необходимости*: человек не только пешим образом перемещал себя и грузы, но и был своего рода живым двигателем, выполняя функции привода примитивных механизмов в отсутствии подседельных, вьючных и тягловых животных или при их дорожеизнне. В религиозном контексте длительное пешеходство было уделом паломников, многие из которых, исполняя епитимью, надеялись лишениями и опасностями долгого пути заслужить прощение грехов. Более того, пешее скитальчество приобретало форму проклятия: Агасфер, или Вечный жид, в наказание за презрение к изможденному Христу был осужден неприкаянно бродить до Второго пришествия, при этом «он, должно быть, существует в состоянии постоянной

усталости, никогда не отдохшая и даже не имея такой возможности. Он приближается к истощению, которое никогда не наступит, потому что если бы это произошло, то он перестал бы ходить, а божественная сила этого не допустит» [\[4, р.187\]](#). В традиционном оседлом обществе номадичность (за исключением военных походов, религиозных практик и вынужденных миграций) ассоциировалась с нецивилизованностью, бедностью, низкорангостью; если у человека появлялся выбор – идти или ехать, он предпочитал второе: «Это раскрывает неразрывную связь между лошадью, рыцарем и аристократией; и это влечет за собой неявное отнесение пешехода к низшим рангам тех, кто ходит, не имея достаточной власти и богатства, чтобы владеть лошадьми – или оружием, седлом, сапогами, полями, зерном, конюшней и т.д., а позже – экипажами...» [\[3, р.60\]](#). Таким образом, престижным видом перемещения была езда – верховая, в паланкине или в карете, при этом всадники и пассажиры отбрасывали тень неполноценности на идущих. Также отметим, что бродяжничество уже в раннем Средневековье было объявлено незаконным: такие люди в Европе устойчиво ассоциировались с тунеядцами-попрошайками, разносчиками болезней, приводящих к эпидемиям, или бандитами с большой дороги. Бродяг насильно привлекали к общественным работам, били розгами или кнутами до крови, отрезали половину уха, а иногда вешали илитопили – утлы «корабли дураков» без капитана и команды уходили в море навсегда. Все перечисленное обеспечило такие до сих пор расхожие коннотации ходьбы, как бедность, праздность и криминальность.

В царство свободы (т.е. систематически гуляя по своему желанию для отдыха, удовольствия и самопрезентирования) в христианскую эру ходьбу перевели монахи и светские аристократы позднего Средневековья/раннего Возрождения, во многом наследуя перипатетикам Античности. Так, представители монашеского ордена картезианцев (основан в 1084 г., получил название в честь первой обители – *La Grande Chartreuse*), нуждаясь в отдыхе от скрупулезной сидячей работы в скриптории и неформальном братском общении, практиковали еженедельную прогулку, которая длилась около трех часов. «С самого начала картезианский орден придавал большое значение таким прогулкам, и приорам рекомендовалось не освобождать монахов от них» [\[17, с. 214\]](#). Прогулкам на природе посвящал свой досуг и доминиканец Фома Аквинский: «Когда св. Фома прогуливался на лоне природы, народ, работавший на полях,бросив свои занятия, устремлялся ему навстречу...» [\[18, с. 411\]](#). Местами прогулок аристократов, у которых была выработана особая манера ходьбы, подчеркивающая достоинство «праздного класса», были сады и парки, окружавшие их особняки. Это были места уединения, общения, флирта, демонстрации мод и изящества тел. В XVIII-XIX вв. набирающая силу буржуазия, утомленная напряжением городской жизни и не всегда благоприятной окружающей средой, следя по стопам аристократии, но не имея доступа в поместья знати, стала практиковать прогулки по живописной сельской местности. Особенно привлекательными местами были пригородные леса и побережье, куда нувориши добирались для променада в своих экипажах [\[3\]](#). И сегодня многие горожане – в основном представители среднего класса – увлечены пешеходным туризмом в формах хайкинга (пешая прогулка в течение дня налегке) и трекинга (поход со снаряжением, длящийся несколько дней).

Интенсивное развитие городской инфраструктуры привело к появлению в тридцатые годы XIX века фланеров – городских пешеходов, гулявших в основном по центральным улицам, торговым площадкам, местам большого скопления публики с целью получения удовольствия от наблюдений за прохожими и городскими событиями, делая это нередко с использованием оптических приборов (моноклей, лорнетов и пр.), что позволяло

разглядеть ярко характеризующие людей детали и обеспечивало большее эстетическое наслаждение: «близость с миром города, созерцание его жизни вызывали и создавали чувство прекрасного» [19, с. 31].

Итак, в царстве свободы прогулочная ходьба является источником удовольствия, позволяющим «... заново открыть простую радость существования, радость, которая пронизывает все детство» [20, р. 69]. Эта радость порождается небольшим физическим напряжением и последующим отдыхом, желанным одиночеством или встречами с новыми людьми и живописными ландшафтами, сменой обстановки и возвращением домой, интенсификацией чувств и активизацией мышления, а иногда – и ощущением безмятежности, вообще говоря – состоянием телесно-духовной гармонии как выразителя онтологического благополучия, полноты жизни человека.

Переход от ходьбы к спорадическому бегу в одиночестве для получения более интенсивного удовольствия от движения прослеживается в творчестве английского писателя-романтика и критика Уильяма Хэзлитта (1778–1830), который в эссе «О путешествиях» (1822 г.) пишет: «... предоставьте три часа прогулки до обеда – и возможность думать свободно! На безлюдной пустоши трудно удержаться и не затеять какой-нибудь веселой игры. Меня тут же разбирает смех, я принимаюсь бегать, скакать, пою от радости» [Хэзлитт У. Застольные беседы. М: Ладомир: Наука. С. 204]. Ранее упоминавшийся Дж. Бэйл полагал, что для дети ощущают радость жизни прежде всего в игровом движении, и мы постоянно хотим вернуться к ней, тоскуя по счастью своего детства. Детские движения свободны, не скованы никакими условностями и пространственными ограничениями: это и бег, и ходьба, и прыжки, и кувыркания, и ползание, дети не признают границ и им для игры хороша любая погода. Радость и удовольствие от движения здесь продиктованы реализацией своего естества, дикой (дионисийской) изначальности: «Еще в 1855 году шотландский философ Александр Бэйн характеризовал удовольствие от быстрой прогулки или пробежки как «вид механической интоксикации», вызывающей экстаз сродни тому, что возникал в ходе античных вакханалий – ритуалов почитания древнеримского бога вина» [11, с. 19]. При этом У. Хэзлитту важно подчеркнуть, что он иногда бегал только «на безлюдной пустоши», где его никто не видел, т.к. бегающий для получения удовольствия взрослый человек в те времена внушал сомнения в своем психическом здоровье. Об этом, например, свидетельствует шотландский писатель и большой любитель пеших прогулок Роберт Луис Стивенсон (1850–1894 гг.) в эссе «Пешеходные экскурсии» (1881 г.): «Я знал одного человека, которого арестовали как сбежавшего сумасшедшего, потому что, хотя это был взрослый человек с рыжей бородой, он скакал на ходу, как ребенок»; имея в виду признание У. Хэзлитта в беге, Р. Л. Стивенсон в этом же тексте восклицает: «После приключения моего друга с полицейским вам бы не пришло в голову опубликовать это от первого лица, не так ли?» [Walking Tours, by Robert Louis Stevenson. URL: <https://www.thoughtco.com/walking-tours-by-robert-louis-stevenson-1690301>(дата обращения 18.05.2024)]. Более того, даже пешая прогулка вызывала недоумение, о чем идет речь в стихотворении поэта из Южной Дакоты Лео Дэнджа «Как прогуляться»:

Это фермерская страна.

Соседи поверят, что ты сумасшедший

Если ты выйдешь на прогулку, чтобы

Просто подумать и побывать в одиночестве.

Так что возьми ружье и пройдись вдоль забора.

Сделай вид, что охотишься.

Dangel L. How to Take a Walk

[URL:<https://www.writersalmanac.org/index.html%3Fp=8398.html> (дата обращения 27.06.2024)].

Добавим, что бег ради рекордов, славы и заработка, а также с агитационно-политическими целями, практикуемый молодежью в Европе и Северной Америке, начал интенсивно развиваться во второй половине XIX века. Однако это не касалось бега взрослых людей для удовольствия – бег не рассматривался как культурно приемлемый способ обретения радости, для этого вполне было достаточно пассивного отдыха, вкусной еды, алкоголя, секса, путешествий и т.п., поэтому единичные случаи таких бегунов рассматривались как примеры отрицательной девиации, нуждающейся в коррекции со стороны врачей, священников или полицейских [\[21\]](#).

Первым исследователем гуманистического потенциала любительского бега, сосредоточившимся на исследовании его игровой, доставляющей радость, природы, был американский врач-кардиолог, журналист, марафонец, популяризатор бега и мыслитель Джордж Шихан (1918-1993), автор бестселлера «Бег и бытие: полный опыт» (1978 г.) [\[18\]](#). Доктор Шихан неоднократно подчеркивал, что бег возвращает его в юность, делает играющим ребенком: «Игра – это то, что мы сделали бы просто так, что-то, что имеет смысл, но не имеет цели. Когда я бегу, я чувствую это. В течение этого часа в день я, как ребенок, наконец-то делаю то, что хочу, и получаю от этого удовольствие. Когда я это делаю, я понимаю, что то, что происходит с телом, – это просто бонус. Сначала я должен играть по часу в день, а потом добавится все остальное» [\[21, р. 239\]](#). Дж. Шихан уверен в том, что занятия бегом только тогда будут регулярными и приносящими удовольствие, если отношение к ним будет как игре. В этой связи становится понятно, почему многие начавшие бегать и не актуализировавшие игровые компоненты данного вида локомоции скоро бросают это занятие, находя бег монотонным и скучным.

Игра – это одно из необходимых для жизни пиков переживаний полноты своего бытия и единства с миром, это экзистенциал, объединяющий тело и сознание, это процесс, в котором «магическое и мистическое берет верх над практическим и прагматичным» [\[21, р. 53\]](#). Игра для доктора Шихана – это место, где мы находим свое подлинное «я» и «расширяем себя», выходя за пределы унылой повседневности. Он пишет о том, что готов основать новую религию, первый закон которой гласит «играйте регулярно», поскольку час игры в день делает человека цельным, здоровым и долгоживущим, что особенно важно для его страны, так как «Америка – это нация, которая отказалась от игр в пользу работы» [\[22, р. 116\]](#).

Важно отметить, что физические упражнения вне игровой ситуации имеют совершенно иное качество: кардиолог Дж. Шихан пишет о том, что тяжелая физическая работа не изменила факторы коронарного риска или других сердечных заболеваний более чем у 30 000 наблюдавших врачами мужчин. Однако в той же группе физическая активность как хобби сопровождалась значительным снижением факторов риска сердечных приступов. Не вынужденным тяжелым трудом, а бегом для удовольствия и другими видами физической активности, связанными с радостным азартом, чувством полноты жизни, эти люди обретали здоровье и долголетие. Доктор Шихан уверен в том, что

только превратив упражнения в игру, человек почувствует внутренний покой и уверенность, которые исходят из каждой части тела хорошо тренированного человека – той основы, где коренятся все остальные ценности, ментальные и духовные, поскольку, как полагал Ф. Шиллер, человек «...бывает вполне человеком лишь тогда, когда играет» [23, с. 125].

Обращаясь к современности, обратим внимание на то, что по данным [24], многие российские любители стайерского бега в качестве одной из причин своего увлечения указывают на «эйфорию бегуна». Длительный бег в комфортном темпе естественным образом, мягко и безопасно обеспечивает человека порождающими радостное настроение эндогенными морфинами, которые нейтрализуют порожденный стрессами «лишний» адреналин, приводящий к нервозности и депрессиям. Беговая эйфория воспринимается стайерами-любителями как чувство полноты жизни, как самые счастливые ее мгновения: «Испытав один раз подлинную эйфорию <...>, потом бесконечно будешь бежать за этим ощущением» [Ахмедова О. Бег навстречу себе. О марафонах, жизни и надежде. М. : Манн, Иванов и Фербер, 2023. С. 189]. Существует большое количество работ биологов, спортивных психологов, тренеров и бегунов, посвященных исследованию состояний беговой эйфории и возникающем на его основе чувство любви ко всему миру. Многие из этих трудов были проанализированы в книге профессора Стенфордского университета, эксперта в области изучения взаимосвязи между психическим и физическим состояниями человека Келли Макгонигал «Радость движения. Как физическая активность помогает обрести счастье, смысл, уверенность в себе и преодолеть трудности» [11]. К. Макгонигал пришла к выводу, что наша способность испытывать удовольствие от пешеходства и бега обусловлена тем, что предки современных людей были охотниками и собирателями, все время находившимися в движении. Нейрохимическое состояние, которое мы называем эйфорией, побуждало первых людей к длительному и (или) интенсивному движению, вознаграждая за риск и настойчивость, и снижало усталость, а также направляло к сотрудничеству и поощряло дележку добычи: «Люди смогли выжить и эволюционировать отчасти потому, что физическая активность приносила удовольствие» [11, с. 21]. Именно поэтому, полагает исследователь, выброс эндорфинов и эндоканнабиноидов (катализаторов покоя и радости, блокирующих возможность панической атаки и усиливающих удовольствие от пребывания в группе) от длительной ходьбы и бега поднимает настроение и улучшает взаимодействие людей: «Станный это союз: бег и ощущение родства с группой людей. Почему наш мозг так легко прокладывает связь между физической активностью и общением? Почему эйфория бегуна биологически почти идентична нейробиохимическим процессам, возникающим при сотрудничестве людей? В чем бы ни была причина, такими нас сделала эволюция» [11, с. 45]. На протяжении всей своей книги К. Макгонигал обосновывает связь между физической активностью, радостью жизни и успешными социальными контактами, полагая это веской причиной вести более подвижный образ жизни, самыми доступными формами которого являются ходьба и бег.

Однако же остается непроясненным вопрос о том, как удовольствие от длительной ходьбы или бега совмещается с неизбежными страданиями, болью, которые не купируются в полной мере «гормонами радости», в чем убеждается каждый пешеход или бегун, достигший состояния значительной усталости. Феномен беговой боли осмыслияет Крис Келли [25], имея при этом нетривиальную цель – обосновать положительную значимость страданий для бегунов. К. Келли приходит к выводу, что итоговое удовольствие от бега перевешивает связанные с ним мучения. Трудность бега, причиняемая им боль является частью его ценности, поскольку тем самым бег закаляет

характер, и сам процесс этой закалки через преодоление боли («я смог это выдержать и не сошел с дистанции!») доставляет удовольствие: «Спросите себя: если бы бег всегда был легким занятием, был бы он так же ценен для вас?» [25, р. 95]. Сверх того, иногда боль для бегуна может быть приятной и даже желанной, поскольку она свидетельствует о развитии его мышечной системы. Тем самым бегуны, как и другие спортсмены, полностью изменяют эволюционное значение некоторых видов боли: она не всегда знак угрозы для организма, иногда это симптом его совершенствования. Таким образом, заключает Крис Келли, сопряженный с физическими страданиями бег вполне совместим с гедонизмом.

Также приведем рассуждения выдающегося норвежского философа и эколога А. Несса (1912-2009 гг.), который в своем *урожнении благополучия* [2, с. 104] полагал необходимым учет телесной и душевной боли человека как неизбежных атрибутов его жизни, но при этом доказывал, что даже совсем небольшое увеличение радости от деятельности способно перевесить значительную боль. Отсюда следует, что пешеходу или бегуну нужно сосредоточиться на нахождении способов обретения большего удовольствия от движения (например, бег в дружеской компании; с прослушиванием музыки; по живописным местам и т.п.), нежели на усилиях по ослаблению боли – это гораздо более эффективно для достижения благополучия, что еще раз доказывает важность исследования гуманистического потенциала рассматриваемых видов локомоции.

Ходьба/бег для здоровья

Современная медицина полагает ходьбу и бег наиболее доступными и действенными средствами профилактики, а порой и излечения некоторых «болезней цивилизации», рекомендуя примерно 10 000 шагов в день для пешеходов и легкий, но довольно продолжительный бег через день для любителей этого вида локомоции. О положительном влиянии ходьбы на здоровье было известно еще в древности. Так, «отец медицины» Гиппократ советовал для улучшения самочувствия зимой совершать прогулку быстро, а летом – медленно, избегая зноя; он полагал, что полным людям полезнее ходить быстрее, а худым – медленнее; при некоторых заболеваниях следует ходить не меньше, чем тридцать стадий перед обедом и десять – после него. Ходьба способна облегчить течение болезни, поскольку «до тех пор, пока больной ходит, кажется, что в нем нет никакой болезни, но когда он перестает ходить и сидет солнце, тотчас страдание становится сильным» [26, с. 453]. О пользе ходьбы писали выдающиеся знатоки античной медицинской традиции и физической культуры Кристобаль Мендес в «Книге упражнений» (1553) и Джироламо Меркуриале в своей работе «О гимнастическом искусстве» (1569) [27]. Разнообразные виды ходьбы были задействованы в таких национальных системах гимнастики XIX – начала XX вв., как немецкая (А. Шписс), шведская (Я. Линг), французская (Ф. Аморос-и-Ондеано) и сокольская (Чехия) (М. Тырш) [28]. Эти системы распространялись через учебные заведения и во многом имели военно-прикладной характер, поэтому упражнения в ходьбе были преимущественно направлены на укрепление здоровья и развитие навыков индивидуального и группового пешеходного движения для воинской службы. В России популяризатором ходьбы в целях правильного формирования детского организма и всестороннего развития ребенка был основатель одной из первых научных систем физического образования, выдающийся педагог и просветитель Петр Францевич Лесгафт (1837-1909), который писал: «Самым выгодным упражнением в ходьбе будут постепенно увеличивающиеся прогулки на воздухе. Такие прогулки существуют почти во всех школах Европы; только у нас они совершенно не

применяются, между тем они очень выгодны как в отношении физического развития ребенка, так и в нравственном отношении, ибо такие прогулки могут содействовать сближению молодых людей и установлению между ними хорошего товарищества, что, несомненно, имеет большое нравственное значение» [\[29, с. 364\]](#). П. Ф. Лесгафт полагал возможным за годы обучения ребенка в школе по своей системе довести ходьбу до скорости «6 верст в час, а пройденное пространство может постепенно увеличиваться и доходить до 35 и даже до 50 верст в день» [\[30, с. 28\]](#). В английских, а позже и американских школах рассматриваемого периода широко практиковали походы мускулистые христиане (скауты, YMCA) – последователи религиозно-философского движения, полагавшие формируемую длительной ходьбой выносливость важнейшим показателем здоровья, основой моральной стойкости, дружелюбного характера и столь ценимой христианами возможности служить другим.

Яркие примеры оздоравливающих эффектов ходьбы дают нам выдающиеся философы. Так, **И. Кант**, верный своему принципу жить в соответствии с требованиями долга (куда входит и забота о своем здоровье, что исключает приоритет удовольствия как потакания страстям и склонностям), на протяжении многих лет ежедневно гулял по липовой аллее, проходя ее восемь раз туда и обратно в любую погоду и при любом самочувствии. Эти прогулки по сути были гигиеническими, оздоравливающими процедурами. И. Кант выходил на прогулки до тех пор, пока мог держаться на ногах, даже периодически падая от старческой немохи: ходьба стала для него выражением воли к жизни. **Ф. Ницше** практиковал многочасовую ходьбу прежде всего по физиологическим причинам: на протяжении большей части жизни его мучили приступы сильной головной боли и тошноты (как при морской болезни), от чего он спасался длительными (по шесть-девять часов, иногда разделенных на две в день) прогулками, преимущественно в одиночестве и в горной местности, долгая ходьба была для него важнейшим условием телесного благополучия. **С. Кьеркегор**, страдая от меланхолии, нуждался в преодолении свойственных этому виду депрессии чувств интеллектуального перенапряжения, пустоты и тоски, чего он достигал в длительной ходьбе и ненавязчивом, скоротечном уличном общении со случайными людьми. О терапевтических свойствах ходьбы С. Кьеркегор так писал своей весьма болезненной дальней родственнице Генриэтте Лунд: «Главное, не теряйте желания ходить. Каждый день я вхожу в состояние благополучия и ухожу от всех болезней. Я вошел в свои лучшие мысли, и я не знаю такой тягостной мысли, от которой нельзя было бы уйти. Но если сидеть неподвижно, и чем больше человек сидит неподвижно, тем ближе он к болезни. Таким образом, если просто продолжать идти, все будет в порядке» [Цит. по: 2, с. 129].

Зафиксировав свидетельства оздоровительных эффектов ходьбы, обратимся к здоровьесберегающим беговым практикам. На тринадцати первых Олимпиадах Античности бег был единственным видом соревнований, требовавшим систематической и длительной подготовки, в ходе которой и была отмечена его польза для тела. Например, «...указывали на орхоменянина Лаомедона, который, страдая селезенкою, по совету врачей стал упражняться в беге, чем не только восстановил свое здоровье, но и сделался одним из замечательных бегунов в Греции» [\[31, с. 249\]](#); «... упражнение в беге признавалось древними философами и врачами одним из самых благодетельных упражнений: оно не только развивало и укрепляло тело, но доставляло ему благообразие и приучало его к прекрасным и ловким движениям» [\[31, с. 252\]](#). В качестве эффективного средства физического развития бег рекомендовали педагоги-гуманисты Витторино да Фельтре (1378-1446), Роджер Ашем (1515-1568), Ричард Малкастер (1530-1611), создававшие свои системы образования на основе традиций возрождаемой

культуры Античности [32]. П. Ф. Лесгафт, обобщивший в своих трудах лучшие системы развития физической культуры прошлого и настоящего, выдающийся знаток античной педагогики, пришел к выводу, что «бег заслуживает при физическом воспитании особенного внимания: при упражнениях в нем мы действуем на большое число мышечных групп нашего тела, а также на деятельность органов с большим напряжением, что очень существенно при сидячей школьной жизни ученика» [33, с. 83]. Им было разработано значительное количество беговых упражнений, направленных как на правильное формирование тела ребенка, так и на оздоровление детей разных возрастов. Таким образом, здоровьесформирующие применения бега начали появляться в Античности, а затем были развиты в устремленных к калокагатии педагогических системах Возрождения и Нового времени.

Следующей сферой использования оздоровительного бега стали *евгенические практики* Новейшего времени. К примеру, в СССР 20-30-х гг. проходила кампания борьбы с физическим вырождением и «дурной» наследственностью пролетариата и крестьянства как угнетаемых классов царской России. В 1931 г. был утвержден комплекс «Готов к труду и обороне СССР», на значке которого был изображен бегун, преодолевающий финишную ленту, а сам комплекс включал в себя, помимо прочего, спринтерский бег, кросс, марш-бросок, длительный «легкий бег» и смешанное передвижение (ходьба-бег). Благодаря этому комплексу начали систематически бегать миллионы советских граждан, в первую очередь – молодежь, в среде которой было престижно иметь значок ГТО. К тому же увеличение беговыми занятиями объема легких (особенно при помощи кроссов) рассматривалось как действенное средство профилактики распространенного тогда туберкулеза. На картинах советского художника А.А. Дейнеки «Бег» (1934), «Физкультурники» (1934), «Бегунья» (1936), «Кросс красноармейцев» (1937) бегущие девушки и юноши представлены атлетически сложенными, с правильными чертами лица, пышущими здоровьем, стремительными, радостными. Именно так выглядели и специально подбираемые для праздничных эстафет молодые бегуны и бегуньи, воплощающие своим телесным совершенством образ нового человека – строителя коммунизма [34].

Свой вклад в популяризацию оздоровительного бега внесли и *этнографические исследования*. Антиколониальное движение XX века вызвало бурный интерес к американским и африканским племенам, которые все еще осуществляли беговую охоту преследованием, практиковали длительный бег для передачи сообщений, угона скота у соседей, а также ряда других ритуальных и бытовых действий. Среди научных работ авторитетным исследованием беговой культуры индейцев является книга П. Набокова «Индийский бег» (1981) [35], а африканских племен – «Кенийский бег. Культура движения, география и глобальные перемены» Джона Бэйла и Джо Санга (1996) [36]. В этих изданиях были обобщены сотни этнографических трудов XIX-XX веков, посвященных изучению культурных особенностей беговых практик указанных этнических групп. Однако в массовой культуре второй половины прошлого века образ бегающего в течение всей жизни индейца/африканца значительно идеализировался: им приписывалось необыкновенное физическое благополучие и долголетие, при этом особенный интерес вызывало мексиканское племя тараумара, само название которого на языке науатль означает «бегущий человек». Его представителей считали самыми выносливыми бегунами в мире, что явно свидетельствовало об их выдающемся здоровье. Желание хотя бы в некоторой мере достичь телесных кондиций, которыми обладали индейские и африканские бегуны, также обусловило интерес к оздоровительному бегу.

Еще одной причиной вовлечения многих людей в беговую деятельность стала НТР, которая в развитых странах существенно сократила физическую активность значительной части населения. Это привело к гиподинамии и, как следствие, вызванных ею гипертонии, инфарктам, ожирению, диабету, неврозам, остеохондрозам и пр. Снижение физической активности способствовало кислородному голоданию головного мозга, отсюда ухудшение работоспособности, памяти и концентрации внимания, головокружения, сонливость или бессонница. В первую очередь все эти негативные последствия НТР коснулись верхних и средних слоев городского населения, чья работа относится к интеллектуальной и малоподвижной. Именно эта часть общества первой столкнулась с необходимостью изменения сидячего образа жизни, что и происходило при помощи доступного физического упражнения – бега, который в ситуации дедлайнов и цейтнотов жителей больших городов оказался *выгоднее* пешеходства: энергозатраты при беговой локомоции в три-пять раз больше, чем у обычной ходьбы, чем и обусловлен его более значительный физиологический эффект в единицу времени [37]. Важно отметить и здоровьесформирующее своеобразие беговой активности, связанное с присущей ей «фазой полета». Вызываемое прыжковой составляющей бега явление биомеханического резонанса отсутствует в других видах циклических упражнений и заключается в следующем: «В момент приземления на пятку возникает противоудар, который перемещает столб крови вверх. Такой гидродинамический «массаж» кровеносных сосудов увеличивает их эластичность, препятствует отложению холестерина и способствует выведению шлаков, омолаживая организм. Вибрация печени и других внутренних органов улучшает их функцию и усиливает перистальтику кишечника» [38, с. 23].

Обращаясь к социокультурным основаниям современной увлеченности физической культурой, обратим внимание на то, что объявленная Ф. Ницше «смерть Бога», соединившись с пониманием едва ли возможного достижения медициной всесилия, определили новую стратегию жизни: благодати ожидать не от кого, совершенствование и «спасение» человека в его собственных руках. Болезни, старость и смерть лишаются положительной значимости религиозных нарративов (где болезнь нередко рассматривается как божественное побуждение к коренному изменению жизни, культивируется *старчество*, а смерть трактуется как переход в Царство Божие), их надо избегать и как можно дольше оттягивать. В секуляризованном обществе человек приобретает суверенитет, доминирующими дискурсами и практиками культуры потребления становятся гедонизм и индивидуализм, а физическая культура начинает выполнять, метафорически выражаясь, *сотериологическую* функцию: «спасение» не верой, но технологиями, трудом и дисциплиной, обеспечивающими указанный суверенитет «физическими капиталом». К тому же доминирующая на Западе неолиберальная идеология, базирующаяся на идеалах личной свободы, прогресса и конкуренции, существенно ослабила давление государства на человека, делегировав ему при этом большую часть ответственности за социальную успешность. Ее фундаментом является *здоровье*, поддержание и укрепление которого при помощи разнообразных фитнес-практик становится маркером социальной зрелости, а свидетельством эффективности этих практик выступает конкурентоспособное в экономической сфере иексуально привлекательное тело как социальная форма личности. Все чаще тело рассматривается как товар (коммодификация телесности), обладающий меновой стоимостью: «Физический капитал [тело] чаще всего преобразуется в экономический капитал (деньги, товары и услуги), культурный капитал (например, образование) и социальный капитал (социальные сети, которые позволяют своим участникам осуществлять обмен информацией о товарах и услугах)» [39, р. 128]. При этом индивиды,

манкирующие работой над собой, стигматизируются, поскольку излишняя полнота и физическая неухоженность выражают отсутствие самоконтроля и стремления к совершенствованию. Лучше всего достигаемый беговыми упражнениями образ худощавого, подтянутого тела, соответствующий рекламным стандартам «общества потребления», во второй половине XX века стал эталоном и ориентиром, степень приближения к которому определяла психоэмоциональное состояние множества людей.

На этом фоне мировым бестселлером стала книга Гарта Гилмора «Бег ради жизни» (1965 г.), популяризировавшая джоггинг (бег трусцой): «Медленный бег, или бег трусцой, – способ, который, по <...> моему мнению, сможет независимо от вашего нынешнего возраста и состояния здоровья возвратить вам тот неоценимый дар, которым мы столь долго пренебрегали, – отличное физическое и психическое состояние» [40, с. 49]. В качестве фитнес-упражнения бег подкупал своей простотой – как известно, для эффективности тренировки необходимо обеспечивать довольно длительное время частоту сердечных сокращений в диапазоне 120-130 ударов в минуту, чего легко добиться при помощи бега, но гораздо труднее – при помощи плавания, катания на коньках, лыжах и т.п., поскольку предварительно надо овладеть присущей этим видам сложной техникой быстрых перемещений. Также бег не требует сбора команды, оборудованных территорий и совсем необязательна дорогая экипировка. Таким образом, становится понятно, почему возник беговой бум 70-х годов в Европе, США, Австралии и Новой Зеландии, породивший многочисленные клубы любителей бега, основными целями участия в которых было укрепление здоровья, достижение культурно одобряемых телесных кондиций и психологическая разгрузка, восстановление нормального самочувствия утомлённого горожанина: «Вопреки многовековой традиции, в настоящее время снятие усталости и перегрузок не может осуществляться лишь спонтанным, естественным путем. Эффективность обеспечения рекреации становится искусством. Человека, не овладевшего им, ожидают тяжелые заболевания и преждевременная смерть» [Козлов Ф. М. Гуманистический потенциал культуры и условия его реализации: специальность 13.00.05 – Теория, методика и организация социально-культурной деятельности: автореферат диссертации на соискание учёной степени доктора педагогических наук. СПб., 2007. С. 31].

В заключение следует отметить, что в здоровьесберегающем регистре Новейшего времени наблюдается самая короткая дистанция между ходьбой и бегом, их частые взаимопереходы (как упражнение ходьба-бег в комплексе ГТО). Именно в рамках физической культуры отрефлексирована и широко практикуется промежуточная форма движения – бег трусцой: у кого-то он ближе к расслабленному бегу, а кто-то движется таким образом со скоростью пешехода, едва поднимая ноги от земли. В английском языке бег и бег трусцой противопоставляются даже на уровне названий: *running* и *jogging*. Проблематизируя особость промежуточного вида локомоции и невыраженность его конечной цели (а как можно точно и окончательно представить достижение оздоровления, учитывая огромное количество параметров организма?) Ж. Бодрийяр пишет о том, что *jogging* «это не есть собственно бег – бегун заставляет свое тело бежать. <...> Нескончаемость этого бега трусцой (как и психоанализа) схожа с бесконечным исполнением движения без цели, хотя бы иллюзорной. У того, что не имеет конца, нет причины для остановки. <...> Нет, кажется, ничего более бессмысленного, чем эта манера бежать, без конца реализуя способность бегать. Но люди бегут...» [41, с. 70-71]. Ж. Бодрийяр механизирует *jogging*, метафорически полагая его происходящим в отсутствие субъекта: здесь нет радостной вовлеченности ходока в рассматривание мира, нет детской игривости ординарного бегуна или сосредоточенности на множестве

аспектов движения и соревновательной ситуации сознания спортсмена. Бег трусцой – это просто включенный на минимальных оборотах телесный механизм, нуждающийся в такого рода функционировании для самосохранения. Эта автоматизация «джоггинга» находит подтверждение в том, что фитнес-бег нередко осуществляется на механических беговых дорожках, где бег программируется исключительно по физическим параметрам: время, скорость, наклон полотна, величина пульса и т.п., отчего человек становится продолжением адской машины, которая взывает с него монотонностью движения и усталостью плату за грехи чревоугодия и лени, уподобляя некоторым обитателям дантовского ада, наказанным вечным бегом без остановок. Однако же в отличие от имеющих четкие цели бегунов-спортсменов, которые ради их достижения могут пускаться во все тяжкие, джоггеров «регулярно бегать мотивирует желание развивать добродетельные привычки и укреплять собственное психическое и физическое здоровье. И они делают это, потому что здоровье и добродетель, достижению которых способствует бег, помогают им хорошо выполнять свою работу и приносить пользу тем, с кем они общаются» [\[42, р. 53\]](#). Именно это, по мнению автора приведенного суждения Р. Дж. ван Аррагона, является лучшей причиной для бега.

Первая часть исследования культурной преемственности ходьбы и бега позволяет прийти к следующим **выводам**:

1 . В онтогенезе ходьба – это культурный навык, который формируется благодаря активному пребыванию субъекта (ребенка) в среде, включающей взрослых воспитателей, а также различные свойства местности, обеспечивающей необходимость и возможность ходьбы (Т. Инголд). Основу формирования этого навыка, согласно М. Моссу, обеспечивает «престижное подражание» обусловленным габитусом «техникам тела». Ходьба выступает основой бега как в биологическом, так и в культурном регистрах.

2 . Культурное содержание бега усматривается Дж. Бэйлом в мотивации бегущего и в достижении обусловленных ею телесных эффектов. На основе его подхода в статье предлагается типологически различать бытующие в царстве свободы пять видов бега, опирающихся на соответствующие им разновидности ходьбы: ходьба/бег для удовольствия; ходьба/бег для здоровья; ходьба/бег для личностного развития; ходьба/бег для достижения политических целей; ходьба/бег как спортивные практики.

3 . Названия представленных видов ходьбы/бега конкретизируют содержание их гуманистического потенциала, а способом его сохранения и развития в истории человечества является **культурная преемственность**, которая осмысливается с опорой на содержание понятий «социальная преемственность», «культурная память», «(телесно) воплощенная память», «универсалии культуры», «традиции» (определяющие опыт прошлых поколений в формах precedента и ритуала), «актуализация традиции», «новации».

4 . Бег для удовольствия формируется на основе свободного (не вынужденного практически) пешего движения, перешедшего в игровую форму, то есть осуществляемого исключительно ради достижения порождаемых беговой локомоцией и не обретаемых вне ее телесно-психических состояний, которые нравятся человеку.

5 . Преемственность здоровьесформирующих ходьбы и бега заключается в том, что оптимально подобранная беговая активность **интенсифицирует** оздоровительные свойства ходьбы, позволяя за тоже время движения добиться большего оздоровительного эффекта. Свообразие положительного воздействия бега на организм

человека усматривается в прыжковой составляющей данного вида локомоции (что отсутствует в других циклических видах движения), благодаря которой бегун достигает значительного биомеханического резонанса, имеющего выраженный оздоравливающий эффект.

6 . В рамках здоровьесформирующих ходьбы и бега осмысляется и практикуется промежуточная форма движения – бег трусцой (jogging), отчетливо проявляющая как физическую, так и метафизическую преемственность этих видов локомоции.

Библиография

1. Anderson D. Recovering Humanity: Movement, Sport and Nature // Journal of the Philosophy of Sport. 2001. No. 28:2. Pp. 140-150. doi: 10.1080/00948705.2001.9714609
2. Кагге Э. Прогулка. Самый простой источник радости и смысла. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2021.
3. Amato J. A. On Foot: a history of walking. New York: University Press, 2004.
4. Nicholson G. The lost art of walking: the history, science, philosophy and literature of pedestrianism. New York: Riverhead books, 2008.
5. Solnit R. Wanderlust: a history of walking. New York: Penguin Books, 2001.
6. Bale J. Running cultures: racing in time and space. London: Routledge, 2003.
7. Endurance Running. A Socio-Cultural Examination / Bridel W., Markula P., Denison J. (Eds.). London: Routledge, 2015. doi: <https://doi.org/10.4324/9781315749518>
8. Sheehan G. Running & being: the total experience. Rodale Books, 2013. URL: <https://library.lol/main/5B42BBAAEAEBCA5CA62A20C72392694A> (дата обращения: 26. 06. 2024).
9. Koski T. The phenomenology and the philosophy of running. The multiple dimensions of long-distance running. Springer Cham, 2015. doi: 10.1007/978-3-319-15597-5
10. Running and philosophy: a marathon for the mind / Austin M. W. (Ed.). Hong Kong: Blackwell Publishing Ltd, 2007.
11. Макгонигал К. Радость движения. Как физическая активность помогает обрести счастье, смысл, уверенность в себе и преодолеть трудности. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2021.
12. Ingold T. The Perception of the Environment. Essays on livelihood, dwelling and skill. London: Routledge, 2000.
13. Мосс М. Общества. Обмен. Личность. Труды по социальной антропологии. М.: КДУ, 2011.
14. Баллер Э.А. Преемственность в развитии культуры. М.: Наука, 1969.
15. Рубанов В. Г. Понятие «преемственность» и его социальное измерение // Известия Томского политехнического университета. 2013. Т. 323. № 6. С. 103-110.
16. Рагозина Т. Э. Культурная память versus историческая память // Наука. Искусство. Культура. 2017. Выпуск 3 (15). С. 12-21.
17. Мулен Л. Повседневная жизнь средневековых монахов западной Европы X-XV века. Москва: Классик: Молодая гвардия, 2002.
18. Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада. Екатеринбург: У-Фактория, 2005.
19. Криковецкая О.М., Сизова В.В. Фланерство как способ бытия: от истоков до наших дней // Вестник ТвГТУ. Серия «Науки об обществе и гуманитарные науки». 2021. № 3 (26). С. 27-32.
20. Gros F. A philosophy of walking. London, New York: Verso, 2014.
21. Sheehan G., Sheehan A., Willey D. The essential Sheehan: 30 years of running wisdom from the legendary George Sheehan. Rodale Books, 2013. URL: <https://library.lol/main/050246CF6D4F65F690F0E445D9BB6521> (дата обращения: 26.06.2024).

22. Rowlands M. *Running with the pack. Thoughts from the road on meaning and mortality.* New York, London: Pegasus Books, 2013.
23. Шиллер Ф. Письма об эстетическом воспитании человека. М.: РИПОЛ классик, 2018.
24. Канныкин С.В. «*Homo currens*»: опыт философского исследования эго-текстов современных российских любителей стайерского бега // Философия и культура. 2024. № 3. С.110-131. DOI: 10.7256/2454-0757.2024.3.40556 EDN: FFHJM URL: https://e-notabene.ru/fkmag/article_40556.html
25. Kelly C. *A runner's pain // Running and philosophy: a marathon for the mind /* Ed. by M. W. Austin. Hong Kong: Blackwell Publishing Ltd, 2007. Pp. 89-101.
26. Гиппократ. Избранные книги. М.: Гос. изд-во биол. и мед. лит-ры, 1936.
27. Nutton V. *Renaissance Medicine: A Short History of European Medicine in the Sixteenth Century.* L.; N.Y.: Routledge, 2022. doi: 10.4324/9781003223184
28. Сироткина И. Национальные модели физического воспитания и сокольская гимнастика в России // Социологическое обозрение. 2017. №2. С. 320-339. doi: 10.17323/1728-192X-2017-2-320-339
29. Лесгафт П. Ф. Собрание педагогических сочинений. Т. 1: Руководство по физическому образованию детей школьного возраста. Ч. 1. М.: Физкультура и спорт, 1951.
30. Лесгафт П. Ф. Собрание педагогических сочинений. Т. 2: Руководство по физическому образованию детей школьного возраста. Ч. 2. М.: Физкультура и спорт, 1952.
31. Тиханович П.В. Очерк гимнастических игр у древних греков // Журнал Министерства народного просвещения. 1856. № 12. С. 215-314.
32. Каюмова М.М. Воспитание и образование детей в эпоху Возрождения // Russian Linguistic Bulletin. 2022. №2 (30). URL: <https://rulb.org/archive/2-30-2022-june/10.18454/RULB.2022.30.3> (дата обращения: 09.06.2024). doi: <https://doi.org/10.18454/RULB.2022.30.3>
33. Лесгафт П. Ф. Собрание педагогических сочинений. Т. 4: Основы естественной гимнастики; Отношение анатомии к физическому воспитанию; Приготовление учителей гимнастики: Статьи и выступления: 1874-1890. М.: Физкультура и спорт, 1953.
34. Канныкин С.В. К вопросу о социокультурной специфике развития беговых практик в России // Социодинамика. 2022. № 3. С. 45-66. DOI: 10.25136/2409-7144.2022.3.36759 URL: https://e-notabene.ru/pr/article_36759.html
35. Nabokov P. *Indian running.* Santa Barbara: Capra Press, 1981.
36. Bale J., Sang J. *Kenyan running. Movement culture, geography and global change.* London; Portland, OR: F. Cass, 1996.
37. Канныкин С.В. Социокультурные факторы появления и деятельности клубов любителей бега в СССР // Социодинамика. 2023. № 2. С. 50-65. DOI: 10.25136/2409-7144.2023.2.39709 EDN: HLZBJR URL: https://e-notabene.ru/pr/article_39709.html
38. Мильнер Е. Бег и здоровье // Легкая атлетика. 1983. №3. С. 23.
39. Shilling C. *The Body and Social Theory.* London: Sage, 1993.
40. Гилмор Г. Бег ради жизни. М.: Физкультура и спорт, 1973.
41. Бодрийяр Ж. Прозрачность зла. М.: Добросвет, 2000.
42. VanArragon R. J. *In praise of the jogger // Running and philosophy: a marathon for the mind /* Ed. by M. W. Austin. Hong Kong: Blackwell Publishing Ltd, 2007. Pp. 45-55.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования статьи «Пешеходство и бег: гуманистический потенциал и культурная преемственность. Часть первая» выступает философское осмысление практик беговой активности, к которой автор относит и ходьбу, как предшественнику бега. В статье автора интересует преемственность практик целенаправленной досуговой ходьбы и бега как близких по форме и внутреннему содержанию практик локомоции. Он стремится показать физическую связь ходьбы и бега как внутреннюю закономерность развития культуры.

Методология исследования состоит в анализе существующих работ по философскому осмыслению бега и исследований, посвященных изучению различных сторон беговых практик с позиции возможной их философской интерпретации. Таки образом, применяемая автором статьи методика может быть отнесена к сравнительно-исследовательской.

Актуальность изучения ходьбы и бега в аспекте их культурной обусловленности, связывается в статье с популяризацией этих практик активности и как форм досуга, и как оздоровительных практик. Автор подчеркивает неоднозначность этих способов активности - с одной стороны, бег демократизируется, охватывая все большие слои населения, а с другой – «джентрифицируется», становясь модным увлечением, предполагая достаточно дорогую экипировку.

Научная новизна заключается как в собственных выводах автора, как и в систематизации уже имеющих место исследований. Автор убедительно доказывает, что преемственность ходьбы и бега, направленных на поддержание здоровья, заключается в том, что оптимально подобранная беговая активность интенсифицирует оздоровительные свойства ходьбы, позволяя за тоже время движения добиться большего оздоровительного эффекта. В статье подчеркивается важность «игрового начала» в беге и ходьбе, поскольку бег для удовольствия формируется на основе свободного пешего движения, осуществляющегося исключительно ради достижения порождаемых беговой локомоцией и не обретаемых вне ее телесно-психических состояний, которые нравятся человеку.

Стиль статьи характерен для научных публикаций в области гуманитарных исследований, в нем сочетается четкость формулировок ключевых тезисов и логически последовательная их аргументация.

Структура и содержание полностью соответствуют заявленной проблеме. Несмотря на подзаголовок "Часть первая" и объем и содержание статьи позволяют охарактеризовать ее как логически завершенное, самостоятельное исследование.

Библиография статьи включает 42 наименования работ как отечественных, так и зарубежных авторов, посвященных рассматриваемой проблеме.

Апелляция к оппонентам является главным достижением автора, который выстраивает собственные размышления на прочном фундаменте предшествующих исследований. Он вводит в орбиту разговора о досуговой ходьбе и беге работы историков спорта (Т. Э. Рагозина, Н. М. Мамедова), медиков и психологов (Джордж Шихан, Келли Макгонигал), классических и современных философов (А. Несса, Дж. Бэйла) и др.

Статья вызовет интерес как у исследователей беговых и оздоровительных практик (тренеров, медиков, психологов, педагогов), так и у широкой публики. Автор в своей статье дает замечательный пример философской рефлексии такого аспекта актуальной социальной реальности, как ходьба и бег.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не

раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования в представленной статье является пешеходство и бег в контексте гуманистического потенциала и культурной преемственности.

В качестве методологии предметной области исследования в данной статье были использованы дескриптивный метод, исторический метод, метод категоризации, метод анализа, метод обобщения, метод сравнения.

Актуальность статьи не вызывает сомнения, поскольку пешая ходьба и беговая активность в современном обществе рассматривается как многоаспектное явление, которое связано с «обретением смысла жизни, повышением самооценки на основе успешного ответа на вызовы самому себе, достижением физического и психологического благополучия как составляющих целостного человека, важностью принадлежности к группе, развивающей и транслирующей гуманистически и биофизически ориентированный идеально-ценностный комплекс».

Научная новизна исследования заключается в подробном описании и анализе пешей ходьбы и бега в качестве особых культурных феноменов и характеристики их особенностей.

Статья написана языком научного стиля с грамотным использованием в тексте исследования изложения различных позиций авторитетных ученых к изучаемой проблеме и применением научной терминологии и дефиниций, характеризующих предмет исследования.

Структура выдержана с учетом основных требований, предъявляемых к написанию научных статей, в структуре данного исследования можно выделить такие элементы как вводную часть, постановку проблемы и задачи исследования, основную часть, выводы и библиографию.

Содержание статьи отражает ее структуру. Особенno ценным в содержании исследования следует отметить авторский анализ ходьбы и бега в различных ценностно-смысловых значениях в жизнедеятельности личности, а именно, для удовольствия и для здоровья.

Библиография содержит 42 источника, включающих в себя отечественные и зарубежные периодические и непериодические издания.

В статье приводится описание различных позиций и точек зрения известных ученых к пониманию пешей ходьбы и бега как особых социокультурных феноменов и их значения для развития личности, а также содержится апелляция к известным авторитетным трудам и источникам, посвященных этой тематике.

В представленном исследовании содержатся выводы, касающиеся предметной области исследования. В частности, отмечается: «1. В онтогенезе ходьба – это культурный навык, который формируется благодаря активному пребыванию субъекта (ребенка) в среде, включающей взрослых воспитателей, а также различные свойства местности, обеспечивающей необходимость и возможность ходьбы (Т. Инголд). Основу формирования этого навыка, согласно М. Моссу, обеспечивает «престижное подражание» обусловленным габитусом «техникам тела». Ходьба выступает основой бега как в биологическом, так и в культурном регистрах.

2. Культурное содержание бега усматривается Дж. Бэйлом в мотивации бегущего и в достижении обусловленных ею телесных эффектов. На основе его подхода в статье предлагается типологически различать бытующие в царстве свободы пять видов бега, опирающихся на соответствующие им разновидности ходьбы: ходьба/бег для удовольствия; ходьба/бег для здоровья; ходьба/бег для личностного развития; ходьба/бег для достижения политических целей; ходьба/бег как спортивные практики.

3. Названия представленных видов ходьбы/бега конкретизируют содержание их

гуманистического потенциала, а способом его сохранения и развития в истории человечества является культурная преемственность, которая осмысливается с опорой на содержание понятий «социальная преемственность», «культурная память», «(телесно) воплощенная память», «универсалии культуры», «традиции» (определяющие опыт прошлых поколений в формах precedента и ритуала), «актуализация традиции», «новации».

4. Бег для удовольствия формируется на основе свободного (не вынужденного практически) пешего движения, перешедшего в игровую форму, то есть осуществляется исключительно ради достижения порождаемых беговой локомоцией и не обретаемых вне ее телесно-психических состояний, которые нравятся человеку.

5. Преемственность здоровьесформирующих ходьбы и бега заключается в том, что оптимально подобранная беговая активность интенсифицирует оздоровительные свойства ходьбы, позволяя за тоже время движения добиться большего оздоровительного эффекта. Свообразие положительного воздействия бега на организм человека усматривается в прыжковой составляющей данного вида локомоции (что отсутствует в других циклических видах движения), благодаря которой бегун достигает значительного биомеханического резонанса, имеющего выраженный оздоравливающий эффект.

6. В рамках здоровьесформирующих ходьбы и бега осмысляется и практикуется промежуточная форма движения – бег трусцой (jogging), отчетливо проявляющая как физическую, так и метафизическую преемственность этих видов локомоции».

Материалы данного исследования рассчитаны на широкий круг читательской аудитории, они могут быть интересны и использованы учеными в научных целях, педагогическими работниками в образовательном процессе, работниками спортивных организаций, специализирующихся на работе с различными социальными группами, тренерами, инструкторами по ходьбе, социальными работниками, психологами, аналитиками и экспертами.

В качестве недостатков данного исследования следует отметить, то, что название статьи, возможно, целесообразно было бы пересмотреть и сформулировать единым предложением без указания части исследования, даже если предполагается к написанию серия статей по заявленной научной проблеме. В статье не были четко определены и выделены ее структурные элементы, такие как введение, актуальность, методология исследования, результаты исследования и обсуждение их результатов, хотя они, несомненно, прослеживаются в его содержании, однако, отдельно они не обозначены соответствующими заголовками. Все сноски и обращение к источникам необходимо оформить единообразно, а в тексте исследования встречаются обращение к источникам, встроенным в текст в квадратных скобках, но не оформленные сноской и не вынесенные в библиографический список, например, [Walking Tours, by Robert Louis Stevenson. URL: <https://www.thoughtco.com/walking-tours-by-robert-louis-stevenson-1690301>(дата обращения 18.05.2024)], [Ахмедова О. Бег навстречу себе. О марафонах, жизни и надежде. М. : Манн, Иванов и Фербер, 2023. С. 189], [Козлов Ф. М. Гуманистический потенциал культуры и условия его реализации: специальность 13.00.05 – Теория, методика и организация социально-культурной деятельности: автореферат диссертации на соискание учёной степени доктора педагогических наук. СПб., 2007. С. 31] и др. Поэтому необходимо обратить внимание на требования действующих ГОСТов при оформлении сносок и библиографии. Библиографический список, возможно, стоило бы пересмотреть в сторону сокращения, так как для такого вида научно-исследовательской работы как статья, он очень обширен. Саму статью можно было бы дополнить обобщающим заключением, а не ограничиваться только выводами по проведенному исследованию. Указанные недостатки не снижают высокую научную

значимость самого исследования, а скорее относятся к оформлению текста статьи.

Статью рекомендуется опубликовать.

Человек и культура

Правильная ссылка на статью:

Кутишев А.В. Оборона Ломбардии 1705 г. Ситуативные успехи герцога Вандома и перспективные неудачи Евгения Савойского // Человек и культура. 2025. № 3. DOI: 10.25136/2409-8744.2025.3.74159 EDN: GOSXSQ URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=74159

Оборона Ломбардии 1705 г. Ситуативные успехи герцога Вандома и перспективные неудачи Евгения Савойского

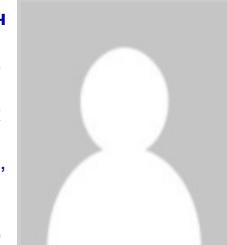
Кутишев Александр Васильевич

ORCID: 0000-0001-6921-3344

кандидат исторических наук

доцент, кафедра управления в социальных и экономических системах, философии и истории,
Уральский государственный университет путей сообщения

620000, Россия, Свердловская область, г. Екатеринбург, ул. Колмогорова, 66

akutishev@usurt.ru

[Статья из рубрики "Историческая культурология и история культуры"](#)

DOI:

10.25136/2409-8744.2025.3.74159

EDN:

GOSXSQ

Дата направления статьи в редакцию:

19-04-2025

Аннотация: Объектом исследования является военное искусство периода войны за испанское наследство (1701–1714 гг.). Предметом научного поиска выступают отдельные аспекты военного дела эпохи: разработка замысла и определение плана кампании, стратегия и тактика ведения боевых действий, формы и методы достижения оперативных целей. Автор уделяет особое внимание роли маневра и полевого боя, а также обеспечению надежной логистики и линий сообщения между войсками и тылом. Целью статьи является выявление особенностей европейского военного искусства начала XVIII века. В центре статьи – боевые действия между франко-испанской армией герцога Ж. Вандома и имперскими войсками Евгения Савойского в Северной Италии летом – осенью 1705 года. Методологической базой исследования выступает историко – системный подход, который предполагает анализ объекта исследования, как целостного комплекса взаимосвязанных элементов. Методологической базой исследования выступает историко – системный подход, который предполагает анализ объекта исследования, как

целостного комплекса взаимосвязанных элементов. Научная новизна заключается в том, что в статье с привлечением мемуарно-эпистолярных и военно-исторических источников представлена отдельная военная кампания, до сих пор не нашедшая отражения в отечественной историографии. В результате исследования автор пришел к выводу, что в военных действиях в Ломбардии в 1705 г. проявились как типичные, так и специфические черты военного искусства эпохи. Особенность проявилась в активном решительном характере военных действий, в настойчивости и целеустремленности таких военачальников, как герцог Л.-Ж. Вандом, принц Евгений Савойский. Типичными чертами стали склонность к сковывающему методизму и шаблону в управлении, доминирование логистики над оперативными задачами, преобладание маневрирования на коммуникации противника над полевым сражением, позиционный характер войны.

Ключевые слова:

Династические войны, западноевропейское военное искусство, Людовик XIV, герцог Л.-Ж. Вандом, Евгений Савойский, форсирование рек, маневренная тактика, Тыловые коммуникации, битва при Кассано, занятие зимних квартир

Введение

Актуальность исследования обусловлена эскалацией военно-политического конфликта между Россией и Западом, грозящего перерasti в третью мировую войну. В историософском прочтении он имеет все основания рассматриваться, как обострение перманентного кризиса мировых цивилизаций. Претендующий на экзистенциальность, современный конфликт не только приводит в действие прикладные военные – политические практики, но и активизирует рефлексию глубинных цивилизационных смыслов. В этой связи, особый интерес привлекает военно – профессиональная культура, как неотъемлемая часть западноевропейской и русской цивилизаций. Настоящая работа продолжает серию статей о войне за испанское наследство (1701 – 1714 гг.), крупнейшему военному конфликту с участием ведущих западноевропейских держав, проходившему одновременно с Великой Северной войной (1700 – 1721 гг.) [3, 4, 5]. Только одно это совпадение вызывает естественное желание провести параллели между крупнейшими войнами начала XVIII века, сравнить военное дело России и передовых европейских держав эпохи позднего феодализма. При этом военная культура рассматривается как неотъемлемость цивилизационной ойкумены, в котором Запад и Восток обречены на историческое сосуществование. Исследование войны за испанское наследство (1701 – 1714 гг.) позволяет глубже проникнуть в европейскую культуру накануне Нового времени с её нравственной, политической и социальной рефлексией. Способствовать глубокому пониманию сущностных истоков культурных противоречий, содействовать формированию механизма их предупреждения и разрешения – такова, по большому счету, задача настоящего исследования.

Теоретическая база исследования. Исследование военной кампании 1705 года проведено с привлечением обширной военной корреспонденции Людовика XIV, принца Евгения Савойского, а также герцога Л. – Ж. Вандома и Великого приора. Собранная и систематизированная такими исследователями, как Ж. Ламберти, Ф. Хеллер, Ф. Во и Ж. Пеле, она затрагивает самый широкий спектр военного дела, от – глобальной стратегии до – самых обыденных проблем [10, 13, 18]. Подробные записки остались непосредственные участники этой кампании, шевалье Ж. Кенси и Фолар, маркиз Ш.

Кенси и генерал Сент – Илер [14, 16, 21, 22]. Любопытны воспоминания весьма осведомленных придворных короля – солнца, маркизов Сюрша и Донжо [8, 12]. Военно – профессиональный нарратив статьи основывается на многотомном академическом труде австрийского генштаба конца XIX века «Feldzuge des Prinzen Eugen von Savoyen», 7 – ой том которого подробно освещает боевые действия 1705 года [20]. Описание кампании с французской стороны представлено в 5 томе фундаментального труда историков Ф. Во и Ж. Пеле [18]. Общий обзор военных действий с детальным оперативно – тактическим анализом заимствован у таких европейских историков, как А. Арнет, Х. Перини, Н. Хендерсон [7, 11, 19]. Особый интерес вызывает освещение событий отечественными военными историками XIX века Н. Голицыным, А. Пузыревским [1, 2, 6].

Практическая значимость настоящей статьи заключается в том, что материал, представленный в ней, особенно интересен в свете компаративного сопоставления этой общеевропейской войны и «нашей» Великой Северной войны 1700 – 1721 гг. Анализ военного дела России и Западной Европы начала XVIII века может стать новым импульсом историософскому дискурсу об отечественной цивилизационно – культурной идентичности.

Исследования и результаты

Выполняя волю Императора Священной Римской империи Евгений Савойский, один из наиболее одаренных и опытных военачальников эпохи, летом 1705 года перешел в наступление в Ломбардии. Его задачей было спасти от неминуемой катастрофы герцога Виктора – Амадея Савойского, нового и весьма ценного союзника Вены. Задача была трудновыполнимой – принцу Евгению нужно было преодолеть около 300 км от оз. Гарда до Турина по территории, контролируемой французами. Каждый шаг предстояло оспаривать в тяжелых боях, причем противник располагал значительными силами и в любой момент мог усиливаться за счет резервов. Тем не менее, начало кампании было многообещающим. Ловким маневром Евгений Савойский смог обойти оборонительные позиции французов, выйти на оперативный простор и с боем форсировать важную преграду на пути в Пьемонт, р. Ольо. Командующий франко – испанской группировкой в Ломбардии, Л. Бурbon – Вандом, Великий приор, допускал оплошность за оплошность. Его тактика, типичная для той эпохи, сводилась к маневрированию на коммуникации противника и попытках угрожать его флангам. Против решительного и инициативного Евгения Савойского она оказалась бесполезной. Успешное форсирование Ольо подталкивало к развитию наступления к р. Адда, но Евгений Савойский решил заняться обустройством армейского тыла. Уставшая армия нуждалась в отдыхе и восстановлении сил. Оперативная пауза была заполнена активными действиями разведывательных отрядов, рейдов партий и фуражировками. Вслед за имперцами французы также перешли Ольо ниже Понтевико, и двинулись к Сончино. Дневной переход стал для них настоящим испытанием и стоил около 100 человек, павших от теплового удара. «Была такая жара, что многие падали замертво. Обочины дороги, по которой мы шли, были усеяны телами солдат и офицеров – зрелище весьма печальное», – вспоминал участник похода шевалье Кенси [21, р. 101 – 102]. У Сончино французская армия также долго не задержалась. Великий приор наконец-то уяснил, что гипотетической фланговой угрозой энергичного принца не удержать, и поэтому поспешил к Адде, намериваясь на её рубеже организовать оборону. 3 июля французская армия двумя колоннами устремилась к Креме, переправилась через р. Серио и встала на отдых у Омбриано. Группировка Великого приора насчитывала 36 батальонов и 50 эскадронов [20, с. 196]. Вперед к Кассано был отправлен отряд генерала Брольи в составе 7 батальонов и 3 эскадронов.

Попытка Евгения овладеть нижним течением р.Ольо. Оставление французами Сончино не укрылось от внимания Евгения Савойского. Этот населенный пункт был важным транспортным узлом на р. Ольо. Отсюда пролегали удобные пути через Тревильо и Лоди к Адде, через Кремону – к По, главной водной коммуникации Италии. Не смотря на неоднократные предостережения Вандома и Версаля, Великий приор не придавал Сончино особого значения и ограничился оставлением там небольшого гарнизона. Этой оплошностью решил воспользоваться Евгений. 10 июля перед Сончино появился отряд барона Иссельбаха в составе 6 батальонов с конницей и артиллерией. Обстрел из пушек и решительная атака быстро сломили волю к сопротивлению, и 11 июля французский гарнизон сложил оружие [\[20, с. 198\]](#). «669 солдат оказались военнопленными. Среди них были и дезертиры, которых казнили в первую очередь. Там нашли пять бронзовых пушек и госпиталь, ... кроме того, большое количество муки, что позволило некоторое время кормить всю армию» [\[13, р. 506\]](#).

Можно предположить, этот успех впоследствии сыграет злую шутку с Евгением. Очередная, причем, легкая удача соблазняла и отвлекала от первоначального устоявшегося плана. Возникла манящая перспектива наступления в южном направлении, открытом после ухода Великого приора к Адде. Евгений решает прозондировать обстановку на Ольо вплоть до её впадения в По. Вниз по реке были отправлены сильные отряды подполковника Сент – Амора, барона Ветцеля и другие. Они проникали вглубь территории, захватывая населенные пункты и переправы на реке. 17 июля Ветцель рапортовал Евгению, «что он и его отряд находятся в Остиано, и что еще несколько человек находятся в Маркарии, и что в Гаццуоло находится около 100 человек» [\[20, с. 203\]](#). Обнадеживающие вести одолели последние сомнения, и принц меняет первоначальный замысел. Он решает вести войска к р. По, форсировать её в районе Кремоны и правым берегом прорываться в Пьемонт.

В это время на театре появляется сам герцог Вандом. Неутешительные известия из Ломбардии застали его под стенами Кивассо. «Узнав об успехах принца Евгения, он ... сразу же выехал, чтобы присоединиться к Великому приору, своему брату, предварительно приказав генералу Альберготти следовать за ним с 10 батальонами и 10 эскадронами» [\[21, р. 108\]](#). Прибыв 13 июля в Лоди, он энергично взялся за устранение «небольших помех, которые переправа принца Евгения через Ольо внесла в дела Ломбардии», как деликатно сообщал Вандом королю [\[8, р. 302\]](#). На самом деле герцог не скрывал своего раздражения Великим приором и прилюдно обвинял родного брата в бездарности, особенно за потерю Сончино, Остиано и Канетто.

15 июля Евгений двинул армию на юг, но уже на подходе к Романенко неожиданно наткнулся на французов. Это были передовые части Вандома уже занявшие деревню, «на четверть часа опередив передовой дозор имперцев» [\[20, с. 203\]](#). Оправившись от неприятного сюрприза, Евгений атакует, но противник, отступив, разворачивается в боевой порядок у Сорезины, перекрыв дорогу на юг.

Не теряя времени, Вандом приступает к наращиванию обороны. Французы энергично зарываются в землю на флангах и перед фронтом. Каждая высота и складка местности горячо оспаривается в коротких ожесточенных схватках. Тем временем Великий приор начинает операцию по возвращению Остиано, Каннето и др. укрепленных населенных пунктов на реке. Стянув в единый кулак 8 батальонов и 11 эскадронов, к концу июля он фактически очищает нижнее течение Ольо. Всё это время Евгений стоит у Романенко в бессилии предпринять что-либо решительное для оказания помощи своим гарнизонам. В

конце концов, убедившись в неприступности французских позиций, не без сожаления он отказывается от плана наступления на Кремону и По.

Марш императорской армии на Адду. Время не позволяет Евгению долго бездействовать, да и выбор был не велик – остается лишь одна дорога на запад, через р. Адду на Милан. 10 августа после захода солнца имперские полки сворачивают свои палатки, грузят обозы и в полном молчании покидают лагерь. Всё происходит «так скрытно и так умело, что Вандом узнает об этом только на рассвете» [\[21, р. 110\]](#), когда имперские колонны уже подходят к Пьеранике. Их путь лежит на север, к слиянию рек Брембо и Адда, где Евгений наметил место переправы.

Французская армия немедленно устремляется за ускользнувшим неприятелем. Располагая сведениями, что имперцы располагают понтонно – мостовым парком, Вандом не сомневается, что Евгений попытается форсировать Адду. 12 августа Вандом достиг Лоди, а уже утром 13 – Кассано, где узнает, что противник готовится переправляться между Треццо и Ваприо. Силы французов в этом секторе составляют всего 6 батальонов и 33 эскадронов, крайне недостаточно, чтобы оборонять такой протяженный участок реки [\[20, с. 213\]](#).

Утром 14 августа напротив замка Палаццо Парадизо саперы Евгения Савойского приступают к возведению моста. Работы прикрывает батарея тяжелых пушек. Её меткий огонь по замку вынуждает гарнизон отступить от реки. Не смотря на сильное течение и нараставшее сопротивление, к вечеру 15 августа мост почти готов. Но к этому времени французы успевают подтянуть несколько батальонов и, в свою очередь, открывают шквальный огонь по переправе. Правый берег Адды возвышался над – левым, более пологим, что делало огонь французов более точным и эффективным. Не смотря на это, имперцы все же захватывают плацдарм на правом берегу, потеряв около 30 человек убитыми и ранеными [\[20, с. 213\]](#). Прискакав на место боя, Вандом быстро оценивает обстановку и отдает необходимые распоряжения. Все марширующие к Палаццо Парадизо войска получают приказ следовать к Корнате, в 5 км от места переправы, где герцог решает встретить армию Евгения Савойского.

Всё это время принца Евгения не оставляли сомнения в правильности сделанного выбора: все же местность на той стороне благоприятствовала противнику, он с каждой минутой усиливался и, судя по всему, серьезно готовился к сопротивлению. Оценив ситуацию и осознав, что без кровопролитного боя здесь не прорваться, Евгений принимает нелегкое решение. Оставив на месте отряд генерала Стиллена для дальнейшей имитации переправы, он спустится вниз, к Лоди, где беспрепятственно перейдет Адду. Немедленно были отданы соответствующие распоряжения, и армия пришла в движение. Лагерь у Брембато был оставлен в полной тишине. Батальоны, уже подходившие к Палаццо Парадизо, были развернуты в противоположном направлении. К утру 16 августа армия двумя колоннами подошла к Тревильо. Здесь были взяты пленные, которые показали, что Великий приор стоит «с 20 батальонами и 30 эскадронами по эту сторону Адды перед Кассано, за трудным для переправы каналом» [\[13, р. 509; 19, р. 144; 20, с. 217\]](#), что французы находятся в большом беспорядке, что обозы смешались с пехотой, а многочисленные повозки заблокировали переправы. Эти данные заставили вновь все поменять: Евгений решает рискнуть и пробиться силой через Кассано. На рекогносцировку и совещания времени не оставалось. Армия, 43 батальона и 66 эскадронов, поворачивает к Адде и на марше развертывается в боевой порядок [\[20, с. 219\]](#). Это движение, однако, не осталось не замеченным для французов. С колокольни

Кассано наблюдатели прекрасно видели клубящиеся над марширующими войсками тучи пыли. Искавший заблудившийся обоз шевалье Фоллар, едва не столкнулся с колонной имперской пехоты [16, р. 35 - 36]. Поднятая тревога быстро распространялась по округе, и вскоре к Кассано со всех сторон спешили отряды французов.

Такова предыстория битвы при Кассано 16 августа 1705 года. Обе стороны отдавали себе отчет о важности предстоящего дела. По сути, у Кассано, с удобными мостами через Адду, решалась судьба Италии, поэтому и имперцы, и французы бились насмерть. Солдаты обеих армий проявили исключительное мужество, стойкость и упорство [14, р. 184 – 188; 16, р. 35 – 38; 18, р. 330 – 334, 726 – 736; 19, р. 147 – 153; 20, с. 215 – 225; 21, р. 119-130; 22, р. 605 – 614]. Принц Евгений вспоминал: «Невозможно описать тот

непрекращающийся с обеих сторон огонь, которого я никогда ещё не видел, сквозь который приходилось шагать нашим солдатам. Но как бы ни был ужасен этот кровавый день, вся императорская армия от генерала до рядового сражалась храбро и невероятно стойко» [20, с. 221]. Битва длилась всего около 4 часов, но стоила больших жертв. В ней нашли героическую смерть граф Лейнинген, генерал Бибра, принц Лотарингский и десятки других генералов и офицеров. Были ранены сам герцог Вандом, Евгений Савойский – дважды, принц Ангалт – Дессау, командующий прусским контингентом. Имперская армия потеряла около 4000 солдат [20, с. 224], франко – испанская – около 3000 [18, р. 510]. В конце концов, Евгений вынужден был уступить и отвести армию с заваленного мертвыми телами поля. Уже 22 августа Версальский двор знал «о великой битве в Ломбардии, ... слава этого сражения обязана бдительности и мужеству господина Вандома. Принц Евгений атаковал его очень энергично и даже имел некоторое преимущество вначале, но конец был для него весьма плачевным» [8, р. 340; 12, р. 398]. В свою очередь Евгений в письме Мальборо заверял, что «враги были разбиты, что кажется почти невозможным, поскольку обстановка для них складывалась очень

благоприятно» [\[13, р. 510\]](#).

Дальнейшие действия принца Евгения в Ломбардии. От Кассано имперская армия отошла к Тревилью, где был разбит лагерь. После кровавой битвы её состояние было плачевным. Общие потери с учетом дезертиров, больных и раненых возросли до 6000 человек. В строю оставалось лишь 10 000 пехотинцев и 3500 кавалеристов [\[20, с. 225\]](#). «Я сейчас занят тем, что эвакуирую больных и раненых в Тироль. Пока это не будет сделано, я не смогу двигаться отсюда», - писал Евгений графу Галласу в Лондон [\[10, с. 659\]](#). Кроме всего прочего, все острее ощущался недостаток продовольствия: «Болезни от недостатка хлеба начинают проявляться очень сильно,...полки часто по два-три дня остаются без хлеба» [\[10, с. 659\]](#). «Ввиду ограниченности ресурсов ... восстановление боеспособности растянулось на время. Евгений оставался без движения в течение четырех недель, тщательно охраняемый противником, расположившимся напротив» [\[7, с. 332\]](#). Действительно, уже 20 августа французы появились поблизости, у Аньяделло. Отсюда они следили за каждым шагом неприятеля, контролируя переправы как через Ольо, так и через Адду. Так, друг напротив друга, противники провели до начала октября. Именно этой паузой объясняет последующие неудачи Евгения Савойского военный историк XIX века Н. С. Голицын: «Принц Евгений...действовал с удивительными для него медлительностью и нерешительностью – и поэтому всегда был предупреждаем Вандомом» [\[1, с. 109\]](#).

Всё это время призывы из Пьемонта не прекращались, и Евгений, как человек чести и высокой репутации, заверял герцога Савойского, что «тверд в намерении снова попытаться переправиться через Адду, если для этого представится возможность, или же повернуть к По» [\[10, с. 661\]](#). Приближающаяся осень с её распутицей заставляла торопиться, и принц предпринимает последнюю, почти безнадежную попытку прорваться в Пьемонт через По. Во избежание утечки информации в свои планы он никого не посвящает. Внезапно для всех 9 октября «через два часа после отдачи пароля» [\[20, с. 228\]](#) прозвучал приказ, и армия выступила из Тревилью на Караваджо. Марш проходил в трудных условиях. Уже несколько дней в округе не прекращались проливные дожди. Дороги превратились в потоки жидкой грязи. Местные речки, обычно мелкие и узкие, превратились в полноводные потоки. Окрестные мосты и дороги были приведены в негодность французской конницей. Обозные повозки и пушки, постоянно застревая в грязи, создавали заторы в пути. Наконец, у Кремы выбившимся из сил солдатам был предоставлен отдых. Несколько дней Евгений раздумывал о дальнейшем маршруте, добывая информацию о противнике и окружающей обстановке.

Реакция Вандома на неожиданный ход Евгения была мгновенной и решительной. Ускоренными переходами он бросается на его перехват. Шевалье Кенси, участник этой гонки, вспоминал: «Менее чем за десять часов мы преодолели тридцать миль» [\[21, р. 140\]](#), проделав изрядный крюк через Лоди и Гамбито. 15 октября Вандом буквально перед самым носом Евгения занимает переправу через р. Серио у Монтодине, перерезав ему путь на юг. Не ожидавший такого оборота событий, Евгений вынужден был отойти и развернуться в боевой порядок.

Как это не раз случалось, вновь противники оказываются друг напротив друга на дистанции пушечного выстрела, разделенные рекой Серио. Утром 16 октября Вандом атакует авангард Евгения, закрепившийся по эту сторону реки. Бой длился два часа. Французы были отбиты, но Евгений понимает, что здесь через Серио ему не пройти [\[20, с. 229\]](#).

[\[228\]](#). 17 октября имперская армия разворачивается на Крему, чтобы перейти Серио там. Французы преследуют их противоположным берегом. Утром 18 октября противники вновь сталкиваются на мосту в Креме. До самого вечера армии простояли друг против друга, не решаясь вступить в бой. По воспоминаниям Евгения «оживленная перестрелка из тяжелых и полковых орудий продолжалась весь день и всю ночь. Потери с нашей стороны были невелики, около 20 человек» [\[20, с. 234\]](#). Узнав, что у Моцаники Серио можно перейти вброд, тем более, что к этому времени дожди прекратились, Евгений ведет армию еще выше по реке.

20 октября имперцы подходят к Моцанике. На этот раз Евгений настроен прорываться силой: «Конница и пехота переходили реку по пояс в воде с мрачной решимостью..., отбросить противника, хотя изрядно утомились из-за тяжелого марша...» [\[20, с. 234\]](#). На удивление, на противоположном берегу французов не оказалось. Уставшая имперская армия располагается лагерем у Габбьяно, а затем переходит к Фонтанелло. Вновь на театре устанавливается затишье. Евгением все больше одолевают сомнения по поводу целесообразности дальнейших перспектив. Затяжные осенние дожди окончательно превратили окрестности в непроходимые болота. Все чаще возникали перебои с продовольствием и фуражом. Осенняя распутица окончательно вступала в свои права, а там и до зимней стужи недалеко. Свои взгляды он излагает императору Иосифу в письме 30 октября: «Октябрь месяц заканчивается, и все остree встает вопрос: где занять зимние квартиры и как снабжать армию всем необходимым ..., противник большую часть своих сил из Пьемонта перебрасывает сюда против меня, следовательно, ...я не уверен, смогу ли я пересечь Адду» [\[20, с. 238\]](#). Не без сожаления Евгений оставляет свои планы и сосредотачивается на обеспечении зимних квартир для утомленной армии. После недолгих раздумий, выбор падает на район Монтекьяро – Карпендоло – Кастильоне, наиболее удобный с точки зрения тыловой логистики и защищенности. Отдав предварительные распоряжения, 3 ноября Евгений переходит Олью и встает лагерем в Ураго, место сбора для всех отрядов и удаленных гарнизонов.

Французы не меньше имперцев терпели невзгоды от осенней непогоды и нуждались в отдыхе, но Вандом уже задумывается о будущей кампании. В своем письме королю от 31 октября он отмечает: «Если бы нам посчастливилось отбросить врага от Олью в горы и занять все горные проходы, ... в будущей кампании они будут вынуждены вести войну на Минчио или в Ферраре, а наша оборона легко достигнет своей цели» [\[18, р. 359\]](#).

Во второй половине ноября имперская армия приступает к организованному отходу с берегов Олью в район зимних квартир по южному побережью оз. Гарда. Но Вандом не собирается уступать неприятелю этих богатых плодородных территорий. Он решает загнать ослабленного противника в скалистые долины Альп, скучные фуражом и продуктами питания. К этому времени он располагает 56 батальонами и 71 эскадронами, значительно превосходя неприятеля [\[20, с. 250\]](#). Некоторое время осенний паводок сдерживал его амбиции, но как только погода улучшилась, он тут же пересекает бурную Олью, затем – Меллу и Кьевезе. 24 ноября колонны французов вторгаются в район расположения имперцев с юга, со стороны Медоле.

Евгений с остатками измученной армии вынужден был занять позиции между Карпендоло и Монтекьери, прислонившись тылом к р. Кьевезе. 25 ноября колонны французов невозмутимо проходят фактически вдоль фронта Евгения и разворачиваются всего в миле от него, между Кастильоне и Асентой. Этим маневром Вандом фактически отрезал Евгения от коммуникаций на Гавардо. Имперцы совершают не менее рисованный

фланговый марш «в четверти часа ходьбы от вражеского лагеря» [\[20, с. 254\]](#) и занимают рубеж Монтекьери – Лонато. Оба противника по умолчанию не доводят дело до боя, считая ситуацию для себя неблагоприятной. К тому же обе армии смертельно устали – все мысли заняты отдыхом, а не желанием биться. Об отчаянном положении имперцев можно судить из письма Евгения в Вену от 27 ноября: «Чтобы дать войскам хоть немного отдохнуть ... я вынужден отвоевывать зимние квартиры со шагой в руках» [\[20, с. 255\]](#). В непосредственной близости друг от друга противники начинают закрепляться, ощетинившись пушками и окружая себя земляными валами и окопами. Начавшиеся снегопады и стужа заставляют их окончательно отложить оружие до весны и сосредоточиться на благоустройстве и обеспечении войск.

Заключение

Стратегия принца Евгения Савойского в военной кампании 1705 года заключалась в оказании помощи герцогу Савойскому в его борьбе с Людовиком XIV. Он вел активные наступательные действия с целью прорыва через Ломбардию в Пьемонт. Франко – испанские силы под командованием герцога Вандома вели сдерживающие оборонительные действия с целью не допустить прорыва противника в указанном направлении. Не смотря на то, что все попытки прорыва в Пьемонт были парированы, они все же сыграли важную роль, отвлекая в Ломбардию значительные силы противника. Таким образом, замысел окончательного покорения герцога Савойского был перенесен Людовиком XIV на следующий год, который, как известно, завершился полным разгромом его войск под Турином 17 сентября 1706 года.

Военная кампания в Северной Италии 1705 г. отличалась от боевых действий на других театрах войны за испанское наследство (1701 – 1714 гг.) относительно высокой подвижностью и активностью. Стратегия Евгения Савойского не была ограничена коммуникациями, он смело жертвовал тыловыми связями с Тиролем, когда этого требовала оперативная необходимость. Вместе с тем, война в Ломбардии 1705 года стала типичной кампанией эпохи доминирования маневренной тактики. Оба противника пытались решить боевые задачи исключительно маневрированием. Один из панегиристов Вандома писал: «Это было соперничество маршей и контрмаршей, финтов и ложных выпадов» [\[9, р. 45 – 46\]](#). Военный историк XIX века А.З. Пузыревский описывал кампанию, как «войну маневров, где употреблялись все утонченности искусства, распространение ложных слухов, нечаянные нападения, скрытые обходы, чтобы достигнуть предположительной цели без вступления в бой с противником» [\[6, с. 196\]](#). Чрезмерное увлечение маневрированием приобретало порой откровенно нелепые формы. Так, например, довольно абсурдно выглядели боевые действия в ноябре 1705 года у Лонато, в ходе которых целую неделю на весьма ограниченном плацдарме противники кружили друг вокруг друга, буквально толкаясь локтями, пытаясь выиграть позицию.

Целью Вандома было не допустить противника к переправам и мостам через рр. По, Минчио, Ольо, Адда и др. Это достигалось или упреждением противника на речных переправах или занятием выгодного положения, угрожающего его флангам. Евгений противопоставлял этому внезапность передвижений и ложные демонстрации с целью отвлечь противника от места переправ. Умудренному опытом Вандому часто удавалось предугадать маневр врага. Вообще, военный историк XIX века Голицын Н.С. высоко оценивает действия Вандома в этой кампании, который «быстро и решительно своим движениям и действиям и искусственным маневрированием сделал тщетным все покушения принца Евгения пройти в Пьемонт» [\[2, с. 153\]](#). Вместе с тем, французский военачальник осознанно уступал инициативу своему визави, заведомо обрекая себя на

пассивную выжидательную роль. Его контрудары были лишь ответными, пусть даже порой эффективными, полумерами. Каждый раз принц Евгений имел возможность спокойно оправиться от неудачи и предпринять новый шаг в своей игре. Вполне возможно, такая деликатность Вандома объяснялась волей самого короля, убежденного сторонника выжидательной оборонительной стратегии: «Людовик не ставил задачи вышвырнуть австрийцев из Италии, а лишь пытался препятствовать их объединению с Герцогом Савойским и освобождению Турин» [11, р. 118].

Типичной чертой этой кампании являлся обоюдный отказ от решительного боя с целью разгрома врага. Вместо этого практикуется вытеснение противника с занимаемых позиций и овладение выгодным районом местности. В июле 1705 года у Романенго французы упорно теснят имперцев, со всех сторон окружая их полевыми фортификациями, лишая возможности добывать фураж и продовольствие. Ситуация повторилась в конце ноября у Лонато. В конце концов, Евгений был вытеснен из плодородных районов и вынужден зимовать в суровых условиях горно-лесистой местности у Говардо.

Военная кампания в Ломбардии дала новый импульс развитию полевой фортификации. Оба противника широко применяли инженерно-фортификационные сооружения. Полевые лагеря, места стоянок и речных переправ выбирались очень тщательно с учетом местности и обязательно укреплялись редутами, земляными валами со рвом. Военные действия подняли значимость понтонно – мостовой службы. Недостаток и несовершенство понтонных средств стали одной из причины неудачной переправы Евгения 14 августа у Парадизо и привело к поражению при Кассано 16 августа.

Евгений Савойский применяет свои силы сосредоточенно, в то время как Вандом распыляет силы по гарнизонам, оборонительным рубежам, для обеспечения коммуникаций и т.д. В целом, обладая подавляющим численным превосходством на итальянском театре войны, он почти всегда уступает принцу Евгению в решительных акциях. Разменяв свое превосходство на ситуационные успехи 1705 года, Вандом несет полную ответственность за грядущую катастрофу в будущем 1706 году, завершившейся полной потерей Италии для Бурбонов.

Библиография

1. Голицын Н. С. Всеобщая военная история новых времен: в 3 ч. СПб.: Типография А. Траншеля, 1873. Ч. 2. 280 с.
2. Голицын Н. С. Великие полководцы истории: в 2 ч. СПб.: Типография товарищества "Общественная польза", 1875. Ч. 2. 195 с.
3. Кутищев А. В. Людовик XIV против Виктора Амадея Савойского. Военная кампания 1704 года в Савойе. Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2025. Т. 24. № 1. С. 40-52. <https://doi.org/10.25205/1818-7919-2025-24-1-40-52>. EDN: XOEBCJ
4. Кутищев А. В. Перелом в войне за испанское наследство (1701–1714 гг.). Военная кампания 1704 года. Манускрипт. 2024. № 17. Вып. 3. С. 151-160.
<https://doi.org/10.30853/mns20240022>. EDN: HMENKE
5. Кутищев А. В. Покорение Пьемонта. Война за испанское наследство 1701-1714 гг. Вестник РУДН. Серия Всеобщая история. 2023. Т. 15. № 2. С. 182-195.
<https://doi:10.22363/2312-8127-2023-15-2-182-195>. EDN: AEBGID
6. Пузыревский А. З. Развитие постоянных регулярных армий и состояние военного искусства в век Людовика XIV и Петра Великого. СПб.: Типография Балашова, 1889. 348 с.

7. Arneth A. R. Prinz Eugen von Savoyen: in 2 bands. Wien: Wilhelm Braumüller, 1864. Band 1. 542 s.
8. Cosnac G. - J., Pontal É. Mémoires du marquis de Sourches sur le règne de Louis XIV: en 13 vol. Paris: Librairie Hachette, 1889. Vol. IX. 455 p.
9. Éloge historique de Louis-Joseph, duc de Vendôme, généralissime des armées de France et d'Espagne. Marseille: l'Académie de Marseille, 1783. 106 p.
10. Heller F. Militarische Korrespondenz des Prinzen Eugen von Savoyen: in 2 bands. Wien: Carl Gerold, 1848. Band II. 688 s.
11. Henderson N. Prince Eugen of Savoy. New York - Washington: Frederick A. Praeger, 1965. 324 c.
12. Journal du marquis de Dangeau: en 19 vol. Firmin-Didot: Paris, 1857. Vol. 10. 504 p.
13. Lamberty G. de. Mémoires pour servir à l'histoire du XVIII siècle: en 3 vol. La Haye: Henry Scheurleer, 1727. T. III. 506 p.
14. Legestre L. éd. par. Mémoires de Saint-Hilaire: en 5 vol. Paris: Librairie Renouard, 1911. Vol. IV. 358 p.
15. L'Etat de Milan divisé en ses principales parties, avec partie des Etats de Venise et des duchés de Modene, Mantoue et Parme / Gallica, Brussel, [Электронный ресурс] URL: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/btv1b106786479/f1.item.zoom#> (дата обращения 31.08.2024).
16. Mémoires pour servir à l'Histoire de monsieur le Chevalier de Folard. 1753. Ratisbon. 148 p.
17. Pele J. J. G. Atlas des mèmoires militaires relatifs à la succession d'Espagne sous Louis XIV. Paris: Imprimerie Royale, 1836. 161 p.
18. Pelet J. J. G., Vault F. E. de le. Mèmoires militaires relatifs à la Guerre de la Succession d'Espagne. Paris: Imprimerie Royale, 1838. Vol. IV. 1092 p.
19. Périni Hardy de. Batailles françaises. Ernest Flammarion. Paris, 1900. Vol. IV. 496 p.
20. Rechcron I. R. von. Feldzuge des Prinzen Eugen von Savoyen. Wien: Verlag des K.K. Generalstabes, 1881. Serie I. Band VII. 1137 s.
21. Quincy J. S. Mémoires du Chevalier de Quincy: en 3 vol. Paris: Librairie de la Société de l'histoire de France, 1899. Vol. 2. 414 p.
22. Quincy Sh. S. Histoire de Militaire du Régne de Louis le Grand, Roi de France: en 7 vol. Paris: Rue Saint Jacques, 1726. Vol. IV. 742 p.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Начало каждого столетия европейской истории отмечено чередой военных конфликтов, каждый из которых по цепочке переходил на следующий этап. Сегодня в условиях растущего противостояния России и Запада представляется важным изучить различные аспекты военного дела с учетом цивилизационных особенностей как нашей страны, так и ее geopolитических оппонентов, а это значит следует обратиться к военной истории.

Указанные обстоятельства определяют актуальность представленной на рецензирование статьи, предметом которой является кампания 1705 года в ходе войны за испанское наследство. Автор ставит своими задачами проанализировать стратегию принца Евгения Савойского в военной кампании 1705 года, рассмотреть различия между военной компанией в Северной Италии и других театров войны за испанское наследство, а также показать сходство и противоречия между Евгением Савойским и герцога Вандома.

Работа основана на принципах анализа и синтеза, достоверности, объективности,

методологической базой исследования выступает системный подход, в основе которого находится рассмотрение объекта как целостного комплекса взаимосвязанных элементов. Научная новизна статьи заключается в самой постановке темы: автор стремится охарактеризовать военную кампанию 1705 года, как отличительную особенность военной культуры Запада.

Рассматривая библиографический список статьи как позитивный момент следует отметить его масштабность и разносторонность: всего список литературы включает в себя свыше 20 различных источников и исследований. Несомненным достоинством рецензируемой статьи является привлечение зарубежной литературы на французском и немецком языках, что определяется самой постановкой темы. Из привлекаемых автором источников укажем на труды Н.С. Голицына, А.З. Пузыревского, мемуары кавалера де Фолара и т.д. Из используемых исследований укажем на работы А.В. Кутищева и Н. Хендерсона, в центре внимания которых находятся различные аспекты изучения войны за испанское наследство. Заметим, что библиография статьи обладает важностью как с научной, так и с просветительской точки зрения: после прочтения текста статьи читатели могут обратиться к другим материалам по ее теме. В целом, на наш взгляд, комплексное использование различных источников и исследований способствовало решению стоящих перед автором задач.

Стиль написания статьи можно отнести к научному, вместе с тем доступному для понимания не только специалистам, но и широкой читательской аудитории, всем, кто интересуется как войной за испанское наследство, в целом, так кампанией 1705 г., в частности. Апелляция к оппонентам представлена на уровне собранной информации, полученной автором в ходе работы над темой статьи.

Структура работы отличается определенной логичностью и последовательностью, в ней можно выделить введение, основную часть, заключение. В начале автор определяет актуальность темы, показывает, что «исследование войны за испанское наследство (1701 – 1714 гг.) позволяет глубже проникнуть в европейскую культуру накануне Нового времени с её нравственной, политической и социальной рефлексией». В работе отмечается, что «кампания в Северной Италии 1705 г. отличалась от боевых действий на других театрах войны за испанское наследство (1701 – 1714 гг.) относительно высокой подвижностью и активностью». Автор показывает, что «стратегия принца Евгения Савойского в военной кампании 1705 года заключалась в оказании помощи герцогу Савойскому в его борьбе с Людовиком XIV». Примечательно, что как отмечает автор рецензируемой статьи, «военная кампания в Ломбардии дала новый импульс развитию полевой фортификации».

Главным выводом статьи является то, что «разменяв свое превосходство на ситуационные успехи 1705 года, Вандом несет полную ответственность за грядущую катастрофу в будущем 1706 году, завершившейся полной потерей Италии для Бурбонов».

Представленная на рецензирование статья посвящена актуальной теме, снабжена схемой, вызовет читательский интерес, а ее материалы могут быть использованы как в курсах лекций по новой и новейшей истории, так и в различных спецкурсах.

В целом, на наш взгляд, статья может быть рекомендована для публикации в журнале «Человек и культура».

Человек и культура

Правильная ссылка на статью:

Емельянова В.П. Опыт реконструкции интеллектуальной культуры дворян на материале усадебных библиотек // Человек и культура. 2025. № 3. DOI: 10.25136/2409-8744.2025.3.75005 EDN: GIVWII URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=75005

Опыт реконструкции интеллектуальной культуры дворян на материале усадебных библиотек

Емельянова Вера Павловна

ORCID: 0009-0001-9809-4716

соискатель; институт философии человека; Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена
Ведущий библиограф; Фундаментальная библиотека имени императрицы Марии Федоровны;
Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена
188678, Россия, Ленинградская обл., Всеволожский р-н, г. Мурино, Привокзальная пл., д. 1-Ак. 2

ingrekman@gmail.com

[Статья из рубрики "Книжная культура и искусство книги"](#)

DOI:

10.25136/2409-8744.2025.3.75005

EDN:

GIVWII

Дата направления статьи в редакцию:

28-06-2025

Аннотация: Предметом исследования является интеллектуальная культура представителей дворянского сословия Российской империи XIII – первой половины XIX в. Исследование является собой попытку реконструкции культурных практик интеллектуальной элиты просвещенного нобилитета указанной эпохи на основе выявленных круга чтения и читательских практик. Особое внимание уделяется усадебным книжным собраниям, поскольку указанная эпоха знаменуется расцветом усадебной культуры, когда большая часть представителей дворянского сословия, получив личную свободу от необходимости нести государственную и военную службу, перемещается в загородные имения. Это приводит к перераспределению интеллектуального капитала внутри страны и возникновению нового уникального феномена "государств в государстве" – усадеб со своим часто замкнутым микрокосмом. В значительной степени автономная и фактически не коммуницирующая с церковной или академической интеллектуальными элитами, усадебная культура, однако, продолжает

свое развитие, демонстрируя плоды установившихся внутрисословных интеллектуальных практик, в частности, непрерывного самообразования. Личные библиотеки с самого начала служившие основой данного процесса, меняются в соответствии с новыми потребностями представителей нобилитета. В основе проведенного исследования – метод культурной реконструкции, предполагающий восстановление элементов интеллектуальной культуры нобилитета в указанный период на материале каталогов усадебных библиотек, архивных и эго-документов (мемуаров, писем), а также материальных источников (интерьера усадеб). Методология исследования предполагает выявление и контент-анализ источников, компаративные исследования каталогов библиотек, биографический подход. Основными выводами проведенного исследования являются положения о том, что, во-первых, усадебные библиотеки со второй половины XVIII в. стали центрами накопления житейского, практического, научного знания, способствуя поддержанию и развитию культуры дворянской интеллектуальной элиты, рассредоточившейся от столицы по всей территории Российской империи, во-вторых, развитие интеллектуальной культуры усадьбы с ведущей ролью личных книжных собраний приводило к возникновению меценатства, поддержке образования и научно-техническому развитию на разноудаленных от центра территориях страны. Новизна работы выявляется во введении в научный оборот новых источников, данных о нахождении в книжных собраниях усадебных библиотек тех или иных изданий, а также в интеграции результатов исследований и источников, прежде использовавшихся в отдельных областях различных наук.

Ключевые слова:

интеллектуальная культура, дворянское сословие, усадебная культура, личные библиотеки, история культуры, XVIII век, культурная реконструкция, Российская империя, эго-документы, эпоха Просвещения

Период со второй половины XVIII в. до середины XIX в. справедливо можно обозначить как эпоху расцвета усадебной культуры в Российской империи. Начало ей положило издание в 1762 г. «Манифеста о даровании вольности и свободы всему российскому дворянству». Документ делал прежде обязательную службу добровольной («никто уже из дворян российских неволею службу продолжать не будет») и, следовательно, наделял представителей нобилитета правом проживать в любом месте Империи, отсутствием привязки к месту службы. Столетие спустя в ходе реформ Александра II (в особенности крестьянской реформы, отменившей крепостное право в России в 1861 г.) экономические, социальные и культурные аспекты существования дворянских гнезд претерпели глубокие изменения, повлекшие их угасание и переход к дачной культуре, отличной по содержанию и ментальности. В указанное же столетие многие представители дворянского сословия перебираются на постоянное проживание в загородные имения разной степени удаленности от культурных, политических и интеллектуальных центров, в первую очередь, столицы. В определенной мере происходит процесс, обратный тому, который задумал и начал воплощать Петр I, создавая Санкт-Петербург, а именно: создать современный город-резиденцию и сконцентрировать в нем государственную элиту, опору монаршей власти. Очевидно, что роль последней он отводил формирующемуся дворянскому сословию. Именно поэтому среди первых приказов о заселении мы видим приказ тысяче самых благородных фамилий строить дома в новой столице [1, с. 23]. В дальнейшем множество реформ (в том числе создание Табели о рангах) императора будут направлены на формирование

детерминированности продвижения по службе степенью образованности и способностью к автодидактике — самостоятельному обретению новых навыков, освоению информации, в данном случае, необходимых для службы стремительно развивающейся империи. Важнейшим инструментом в этом процессе становилась личная библиотека. При этом отсутствие необходимости в несении службы отнюдь не умалило роли чтения и книжных собраний в интеллектуальной культуре нобилитета после 1762 г. На это указывают и обширные усадебные библиотеки самых состоятельных представителей нобилитета, и скромные собрания, иногда в пару-тройку единиц, у наименее богатых помещиков. Состав же усадебных библиотек способен дать представление о жизни дворянина-интеллектуала исследуемой эпохи.

Вторая половина XVIII в. — период перераспределения интеллектуального капитала, заключенного в знаниях, способностях и компетенциях единственного на тот момент образованного сословия — дворянства, внутри страны. Дворянство, к 1760-м гг. осознавшее себя как высшее исключительное сословие, получило окончательное закрепление своих привилегий в 1762 г. в виде Манифеста «О даровании вольности и свободы всему российскому дворянству». Издание этого документа имело сразу несколько важных последствий для нобилитета. Во-первых, окончательный отказ от условного характера собственности на землю [2, с. 117], «службы с земли», при которой служилый помещик обладал пожалованным наделом исключительно взамен несения службы. Начало XVIII в. характеризуется введением рекрутской повинности и обретением помещиками наследного права на землю, однако именно издание Манифеста отменило условный характер землевладения. Во-вторых, освобождение от обязанности нести службу. Тут стоит отметить, однако, что обязательная служба для дворянских отпрысков довольно часто становилась условностью. Этому во многом способствовали, во-первых, издание Манифеста «О порядке приема в службу шляхетских детей и увольнении от оной» 1736 г., ограничивающего прежде пожизненную повинность 25 годами, во-вторых, действовавшая до 1747 года лазейка в виде возможности «приписать» (т. е. формально зачислить в полк) малолетнего дворянского отпрыска. Это давало возможность уже в 25 лет выходить в отставку. При этом, согласно тому же Манифесту «О порядке приема в службу...», до 20 лет наследники дворянских родов находились «в науках», что делало действительную службу, в лучшем случае, короткой. Еще один весьма распространенный вид избегания службы — невозвращение на место постоянной службы из отпусков и командировок [3, с. 9]. Разумеется, так действовали не все представители нобилитета, однако подобными явлениями (а также необходимостью самостоятельного обеспечения себя и предоставляемых со своей земли рекрутов необходимым для службы) можно объяснить уже существовавший к 1762 г. интерес нобилитета к развитию собственных хозяйств. Манифест же «О даровании вольности и свободы всему российскому дворянству» способствовал становлению ситуации, при которой у представителей дворянского сословия исчезла необходимость в постоянном пребывании в столице или на месте службы с одной стороны и появилась дополнительная мотивация находиться при собственном имении, развивая и улучшая его, в частности, ради увеличения доходов от реализации производимой продукции. Постепенный рост привлекательности идеи дворянина-хозяйственника и усадьбы как центра его жизни и деятельности намечается немногим раньше, в конце 1750-х гг. Заметным его отражением стало распространение в печати заметок, работ и рекомендаций, связанных с садоводством. Так, в июльских «Сочинениях и переводах, к пользе и увеселению служащих» за 1757 г. появляются статьи «Предложение о разводе в России шелковичных дерев, а особливо о выращении оных из семян их, сочиненное И. Б. Кельрейтером, медицины доктором и истории натуральной и ботаники адъюнктом» [4, с.

[\[54-65\]](#), «О употреблении овощей» [\[4, с. 89-95\]](#). Оба сочинения, кроме того, свидетельствуют о распространении естественнонаучного знания, и появление их в гражданской печати, очевидно предназначено к прочтению представителями, в первую очередь, нобилитета, указывает на развитие этого самого знания вне академической среды. Немалую роль здесь играет и мода на античных авторов, живописующих картины жизни в латифундиях разумных и хозяйственных землевладельцев, чьи труды исправно вознаграждаются. К таковым, например, можно отнести Катона Старшего, чье «Земледелие» (*«De Agri Cultura»*) встречается в большом количестве личных библиотек исследуемой эпохи. Восприятие идей просветителей, например Дж. Локка с его обязательными для детей упражнениями на свежем воздухе и занятиями садоводством и плотничеством в качестве досуга [\[5, с. 466\]](#), также способствовало предпочтению загородных усадеб городским особнякам.

Вследствие описанных выше предпосылок происходит активное развитие усадебной культуры, все большее количество дворян предпочитают постоянное либо долговременное проживание в собственных «государствах в государстве». При этом не стоит забывать об уже сложившемся ценностном отношении к знанию — следствию Петровских преобразований. Издание Манифеста «О даровании вольности и свободы всему российскому дворянству» и освобождение от службы не привели к уменьшению востребованности образования и знания среди элиты нобилитета. К этому моменту энциклопедичность — еще одно веяние Просвещения, знание последних новинок печати и достижений науки стали важными инструментами самопрезентации и поддержания внутрисловного статуса. Вдохновение видными деятелями Просвещения Франции и Англии, стремление охватить все области знания отражены и в фондах владельческих собраний эпохи. Так, крупнейшее и одно из самых дорогих и значимых изданий эпохи — «Энциклопедия» Дидро и Д'Аламбера (*«Encyclopédie, ou Dictionnaire raisonné des sciences, des arts et des métiers»*) обнаруживается в личных библиотеках самых богатых фамилий, например, Орловых, Воронцовых, Юсуповых и др. Это прослеживается и в салонной культуре, зародившейся как раз в середине XVIII в. Так, среди гостей постоянных посетителей салона И. И. Шувалова можно было отметить М. В. Ломоносова [\[6, с. 72\]](#). Несмотря на изначально литературную направленность салонов, обсуждения в них никогда не ограничивались художественными сочинениями (особенно заметным это станет в XIX в. на примере кружков графа Н. П. Румянцева, великой княгини Елены Павловны и др.) и требовали от посетителей высокого уровня всестороннего развития. При этом салоны и кружки не были исключительно столичным явлением — важнейшей формой досуга провинциальных дворян были приемы и поездки в гости к соседям [\[7, с. 152\]](#). Центром приема гостей часто становилась парадная библиотека, указывавшая на статус владельца. Вообще книжное собрание XVIII в. обходилось в суммы, доступные лишь самой высшей прослойке дворянской элиты. Пожалуй, самым известным примером, показывающим стоимость книги, является купленная Екатериной II у Дидро в 1765 г. библиотека (порядка 3 тыс. томов) за 15000 ливров (около 3500 рублей). Для сравнения: на содержание основанной в 1783 г. Академии Российской в год выделялось немногим больше 6 тыс. рублей [\[8, с. 75\]](#). Огромные цены на книги делали само наличие личной библиотеки привилегией наиболее состоятельных представителей общества, и, конечно, обладание ей указывало на самый высокий статус владельца. Поэтому в больших усадебных домах библиотеке часто отводилось центральное место. Показательным примером здесь может послужить подмосковная усадьба князей Голицыных Никольское-Урюпино. Несмотря на плохую сохранность комплекса, современные исследования и 3D-реконструкция плана усадьбы позволяют получить

довольно четкое представление о месте библиотеки в доме и жизни хозяев: она располагалась прямо в парадном зале и протянулась на оба этажа основного здания [9, с. 141]. Согласно документам, за всю историю существования и развития библиотеки в ней собралось около 5 тысяч томов [10, с. 58], что, хоть и уступает в разы огромной библиотеке Н. Б. Юсупова в 20 тысяч томов в соседнем Архангельском [11, с. 68], само по себе является внушительным показателем. Состав подобных собраний играл в создании образа хозяина не меньшую роль, нежели их объемы: на полках можно было встретить все издания, соответствующие кругу чтения просвещенного дворянина. Так, самым большим тематическим разделом упомянутой библиотеки в Архангельском составляют сочинения французских и античных философов. Парадная библиотека усадьбы Никольское Демидовых (Санкт-Петербургская губерния), насчитывавшая около 3 тыс. томов, по большей части состояла из произведений представителей европейского Просвещения. Здесь были представлены многотомные собрания сочинений энциклопедистов, издания Мольера, Буало и т. д. [12, с. 27]. Примечательно, что во всех случаях издания представлены на языке оригинала — к середине XVIII в. для представителя интеллектуальной элиты нобилитата было само собой разумеющимся знание двух-трех языков и активная коммуникация с представителями европейской просвещенной элиты. Пожалуй, самым ярким свидетельством отражения нового просвещенного мышления в усадебной библиотеке являются воспоминания Е. Р. Дашковой. В мемуарах она рассказывает о том, как началось ее погружение в мир книжности: будучи ребенком, она заболела корью и была выслана в дядино (М. И. Воронцова) имение под Петербургом. Именно благодаря огромной усадебной библиотеке «книги сделались предметом ее страсти», особенно произведения Вольтера, Монтескье и других просветителей [13, с. 8]. По сути, с парадной библиотеки начинается путь первой женщины-директора Императорской Академии наук и председателя Академии Российской.

Таким образом, состав парадных библиотек крупных «дворянских гнезд» позволяет утверждать, что высокий уровень образованности и осведомленность о последних интеллектуальных тенденциях вполне соответствовала столичной, а потому усадебная библиотека вслед за городской становилась инструментом самореализации и поддержания статуса внутри замкнутой сословной среды.

Нельзя не отметить и роль усадебной библиотеки в процессах образования и воспитания, поскольку они занимают особое место в формировании представителя дворянской интеллектуальной элиты. Несмотря на то, что вторая половина XVIII в. отмечена появлением и развитием специализированных учебных заведений закрытого типа, созданных преимущественно для отпрысков малоимущих дворян (Императорский сухопутный шляхетный кадетский корпус, Смольный институт благородных девиц) [14, с. 137], превалирующей формой образования в среде нобилитата оставалась домашняя. И, поскольку многие представители дворянских родов предпочитали помещичью жизнь, обучение детей также проходило в стенах усадеб. Более того, именно со второй половины XVIII в. под влиянием все тех же идей Просвещения активно развивается предметный мир ребенка, в том числе и детская литература. Так, с 1780-х гг. Н. И. Новиков издает журнал «Детское чтение для сердца и разума», специфически детскую литературу, написанную «соразмерным детскому понятию слогом» [15, с. 570], т. е. с учетом возрастных особенностей аудитории издания. Кроме того, каждый текст журнала снабжен объемным критическим аппаратом, объясняющим каждое слово или явление, которое ребенок в процессе чтения может не понять. Мемуарные свидетельства

демонстрируют влияние, которое новые издания оказывали на процесс дворянского образования и самих юных представителей нобилитета. В «Воспоминаниях» В. И. Панаева встречается упоминание «очень его занимавшего» «Детского чтения», факты из которого (о временах года и «разрушении Лиссабона») он сохранил в памяти на всю жизнь [16, с. 213]. Журналы Н. И. Новикова, а после и другие детские и семейные книги, встречаются в большинстве усадебных библиотек. Однако на образовательную функцию этих книжных собраний указывают и другие издания. Так, до середины XVIII столетия ребенок воспринимался, скорее, как маленький взрослый, и абсолютное большинство представителей нобилитета получали образование по тем же книгам, которые читали взрослые домочадцы. Так, родной брат Е. Р. Дашковой граф А. Р. Воронцов вспоминал о библиотеке, включавшей «лучших французских авторов и поэтов», которую выписал их отец и которая, по мнению самого графа, сформировала в нем «наклонность к чтению и литературе» [17, с. 390]. Собрания тех же французских авторов встречаются в усадьбах, например, Брянчаниновых, Верещагиных, вологодских дворян Андреевых и т. д. [18], создавая интеллектуальное пространство, в которое дети дворян погружались с самых ранних лет и в котором проходила внутрисословная социализация, приобретались знания, необходимые для успешной коммуникации и вхождения в состав интеллектуальной элиты.

Описанные выше функции и особенности дворянских личных библиотек характерны в большей или меньшей степени как для городских особняков, так и для усадеб. Однако усадебные библиотеки также отличаются куда большей степенью практикоориентированности, часто не последней задачей этих собраний является помочь в формировании у читателей разнообразных практических навыков, применимых при ведении хозяйства. Как уже было упомянуто, усадьбы довольно быстро превратились в своеобразные «государства в государстве», стремящиеся к самообеспечению. Более того, еще с 1720-х гг. была разрешена продажа излишков поместного производства, а законодательные акты второй половины XVIII–XIX вв. закрепляли за землевладельцами право оптовой беспошлинной торговли как внутри страны, так и с зарубежьем [19, с. 125]. Это еще сильнее мотивировало дворянство всецело посвящать себя усадебному быту, погружаясь во все аспекты хозяйственной жизни вплоть до самостоятельного составления «наказов», касающихся разведения скота, птицы, растениеводства (напр. «Садоводство полное, собранное с опытов и из лучших писателей о сем предмете, с приложением рисунков, Василем Левшиным, коллежским советником, членом экономических обществ, Императорского Вольного и Санктпетербургского и Лейпцигского, и ордена св. Анны 2 го класса кавалером» (Москва, 1808, из библиотеки Цуриковых: <https://knram.rusneb.ru/kp/item48820>), а также обустройства всевозможных производств вплоть до кондитерского [20, с. 10]. Кроме того, удаленность многих усадеб от более-менее регулярных медучреждений часто перекладывала заботы о здоровье домочадцев и крепостных на плечи владельцев. Именно это служит катализатором появления в усадебных библиотеках изданий вроде «Всеобщего врача природы или лекарства под рукой» А. С. Венсона (Москва, 1868, из библиотеки Резановых-Андреевых, см. Каталоги библиотеки Резановых-Андреевых [Электронный ресурс] / сост. Н. Н. Фарутина // Вологодская областная универсальная научная библиотека. - Режим доступа: http://www.booksite.ru/usadba_new/kurkino/l_21.htm, свободный. - (Дата обращения: 25.06.2025)), «Домашний лечебник или Простый способ лечения» (Санкт-Петербург, 1765, из библиотеки Цуриковых: <https://knram.rusneb.ru/kp/item84200>).

Наконец, усадебные библиотеки наиболее состоятельных представителей дворянского

сословия указывают на развивавшуюся в имениях внеакадемическую науку. В первую очередь, обращают на себя внимание специфические естественнонаучные издания, далекие от популярного изложения. Так, в знаменитой Усольской библиотеке (Самарская губерния) В. П. Орлова-Давыдова наряду с характерными для среднестатистического заинтересованного помещика изданиями по непосредственному ведению сельского хозяйства (напр. A. Thaer. Den rationela landthushållningens grundsatser, 1816: <https://knram.rusneb.ru/kp/item66617>) можно встретить и книги, указывающие на вполне научный подход к проведению модернизации и улучшений внутри его земель, например, издания о возможностях в сфере механизации производств (Ch. F. Zeller Die nutzbarsten und neuern landwirthschaftlichen Maschinen, Apparate und Geräthe: mit besonderer Rücksicht auf Südteutschland: in zwei Lieferungen, Carlsruhe, 1838: <https://knram.rusneb.ru/kp/item66560>) и даже о сопротивлении материалов (C. L. Moll, F. Reuleaux. Die Festigkeit der Materialien, namentlich des Guss- und Schmiedeisens: zunächst für Ingenieure und polytechnische Schulen, Braunschweig, 1853:<https://knram.rusneb.ru/kp/item64656>). Так, известный своим меценатством, строительством школ и «приютов» (аналог детских садов) для крестьян, он держал в библиотеке труды по педагогике (напр. D. Stow. The training system adopted in the model schools of the Glasgow Educational Society: a manual for infant and juvenile schools, which includes a system of moral training suited to the condition of large towns, Glasgow 1836: <https://knram.rusneb.ru/kp/item66582>), дефектологии (G. Ballet. Le langage intérieur et les diverses formes de l'aphasie, Paris, 1886: <https://knram.rusneb.ru/kp/item66547>). Другой пример научных интересов дворянина, отраженный в усадебном книжном собрании, наблюдаем в работе Г. Н. Геннади «Библиотеки графа Д. П. Бутурлина и их каталоги»: в пересказе сведений, дошедших от британского путешественника Кларка, автор описывает роскошную библиотеку с редкими экземплярами и уникальными коллекциями, а также специализированную ботаническую библиотеку при усадебной оранжерее [21, с. 3]. Кроме того, сын графа, М. Д. Бутурлин, упоминает «научно-физический кабинет» отца. К сожалению, собрание, насчитывавшее десятки тысяч томов, сгорело и было разграблено, как и все имение, в 1812 г., однако знания, почертнутые из этих книг, нередко применялись на практике в другом родовом гнезде в Белкино, где, по воспоминаниям М. Д. Бутурлина, его отец разбил огород и оранжерею, а также всевозможные слесарные мастерские, в которых сам же и занимался [22, с. 63]. Подобного рода увлечения, отраженные не только в достижениях, мемуарах, но и в каталогах усадебных библиотек можно найти практически у всех представителей интеллектуальной элиты nobiliteta. Это говорит о широком развитии внеакадемического знания внутри дворянского сословия.

Таким образом, усадебные библиотеки со второй половины XVIII в. стали центрами накопления житейского, практического, научного знания, способствуя поддержанию и развитию культуры дворянской интеллектуальной элиты, рассредоточившейся от столицы по всей территории Российской империи. Это, в свою очередь, приводило к возникновению меценатства, поддержке образования и научно-техническому развитию на разноудаленных от центра территориях страны.

Библиография

1. Кинан П. Санкт-Петербург и русский двор, 1703–1761. М.: Новое литературное обозрение, 2020. 320 с.
2. Иванова Н. А., Желтова В. П. Сословное общество Российской империи (XVIII – начало XX века). М.: Новый хронограф, 2009. 752 с.
3. Бенда В. Н. "Обязательность" службы дворянского сословия и особенности ее

- прохождения в русской армии в XVIII в. // Juvenis Scientia. 2019. № 8. С. 8-11. DOI: 10.32415/jscientia.2019.08.02
4. Кельрейтер И. Г. Предложение о разводе в России шелковичных деревьев, а особливо о вырощении из оных семян их, сочиненное И. Г. Кельрейтером, медицины доктором и истории натуральной и ботаники адъюнктом // Ежемесячные сочинения, к пользе и увеселению служащие. 1757. Июль. С. 54-65.
5. Локк Дж. Сочинения в трех томах. М.: Мысль, 1988. Т. 3. 668 с.
6. Берков П. Н. Ломоносов и литературная полемика его времени: 1750–1765. М.-Л.: Издательство Академии наук СССР, 1936. 324 с.
7. Царикаева С. С. Провинциальное дворянство России // Известия ПГУ им. В. Г. Белинского. 2007. № 8. С. 149-153.
8. Муравьева Л. А. Финансовая политика Екатерины II // Финансы и кредит. 2010. № 22 (406). С. 72-80.
9. Маландина Т.В. Виртуальная 3D-реконструкция интерьеров подмосковных усадеб XVIII – начала XX веков: парадные интерьеры усадебного комплекса Никольское-Урюпино // Историческая информатика. 2021. № 2. С. 134-170. DOI: 10.7256/2585-7797.2021.2.36029 URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=36029
10. Крючкова М. А., Парушева В. Г. Русский Версаль: Усадьбы князей Голицыных Архангельское и Никольское-Урюпино. М.: Русский мир, 2012. 336 с.
11. Мурашко О. Ю. "Книгохранилище, кумиры и картины": книжная коллекция князей Юсуповых // Библиосфера. 2017. № 2. С. 67-71. DOI: 10.20913/1815-3186-2017-2-67-71
12. Кевролева-Коноплева Л. Общий очерк усадебных библиотек // Вологодская Советская Публичная библиотека. Год работы (9 февраля 1919 г. – 9 февраля 1920 г.). Вологда, 1920. С. 26-27.
13. Дашкова Е. Р. Записки княгини Е. Р. Дашковой писанные ею самой. Лондон: Trübner & Co, 1859. 522 с.
14. Артемьева Т. В. Визуализация педагогических идей в культуре России и Европы эпохи Просвещения // Сравнительные исследования в образовании: кейс России. Санкт-Петербург, 2023. С. 127-147.
15. Новиков Н. И. Избранные сочинения. М.; Л.: Государственное издательство художественной литературы, 1951. 786 с.
16. В. И. Панаев. Воспоминания В. И. Панаева // Вестник Европы. Санкт-Петербург, 1867. Том 3. С. 193-270.
17. Русский быт. По воспоминаниям современников. XVIII век. От Петра до Екатерины II-й (1698–1761 гг.) : сборник отрывков из записок, воспоминаний и писем. М.: Задруга, 1914. Часть I. 430 с.
18. Бровина А., Рошевская Л. Личные библиотеки Севера России // БУК ВО "Областная универсальная научная библиотека": официальный сайт. Сыктывкар, 2000. URL: <https://www.booksite.ru/fulltext/bro/vina/1.htm> (дата обращения: 26.06.2025).
19. Смилянская Е. Б. Дворянское гнездо середины XVIII века: Т. Текутьев и его «Инструкция о домашних порядках». М.: Наука, 1998. 204 с.
20. Геннади Г. Н. Библиотеки графа Д. П. Бутурлина и их каталоги // Журнал Министерства народного просвещения. 1856, № 4. С. 1-10.
21. Бутурлин М. Д. Записки графа М. Д. Бутурлина. М.: Любимая книга, 2006. 651 с.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензируемый текст «Опыт реконструкции интеллектуальной культуры дворян на материале усадебных библиотек» представляет собой обращение к феномену усадебных дворянских библиотек второй половины XVIII века. Автор рассматривает данное явление в контексте превращения дворянства в привилегированное сословие и в частности как результат издания Манифеста о вольности дворянской Петра III (1762 г.), что для автора становится отправной точкой в процессе «перераспределения интеллектуального капитала, заключенного в знаниях, способностях и компетенциях единственного на тот момент образованного сословия — дворянства, внутри страны» по направлению из столиц на периферию, в усадебные комплексы. Автор четко связывает наличие и комплектацию библиотек с теми занятиями (общественными, хозяйственными, представительскими и пр.), которые были присущи владельцам дворянских усадеб. К сожалению, в работе практически полностью обрезан научно-методический аппарат, автор уклоняется от обзора литературы и источников, не заявляет о новизне своего исследования относительно уже опубликованного корпуса научной литературы. Композиционно работе присуще расширенная вводная часть (историческая судьба дворянства, вопросы дворянской службы и т.д. с историческими экскурсами к началу XVIII в.), вынесенное в заглавие исследование усадебных библиотек занимает относительно небольшую часть работы, соответственно набор приводимых в работе примеров довольно ограничен; автор здесь отталкивается от функционала библиотеки (парадно-представительная функция, воспитательно-образовательная, медицинская, хозяйственная и др.), и обращается к составу дворянских библиотек уже как к иллюстрации той или иной функции. Выводы в принципе не вызывают вопросов; в той форме, в какой они сформулированы автором (...усадебные библиотеки со второй половины XVIII в. стали центрами накопления житейского, практического, научного знания, способствуя поддержанию и развитию культуры дворянской интеллектуальной элиты, рассредоточившейся от столицы по всей территории Российской империи) они в полной мере обоснованы содержательной частью работы; в то же время они не совсем соответствуют заявленному в заглавии «Опыт реконструкции интеллектуальной культуры дворян...», т.е. вопрос интеллектуальной культуры дворянства пересекается, но не в полной мере совпадает с материалом данного исследования. Однако это проблема начинается еще с отсутствия четко сформулированной цели исследования в начале работы, указания на предмет/объект и т.д., конкретизации термина "интеллектуальная культура" и др. Тем не мене в целом работа написана с использованием широкого круга источников, постановка проблемы любопытна и перспективна для дальнейших исследований. Рецензируемая работа в целом представляет интерес для читателя и рекомендуется к публикации.

Человек и культура

Правильная ссылка на статью:

Исакова П.А. Водевильная традиция в драматургии Б. Рацера и В. Константина. Структура жанра в водевиле «Стихийное бедствие» // Человек и культура. 2025. № 3. DOI: 10.25136/2409-8744.2025.3.74132 EDN: GMMPFU URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=74132

Водевильная традиция в драматургии Б. Рацера и В. Константина. Структура жанра в водевиле «Стихийное бедствие»

Исакова Полина Александровна

ORCID: 0000-0001-6460-2383

аспирант; кафедра эстрадного искусства и музыкального театра; Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российский государственный институт сценических искусств»

191028, Санкт-Петербург, ул. Моховая, д. 33-35

✉ isakovap@mail.ru

[Статья из рубрики "Сценические искусства"](#)

DOI:

10.25136/2409-8744.2025.3.74132

EDN:

GMMPFU

Дата направления статьи в редакцию:

17-04-2025

Аннотация: Объектом настоящего исследования выступает водевильный жанр в драматургии Бориса Рацера и Владимира Константина, чье творчество пользовалось широкой популярностью у зрительской аудитории в советском театре 1970–1980-х гг., но при этом оставалось на периферии научного и критического внимания. Несмотря на наличие вклада этих драматургов в развитие отечественного театра, их пьесы редко становились предметом анализа, а жанровая специфика их произведений оставалась практически неизученной. В качестве предмета исследования выбрана пьеса «Стихийное бедствие», являющаяся типичным примером советского водевиля. Автор предпринял попытку восполнить пробел в изучении наследия соавторов, сосредоточив внимание на структурных и жанровых особенностях водевиля, представленного в творчестве Рацера и Константина. В работе рассматриваются характерные черты комического и музыкального начала, взаимодействие сценического действия с элементами сатиры, а также особенности драматургического построения, отражающие

специфику водевиля. Статья основана на использовании метода структурализма, культурно-исторического, сравнительно-исторического, описательного, аналитического и других методов. Новизна исследования заключается в том, что, несмотря на изученность жанра водевиля XIX века и первой половины XX века театроведами, серьезным упущением является отсутствие внимания к драматургам второй половины XX века, в творчестве которых присутствует водевильная тематика и к которым, безусловно, относятся Владимир Константинов и Борис Рацер. Результатом исследования стали игровые стратегии указанных драматургов на сюжетном и стилевом уровнях, впервые обнаруженные и изученные в рамках данной статьи. В сюжетном плане соавторы использовали популярную водевильную тематическую группу (матrimonиальные отношения), в которой сочетали темы сватовства; ссоры любящих супругов; брака по расчету; ухаживания за невестой в состязательном ключе; взаимоотношения влюбленных, которым мешают внешние препятствия. Автор изучает как сюжетно-композиционную структуру пьесы, так и язык указанного водевиля, который стал необходимым компонентом создания комического эффекта. Легкость диалога, насыщенного каламбурами, метафорами, афоризмами, игрословием, который составляет основу в пьесе, дает необходимую искрометность и выразительность реплик героев. Репрезентация реприз Константинова и Рацера демонстрирует игру ума, которая находила выражение в игре слов.

Ключевые слова:

водевиль, жанр, Рацер, Константинов, Стихийное бедствие, водевильная тематика, matrimonиальные отношения, композиционная организация сюжета, язык водевиля, интрига

Как правило, история театра охватывает его вершины достижения: появление драматургических шедевров, ставших затем классикой, выдающееся исполнение как правило классических ролей, нашумевшие интерпретации той же классики. За чередой театральных побед и праздников зачастую пропадает реальное содержание театрального процесса, где праздники сменяются буднями, в театр приходят не критики, а просто зритель, который начинает диктовать свои условия, которые нередко не совпадают с мнением просвещенного меньшинства, иходить на то, что театральные специалисты оставляют вне зоны своего внимания. Русский водевиль XIX в. наиболее яркий пример такого несовпадения. Критики бьют копья вокруг сценической дуэли Каратаигина и Мочалова, делятся на сторонников и противников «натуральной школы», спорят о первых интерпретациях шекспировских пьес на русской сцене... А зрители ходят на мелодраму и водевиль, несмотря на всю уничижительную критику того времени. В 1830-1850-х гг. водевильные пьесы занимали более половины репертуара русской сцены, что нельзя не учитывать историкам. И дело даже не в восстановлении исторической справедливости. Куда важнее понять секрет притягательности того или иного жанра, обнаружить алгоритмы зрительского успеха, выявить дальнейшую эволюцию той или иной художественной структуры. В недавно появившемся исследовании Т. С. Шахматовой «Традиции водевиля и мелодрамы в русской драматургии XX - начала XXI века» высказана интересная идея о том, что в отличие от литературно ориентированных «главных» жанров (трагедия, комедия, драма), мелодрама и водевиль, успех которых вовсе не определяется литературной ценностью, являются двумя главными театральными «метажанрами». «Вслед за Э.Бентли, назвавшего мелодраму "квинтэссенцией драматургии", можно говорить о водевиле и мелодраме как об экстрактах всех элементов

сценичности, запечатленных в конкретных жанровых формах, которые при этом полярно заряжены по своему настроению. Сами же понятия "водевильность" и "мелодраматичность" можно отнести к универсальным составляющим сценичности» - пишет Шахматова. По мысли автора, если её выразить ещё более прямолинейно: театр почти всегда пытается «мелодраматизировать» трагедию и «оводевиливать» комедию, то есть, с помощью этих «универсальных составляющих сценичности» перевести индивидуальную идею литератора в зрелище для массового восприятия. Этот подход заставляет еще раз обратить внимание на «массовые жанры», которые в общественном сознании всё ещё занимают незаслуженно высокомерное отношение и которым, без сомнения, относится и водевиль.

Тем более, что водевиль вовсе не остался реликтом старого театра: он меняется, в какой-то момент теряет куплеты, а в какой-то наоборот полностью омузыкаливается, превращаясь в оперетту или музыкальную комедию. Водевильная тенденция, обновляет традиции классического водевиля ведущими комедиографами первой половины XX в. – Н. Р. Эрдманом, Е. Л. Шварцем, И. А. Ильфом, Е. П. Петровым, М. А. Булгаковым, В. П Катаевым, М. М. Зощенко, В. В. Шкваркиным и др. Среди расцвета в СССР романтических комедий и трагикомедий таких режиссеров, как Э. А. Рязанов, М. А. Захаров, Г. Н. Данелия, В. В. Меньшов обретают и новую волну успеха образцы водевиля, который «как жанр с его мировидением (частное, нелепое нарушение правильного мироустройства), структурой действия, ориентированным на зрелищность, занимательность, берущий за основу перипетии частной, семейной жизни и злободневным и колким, но легким юмором – и есть «сатирическая комедия» по мнению Т. С. Шахматовой. В 1960-1970-х гг. жанр водевиля пережил новую волну популярности в советском киноискусстве. На экранах появились такие фильмы, как: «Крепостная актриса» (1963), «Лев Гурыч Синичкин» (1974), «Соломенная шляпка» (1974), «Сватовство гусара» (1979), «Ах водевиль, водевиль...» (1979) и др.

А в театре позднесоветского времени наиболее ощутимо водевильная традиция проявилась в творчестве самых репертуарных драматургов этого времени – Бориса Рацера и Владимира Константинова. Как соавторы драматурги работали с 1957 г. Изначально они сконцентрировали свой талант на малой форме: стихотворениях, фельетонах, куплетах, частушках, эпиграммах, эстрадных миниатюрах, скетчах, сценках, интермедиах для конферанса, который сегодня уже почти умер как жанр; сотрудничали с мастерами эстрады – Г. Т. Орловым, В. Л. Нечаевым, П. В. Рудаковым, впоследствии с Н. П. Акимовым, который и открыл их драматургический талант сначала ленинградской публике, а потом и всему СССР, Г. А. Товстоноговым, И. П. Владимировым, Р.С. Агамирзяном, А. А. Белинским, А. Б. Исаковым, В. П. Соловьевым-Седым, А. А. Эшпаем, А. П. Петровым Г. И. Гладковым. «При точных сатирических попаданиях, вещи Р. И К. отличают комедийность, легкий юмор, стремительное раскрытие темы, диктующее ритм исполнения» [\[1, с.554\]](#). Во многом поворот от малой к большой форме драматургии (пьесы, киносценарии) происходит в их творчестве с конца 1960-х гг. Это обусловлено в том числе и тем фактом, что в «эпоху застоя» после отката относительной демократизации времен оттепели, литература, эстрада, театр и кино были под постоянным вниманием со стороны партии власти и в первую очередь оценивались исходя из коммунистических постулатов и соответствия идеологическим задачам. А водевильные пьесы, в отличие от, например, сатирических фельетонов не считались политически опасными элитами от культуры, поставленными ограждать общество от пагубного влияния критикующих власть. Следовательно, к ним было менее пристальное внимание, и за весёлостью, музыкальностью и поверхностной развлекательностью драматурги могли скрывать второй план, подтексты, сарказм. Безусловно рекреационная

функция водевиля преобладала: зритель получал не только развлекательную составляющую, но и своего рода психотерапевтическую поддержку, так как спектакли способствуют разрядке и отвлечению от текущих проблем, демонстрируя вариант юмористического или иронического к ним отношения. Нельзя не заметить тем не менее не только положительные эмоции во время спектакля, но и возможность задуматься о серьезных вопросах после. Писатель Даниил Аль важнейшими для писателей-юмористов качествами называл «умение увидеть не просто смешное, а достойное осмеяния общественное явление. Умение это смешное изобразить, не впадая при этом в пустое, тем более в низкопробное смехачество» [\[2\]](#).

Художественные принципы и приемы жанра водевиля преобладают в большинстве пьес соавторов, этим во многом можно объяснить невнимание литератороведов и театрореведов к драматургии Рацера и Константина, ведь, начиная с дореволюционной и продолжая в советской критической мысли доминировала позиция о незначительном ценностном вкладе и «несерьезности» массовой культуры, к которой относится и водевиль [\[3-7\]](#). И, хотя критики признавали умение авторов рассмешить, однако этот талант ставился скорее им в упрек. Вот лишь некоторые заголовки статей об их творчестве: «Голое хохмачество», «Вам не стыдно, товарищи?» [\[8, с.236\]](#).

В энциклопедическом словаре «Литераторы Санкт-Петербурга. XX век» эта ситуация описывается следующим образом: «В сов. газетах драматургию Р. и К. называли «голым хохмачеством», «дешевой развлекательностью», а пьесы драматургов получили эпитеты «торшерные», «бездумные», «бесконфликтные», несмотря на то что они были самыми популярными авторами того вр. Газеты призывали «запретить, снять с репертуара, изъять из печатных изданий» тв-во Р. и К. Защищая драматургов, Акимов говорил, что комедиограф стремится рассмешить так же, как повар накормить, а врач вылечить. Реж. А. Белинский отмечал, что пьесы Р. и К. построены безуокоризненно, имеют быструю завязку, четкую кульминацию, «не притянутую за уши развязку». В их пьесах «видны «швы»», характеры раскрыты не глубоко, репризы повторяются, однако репризы «хорошие и очень смешные» [\[9\]](#).

По мнению же автора данной статьи добиться смеха в зрительном зале чаще всего сложнее, чем слёз, а «сочинить репризу в две строки намного сложнее, чем написать разгромную рецензию на эту репризу в две страницы» [\[10, с.129\]](#). Да и «сарафанное радио» не даром считалось и продолжает быть самой действенной бесплатной рекламой, а аншлаги по всей стране на спектаклях по пьесам Рацера и Константина тому прямое доказательство не один десяток лет.

По свидетельству энциклопедического словаря «Литераторы Санкт-Петербурга. XX век» пьесы Рацера и Константина выдержали более полутора тысяч постановок еще при жизни драматургов, подобного не знал ни один из талантливых современников Рацера и Константина – ни Володин, ни Вампилов, ни Петрушевская. Среди театральных удач дуэта комедиографов можно назвать легендарного «Левшу» в Театре им. Ленсовета, «Виновника торжества», шедшего на сцене Театра Комедии с аншлагами более десяти лет, оперетту «Восемнадцать лет», поставленную более сорока театрами. Ими написаны тексты песен к наизнаменитейшим спектаклям Игоря Владимира с Алисой Фрейндлих – «Укрощение строптивой» и «Дульсинея Тобосская». И, что показательно, тексты куплетов к экранизации самого известного русского водевиля «Лев Гурыч Синичкин» режиссера Александра Белинского написаны также Рацером и Константиновым. Можно упомянуть также их авторство сценариев фильмов Яна Фрида «Тартюф» и Александра Белинского «Марица». Но, конечно же, отдельного упоминания заслуживает

сотрудничество Рацера и Константинова с Георгием Александровичем Товстоноговым. Само начало знакомства примечательно. Начиная с середины 1950-х гг. Рацер и Констинов писали сценарии знаменитых капустников, которые устраивались в акимовском театре. На одном из капустников, в котором была пародийная сценка на тему «Горя от ума», в которой Чацкого играл Сергей Юрский, побывал Товстоногов. После чего Юрскому была предложена роль Чацкого в товстоноговском «Горе от ума», а молодым тогда драматургам – работа над литературным переводом классической грузинской комедии-водевиля Александра Цагарели «Ханума». По сути дела, что признавалось практически всеми, Рацер и Константинов написали новую пьесу «по мотивам». «Ханума» была поставлена за два месяца (премьера состоялась 30 декабря 1972 г.) – невероятно короткий срок для товстоноговской режиссуры, а шел спектакль на сцене Большого драматического театра более двадцати лет. Что, конечно же говорит, о крепкой драматургической основе. Сочетание лирики и гротеска, площадной стихии и трогательной патетики, великолепно написанные роли, блестательно сыгранные звездами товстоноговской труппы Людмилой Макаровой, Владиславом Стржельчиком, Валентиной Ковель, Николаем Трофимовым, тексты песен, музыку к которым написал Гия Канчели – все это сделало «Хануму» чуть ли не лучшим комедийным спектаклем второй половины XX века. После чего пьеса была переведена на многие языки и поставлена более чем в ста театрах страны. «Несмотря на то что Р. и К. написали новую пьесу, на афише спектакля они значились как «авторы русского текста и стихов». Партийная критика, считая Цагарели автором «Ханумы», высоко оценила пьесу, сравнив юмор с «брзгами шампанского» [9]. Хотя и здесь не обошлось без негативных высказываний критиков («опошлили народный юмор», «извратили национальный колорит», «спекуляция на любви к братской грузинской культуре» [8, с.237].

Сотрудничество с Товстоноговым не было единичным. В 1973 году Рацер и Константинов сделали авторизованный и, по мнению критиков, куда более смешной чем оригинал перевод пьесы румынского драматурга (и по совместительству в этот момент министра культуры Румынии) Ауреала Баранги «Общественное мнение», которую Товстоногов поставил на сцене БДТ. А в 1982 году Товстоногов предложил драматургам сочинить пьесу по повести Давида Клдиашвили «Мачеха Саманишвили», что, с учетом грузинской основы, можно считать знаком особого доверия со стороны великого режиссера. Постановки спектакля шли впоследствии и в других театрах в советском и постсоветском пространстве.

И все же большая часть творчества Рацера-Константинова связана с «легким жанром», ведущим свою генеалогию от русского водевиля – со всеми его особенностями и законами. И авторы своей преемственности не скрывали, в отличие от многих современников, стыдливо прячущих откровенно водевильные пьесы под вывеской лирической комедии, Рацер и Константинов откровенно писали в жанровом подзаголовке пьесы – водевиль. Как это было с одним из водевильных шлягеров драматургов, пьесой «Стихийное бедствие», написанной в 1981 г. Попробуем на примере этой пьесы проанализировать взаимосвязь ее с водевильной традицией и определить какие элементы художественной структуры водевиля использовали драматурги, точно знающие секрет зрительского успеха.

В стиле работы соавторов за многие годы совместного творчества были устоявшиеся правила, по которым «сначала рисовалась схема: имена героев, характеры, сюжетные линии. Все это вешалось на стенку. Потом начиналось сочинительство. Схема в процессе работы обычно ломалась, сюжет становился другим, но без схемы было нельзя. Схема нужна писателю, как скорлупа птенцу: он ее ломает, но без нее ничего не родилось бы»

[\[11, с.120\]](#). По воле авторов действие «Стихийного бедствия» разворачивается в современном им Ленинграде конца 1970-х гг. Сорокапятилетний врач Наталья Сергеевна давно живет одна, (сын с невестой по распределению живут в Мурманске), работа полностью поглотила все остальные сферы жизни. Завязка развивается в стремительном ритме, когда, приехавшая из Иваново в гости Светлана Николаевна, решает устроить личную жизнь подруги детства и отправляет в тайне объявление от имени Натальи Сергеевны в Бюро Знакомств. Это приводит к тому, что «одна комическая ситуация сменяет другую, заставляя зрителей, затаив дыхание, следить за происходящим на сцене. Кто из двух женихов победит в дуэли за сердце героини? Как переживает свое поражение другой претендент на ее сердце и что еще способна предпринять активная и полная кипучей энергии Светлана Николаевна?» [\[12\]](#)

Драматурги в законе водевильного жанра основывают сюжет на одной выбранной ими доминантной теме, «которая формирует содержательный план произведения, становится его тематическим стержнем» [\[13\]](#). В сюжетном плане соавторы использовали, наверное, самую излюбленную водевильную тематическую группу, а именно матrimониальные отношения. Удивительным образом авторам удалось сочетать разные аспекты данной темы.

1) тема сватовства, протекающего хоть и не без трудностей, но с успешным итогом (Светлана Николаевна сама себя позиционирует как сваху);

2) тема ссоры любящих супругов (Юрий Михайлович, поссорившись с супругой Раисой, ищет в лице Натальи Сергеевны новое семейное счастье, но возвращается к супруге и ради нее отказывается от длительных командировок);

3) брак по расчету (Геннадий Петрович не скрывает корыстного мотива:

«Светлана Николаевна. Вам домработницу надо искать, а не жену.

Геннадий Петрович. А что еще в моем возрасте искать? Любовь, что ли?» [\[14, с.9\]](#);

4) ухаживания за невестой в состязательном ключе (Светлана Николаевна устраивает женихам конкурсы на лучший тост, танец и т.п.);

5) взаимоотношения влюбленных, которым мешают внешние препятствия (Светлана Николаевна уверена, что ей лучше знать кто из женихов подходит больше, решает выдать замуж Наталью Сергеевну за Юрия Михайловича, считая его более подходящим женихом и фактически закрывая глаза на то, что подруга сделала выбор в пользу Геннадия Петровича).

Характерной особенностью «брачных» водевилей является неизменно счастливый финал, но здесь не обходится без интриги – кто поженится, ведь женихов в два раза больше, чем невест.

Одним из принципов композиционной организации сюжета выступает двигатель сюжета и средство привлечь внимание зрителя - интрига. И не умаляя важности актерской игры для усиления напряженности интриги, основополагающим все-таки остается драматургическая основа. В «Стихийном бедствии» коллизии возникают на основе случайностей и путаницы, розыгрыше, непреднамеренном обмане, обоюдном обмане, ложном истолковании слов и поступков, а также в результате противостояния двух групп героев, причем они меняются и перегруппируются по ходу действия. Потенциальные женихи стремятся вступить в брак, а «невеста на выданье» оказывает им

в этом сопротивление. Все это добавляет действию стремительности, а писатели обладали признанным мастерством в использовании этих приемов для обеспечения динамики сюжета.

Композиционная структура последовательности событий здесь строится на исходном событии, где главный герой остается в неведении, в то время как зритель обладает информацией о том, что подруга от имени Натальи Сергеевны подала объявление в службу знакомств.

К периферийным темам относятся изображение реалий жизни советского народа, страны и времени в их исторической конкретности, национальная специфика жизни людей, традиции и, конечно, бытовой уклад, который сами авторы охарактеризовали в первой же ремарке как «стандартный». И эта стандартность в бытовом плане еще больше контрастирует с необычностью ситуаций.

В пьесе «Стихийное бедствие», как и присуще этому жанру в отличие от бытовой комедии, водевильные ситуации заведомо пародийны, ненатуральны, преувеличены (Наталья Сергеевна прячет Геннадия Петровича в ванной комнате, после чего через некоторое время следует его неожиданное для остальных героев появление). Одновременно с этим Рацер и Константинов в этой пьесе не используют типичную характеристичность персонажей с использованием преувеличенных психофизических недостатков, так свойственных классическому водевилю, оставляя эту нишу для поиска зерна роли на откуп режиссеру и актерам. Тем не менее нельзя не отметить, что в пьесе характеры прописаны не очень глубоко.

Светлана Николаевна, которая приехала погостить к подруге и решила заодно насильно ее осчастливить, проявляет недюжинную смекалку, не только написав в службу знакомств от имени главной героини, но и придумывая, как скрыть факт того, что женихи повстречались на пути Натальи Сергеевны не случайно, как хотелось бы главной героине, а благодаря поданному объявлению. Искренняя готовность к добрым делам и поступкам из благих побуждений, осуществляемые ею пусть даже и путем хитрости и обмана, абсолютно водевильный прием. И, хотя подруга из Иваново говорит сопротивляющейся браку «невесте на выданье» постбальзаковского возраста: «Опять в ванную запрешься или, как Подколесин у Гоголя, в окошко прыгнешь» [\[14, с.22\]](#), невозможно не заметить в образе самой развившей кипучую деятельность Светлане Николаевне отсылку к Кочкареву из «Женитьбы» Н. В. Гоголя. Поскольку действие водевиля сжато и насыщено, каждый из четырех персонажей несет определенную драматургическую нагрузку, условно второстепенных героев в нем нет.

Помимо сюжетно-композиционной структуры следует остановиться и на языке водевиля, который стал необходимым компонентом создания комического эффекта. Легкость насыщенного каламбурами, метафорами, афоризмами, игрословием диалога, который составляет основу в пьесе, дает необходимую искрометность и выразительность реплик героев.

Ярким стилистическим средством для выражения эмоциональности в речи служат в этой пьесе фразеологические обороты, как, например:

«Светлана Николаевна: ... Умеет вязать, петь под гитару...

Наталья Сергеевна: Я уже двадцать лет не пела.

Светлана Николаевна: Захочешь замуж — запоешь!» [\[14, с.4\]](#)

Иногда при построении репризы используется прием намеренного искажения известной фразы. Индивидуально-авторское преобразование фразеологизма «разыграть комедию» напоминает нам о жанре пьесы:

«Геннадий Петрович. Нет уж, увольте, не в моем возрасте водевили разыгрывать.» [14, с.10]

Популярным приемом в пьесе является и реализованная метафора, предполагающая использование метафорического выражения в прямом значении, как бы без учёта егоfigурального характера, что в результате ее реализации приводит к комическому эффекту:

«Юрий Михайлович. Так получилось... «Неужели говорит, Коля не догадался с вами передать...»

Светлана Николаевна. Сказали бы — не догадался.

Юрий Михайлович. Не догадался.» [14, с.16]

Стилистическую функцию в качестве средства создания юмора в тексте выполняет преднамеренное употребление двух слов-паронимов в одном предложении:

«Светлана Николаевна: ... В нашем возрасте не любовь надо искать, а друга. А дружба, может, и в любовь перейдет.

Наталья Сергеевна. Любовь не переходит, любовь приходит.» [14, с.8]

Парадоксальность мышления авторов в описании не только оригинальных, но и обычных ситуаций на злободневные и при этом понятные каждому читателю и зрителю темы привносит в водевиль необходимый комизм.

«Лучше молоко. А у вас какое? Вчерашинее? Тогда не надо, я завтрашинее купил...» [14, с.9],

«Мужчина. ... (Складывает все в портфель, тянется к звонку.) Ой, побриться забыл. (Достает из портфеля механическую бритву, бреется.)» [14, с.8];

«Из ... нелепостей возникает парадокс, — то есть мысль, на первый взгляд, абсурдная, но, как потом выясняется, в известной мере справедливая. По этому принципу строятся многие эстрадные репризы» [15, с.83]. Соавторы виртуозно овладели умением строить репризу в начале своего творческого пути и часто использовали впоследствии в том числе и репризы, написанные ими для фельетонов. «Любая шутка и острота, любой действенный трюк, способные вызвать смех аудитории вне дальнейшего или предшествующего контекста или действия, называется репризой... Реприза — это не всякий комический узел, а лишь тот, который имеет самостоятельность в теме, в сюжете» [16, с.89-90] тем не менее может успешно встраиваться в сюжетный и смысловой контекст пьесы:

Голос Натальи Сергеевны (за дверью). Света, открой, яключи забыла.

Светлана Николаевна. Сейчас!

Геннадий Петрович. Подождите!

Светлана Николаевна. Чего ждать-то в пятьдесят с хвостиком? (Открывает дверь.)» [14, c.11].

Сатирической литературе всегда была свойственна насыщенность репризами-парадоксами. Причем упомянутые выше репризы остаются актуальными и сейчас, поскольку при всех изменениях российской общественной и политической жизни многие проблемы столь же остры, как и 40 лет назад.

«Наталья Сергеевна. Как у нее в институте дела?

Юрий Михайлович. Учится.

Наталья Сергеевна. А Васька?

Юрий Михайлович. Тоже учится.

Наталья Сергеевна. Учится? Он же еще в яслях.

Юрий Михайлович. Ходить учится.» [14, c.14]

Комизм диалога заключается в употреблении в рядом стоящих репликах одного глагола «учиться», но с разным лексическим значением.

«Все женщины — вулканы. Только одни действующие, а другие — потухшие. Но ничего, я тебя раскочегарю!» [14, c.18]

Сравнение женщин со стихийным бедствием здесь дополнено еще и антитезами «действующие» и «потухшие».

Отдельного внимания заслуживают по нынешним меркам абсолютно необидные, и даже интеллигентные ругательства, как, например:

«Вы из бюро! Жених нумерованный, вот вы кто!» [14, c.32];

«Наталья Сергеевна. Восемьдесят лет, одинокая старушка. Они с соседом над ней шефствуют.

Светлана Николаевна. Вот видишь — восемьдесят, а за ней двое мужчин ухаживают! А тебе сорок пять, а прическа, как у активистки из жэка, и платье, как у монашки...» [14, c.14]

Понимание того факта, что настоящая реприза возникает только при единении шутящего (актера) и слушающего (зрителя), — важное обстоятельство, из которого драматурги делали практические выводы не только по построению самой репризы, но и по ее применению в обстоятельствах спектакля, основываясь на предыдущем опыте успеха или его отсутствия ранее придуманных ими реприз для фельетонов, исполняемых эстрадными артистами. Хотя в вину соавторам как раз и ставилось то, что «встречаются повторяющие репризы» [10, c.130]. Текстовые репризы в «Стихийном бедствии» были оценены публикой в зрительном зале во время показов спектаклей по этой пьесе за интересные мысли, поданные через игру слов, неожиданный поворот, остроумное сочетание слов. Соавторы стремились присутствовать на премьерных показах спектаклей по их пьесам и всегда изучали реакцию публики — важный фактор не только в режиссерской, но и в деятельности драматурга. Репризы Константинова и Рацера выражали игру ума, которая находила выражение в игре слов, что выгодно отличает их пьесы от современных легких

зачастую антрепризных комедий, которые в большой степени заняли место водевиля в XXI веке и где реприза состоит из игры слов без игры ума, что делает ее не только плоской, но даже пошлой.

Первая постановка пьесы, которую в программке обозначили как «лирическая комедия о любви в двух действиях» состоялась 19 июня 1981 г. в Ленинградском государственном Малом драматическом театре (ныне ФГБУК «Академический Малый драматический театр - Театр Европы»). По приглашению Е. М. Падве режиссёром выступил В. Е. Воробьёв, который уже тремя годами ранее ставил по пьесе драматургов спектакль «Прекрасная Елена» (музыка Ж. Оффенбаха), художником по декорациям - Д. М. Афанасьев, художником по костюмам - Р. М. Юношева, в спектакле использовалась сборная музыка советских и зарубежных композиторов.

В том же году в Калининском государственном драматическом театре (ныне ГБУКТО «Тверской областной академический театр драмы») состоялась одноименная премьера (режиссер - В. А. Персиков, художник - Е. М. Бырдин, музыкальное оформление - И. Е. Кувшинова).

Спектакли по пьесе были поставлены за прошедшие годы в столице, городах Российской Федерации и в Республике Беларусь. Актуальность водевиля неоспорима и сегодня, последняя премьера по пьесе вышла под названием «Захочешь замуж – запоёшь» – реплика из пьесы – в Московском игровом театре в 2022 году (режиссер – Федор Степанов, композитор – Александр Триска). Среди новшеств современной интерпретации пьесы можно выделить снятый специально для спектакля игровой киноролик, переносящий его героев в другое пространство. Примечательно, что в XXI пьеса преимущественно идет в разных театрах не под оригинальным названием, скорее всего это связано с двумя факторами. Во-первых, современный зритель, увидев мельком афишу с названием «Стихийное бедствие», может не обратить внимание на жанр и тогда название скорее отпугнет, желающего получить позитивные эмоции, потенциального зрителя. Во-вторых, лишь в некоторых случаях, решение о смене названия может исходить или из желания театра сэкономить или из невозможности договориться об отчислениях авторских прав.

Пьеса оказалась востребована у театральных режиссеров как в советские годы, так и в современности. Когда зачастую в мире на задний план отходит классическая культура и нарастает дегуманизация искусства, театры чувствуют потребность многих поклонников русского театра в возвращении к вечным темам. И, присущий пьесам Рацера и Константинова трагикомизм в легкой и добродушной оболочке водевиля позволил «Стихийному бедствию» вот уже более сорока лет не сходить с театральных подиумов.

Тем не менее именно эта оболочка характеризуется сегодня тем, что современные исследователи нередко не узнают в обновленных водевильных формах традиционного жанра, а иногда справедливо отмечают, что драматурги и режиссеры прятались от цензуры за безопасным жанром, которым, как указывалось выше, считается водевиль. Всё же «Стихийное бедствие» целесообразно отнести к этому жанру, так как в спектаклях по пьесе, исходя из самого жанра и ремарок авторов, присутствует активное взаимодействие с аудиторией (импровизация, многочисленные апарты, прямые выходы); доминируют как театральность, так и динамичная интрига, насыщенная элементами путаницы, ошибок, обманов, стечения обстоятельств, иронией и пародией на общественные и культурные явления. Пьеса пронизана атмосферой веселья и развлечения, присутствует быстрота и яркость сценических образов и диалогов; действие происходит в камерном пространстве в ограниченный период времени. Во всех

известных автору постановках присутствует музыкальная составляющая, будь то сборная музыка или специально написанная для спектакля, которая помогает еще детальнее характеризовать героев или является продолжением предшествующего музыкальному номеру действия. С комедией положений и бытовой комедией данный водевиль частично совпадает по стихии игры, которая видна на всех уровнях текста – от развития действия до языка персонажей, ориентирующаяся на комическое преломление действительности, вызывающая жизнерадостный смех, который обеспечивает спектаклю живость, веселье, зрелищность, а также благополучный финал. Но характерные для водевиля сюжетные схемы обладают «сиюминутной» актуальностью, что ведет к трансформациям водевиля на проблемно-тематическом уровне, и, таким образом, несмотря на популярность драматургии Рацера и Константинова, все же сегодня по мнению театролов смотрится частично устаревшей.

Одновременно с этим именно по водевильной линии Рацер и Константинов «сродни» своим выдающимся современникам Александру Вампилову и Людмиле Петрушевской, которые по-своему использовали элементы художественной структуры водевиля в своем творчестве. И линия это сегодня продолжается в драматургии самых репертуарных драматургов нашего времени Николая Коляды и Дмитрия Данилова. Поэтому, как нам кажется, «феномен Рацера-Константинова», самых репертуарных, а, следовательно, самых популярных драматургов 1970-1990-х гг. достоин дальнейшего исследования, без этого история отечественного театра позднесоветской эпохи не будет полноценной.

Библиография

1. Эстрада России. XX век [Текст] : энциклопедия / [ответственный редактор Е. Д. Уварова]. – Москва : ОЛМА-Пресс, 2004. – 861 с.
2. Альшиц Д. Н. Мне не хватает его тонкого юмора [Электронный ресурс] / Д. Н. Альшиц. – URL: <https://nvspb.ru/2010/02/19/mne-ne-hvataet-ego-tonkogo-yumora-41791?ysclid=lcu6luvh721394279> (дата обращения 17.01.2023).
3. Беляев Ю. Д. Статьи о театре / Ю. Д. Беляев ; Сост., вступит. ст., комм. Ю. П. Рыбаковой. – СПб.: Гиперион, 2003. – 432 с. (Русская художественная летопись. II.) EDN: QXPQGD.
4. Русские водевилисты // Театр и искусство. 1898. № 52. С. 968 – 969.
5. Евреинов Н. Н. История русского театра / Н. Н. Евреинов. – М.: Эксмо, 2011. – 477 с.
6. Белинский В. Г. Полн. соб. соч. : в 13-ти т. – М., 1953. Т. 1. – 574 с.
7. Довести до конца борьбу с нэпманской музыкой. – Москва : Гос. муз. изд-во, 1931. – 111 с.
8. Осовцов С. "Смеяться, право, не грешно..." // Нева. 2002. – № 6. – С. 236-240.
9. Энциклопедический словарь "Литераторы Санкт-Петербурга. XX век" Рацер Борис Михайлович, Книжная лавка писателей [Электронный ресурс] / – URL: <https://lavkapisateley.spb.ru/enciklopediya/r/racer/> (дата обращения 01.05.2025).
10. Белинский А. А. Записки старого сплетника : Мемуары / Александр Белинский. – 3. изд., доп. и испр. – Москва : ACT-пресс кн., 2002. – 300 с.
11. Мелихан К. С. Падающие звезды / К. С. Мелихан // Нева. – 2004. – № 4. – С. 120-132.
12. Абрамова М. Любви все возрасты покорны [Электронный ресурс] / М. Абрамова. – URL: <http://www.teatr.ru/docs/tpl/new.asp?id=3690&> (дата обращения 18.01.2023).
13. Введение в литературоведение : учебник для студентов высших учебных заведений, обучающихся по специальности "Русский язык и литература" / [Н. Л. Вершинина и др.] ; под общ. ред. Л. М. Крупчанова. – М. : Оникс, 2005. – 416 с.
14. Константинов В. К., Рацер Б. М. Стихийное бедствие : Либр. водевиль / Отв. ред. Н. Каминская. – М. : ВААП-Информ, 1981. – 67 л.

15. Богданов И. А. Постановка эстрадного номера : учеб. пособие для студентов вузов / И. А. Богданов // Санкт-Петербург : С.-Петерб. гос. акад. театр. искусства, 2004. – 317 с. EDN: QXRCNN.
16. Ардов В. Е. Разговорные жанры эстрады и цирка. Заметки писателя / В. Е. Ардов. – М. : Искусство, 1968. – 230 с.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования в представленной для публикации в журнале «Человек и культура» статье, как автор обозначил в заголовке («Водевильная традиция в драматургии Б. Рацера и В. Константина. Структура жанра в водевиле “Стихийное бедствие”»), является водевильная традиция (в объекте исследования) в драматургии Б. Рацера и В. Константина. Автор осуществляет в статье краткий исторический обзор развития жанра водевиля на театральной сцене и в киносценариях, дает характеристику творческого дуэта Б. Рацера и В. Константина в контексте эстрадной и театральной жизни, раскрывает преломление выработанных отечественных водевильных традиций в конкретном примере — в структуре водевиля Рацера и Константина «Стихийное бедствие» (1981).

Автор уместно подробно останавливается на характеристике водевильной традиции драматургии в России и СССР на театральной сцене и киноэкране, обращает внимание на уникальное свойство водевиля, как «легкого» жанра, не привлекать пристального внимания театральной критики и идеологической цензуры, оставаясь тем не менее востребованным и наиболее массовым в плане посещения зрителем жанром. Помещая творчество Б. Рацера и В. Константина в общий контекст художественной жизни СССР, автор подчеркивает, что за «легкостью» жанра стоит сложная творческая художественная работа, художественная ценность которой по достоинству высоко оценивалась как режиссерами-постановщиками, так и выдающимися представителями литературно-драматургического цеха. Негативное отношение к жанру со стороны «серезных» критиков, включая необоснованный нападки на творчество Рацера и Константина, по мнению рецензента, было спровоцировано именно высоким художественным мастерством в драматургии, где «серезному» критику просто не за что было зацепиться, чтобы что-то «умное» сказать, не выдав тем самым собственной глупости и невежества: ведь сама амбивалентная сущность шутки, являющаяся драматургическим стержнем водевиля, состоит в том, что недовольный шуткой критик сам себя ставит в смешное (осмеянное) положение. Автор в этом ключе приводит конкретные примеры неодобрительных отзывов о результатах сотворчества Рацера и Константина, к которым в их собственных формулировках скорее можно предъявить претензии, адресованные водевилю.

Таким образом, предмет исследования рассмотрен автором на высоком теоретическом уровне, и статья заслуживает публикации в авторитетном научном журнале.

Методология исследования несмотря на то, что автор отдельно ее не формализует, основана на принципах комплексности и исторической объективности. Авторский методический комплекс представляет собой гармоничный синтез элементов историко-культурологического, искусствоведческого и литературного анализа, позволяет последовательно решать значимые научно-познавательные задачи при достижении цели освещения российских водевильных традиций на примере творчества Б. Рацера и В. Константина.

Актуальность выбранной темы автор поясняет тем, что «как правило, история театра охватывает его вершинные достижения» ... в то время как «за чередой театральных побед и праздников зачастую пропадает реальное содержание театрального процесса, где праздники сменяются буднями, в театр приходят не критики, а просто зритель», и русский водевиль XIX в. представляет собой «наиболее яркий пример такого несовпадения».

Научная новизна исследования, состоящая в авторской оценке водевильных традиций в творчества Б. Рацера и В. Константина, заслуживает теоретического внимания.

Стиль текста в целом автором выдержан научный, хотя встречаются и обидные помарки, корректировка которых способна улучшить качество текста запланированной публикации: 1) встречаются слабо согласованные выражения (например, «которые нередко не совпадает с мнение просвещенного меньшинства» или «которые в общественном сознании всё ещё занимают незаслуженно высокомерное отношение»); 2) нужно внимательнее отнестись к склонению фамилий в одном падеже («... Е. Л. Шварцем, И. А. Ильфом, Е. П. Петровом...»); 3) встречаются казусы с лишними знаками препинания (например, «смехачество.» [2.]» и др.); 4) не все упомянутые исторические периоды оформлены с учетом редакционных требований (например, «середины 50-х гг. XX» и др.; правильно см. https://nbpublish.com/e_ca/info_106.html). Необходима дополнительная вычитка текста.

Структура статьи следует логике изложения результатов научного исследования.

Библиография, учитывая опору автора в том числе на анализ эмпирического материала, в целом в достаточной мере отражает проблемную область исследования. Хотя на будущее рецензент рекомендовал бы автору не упускать возможность поместить результаты своего исследования в более широкое поле теоретических дискуссий за счет обращения к публикациям российских и зарубежных коллег за последние 3-5 лет.

Апелляция к оппонентам вполне корректна и достаточна: автор аргументировано участвует в теоретической дискуссии о художественной ценности жанра водевиля и его российских традиций.

Статья, безусловно, заинтересует читательскую аудиторию журнала «Человек и культура» и после исправления незначительных оформительских недочетов может быть рекомендована к публикации.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

В журнал «Человек и культура» автор представил статью «Водевильная традиция в драматургии Б. Рацера и В. Константина. Структура жанра в водевиле «Стихийное бедствие»», в которой проведено исследование знаменитого творческого дуэта драматургов второй половины XX века и их вклад в популяризацию жанра водевиля.

Автор исходит в изучении данного вопроса из того, что в театре позднесоветского времени наиболее ощутимо водевильная традиция проявилась в творчестве самых репертуарных драматургов этого времени – Бориса Рацера и Владимира Константина. Художественные принципы и приемы жанра водевиля преобладают в большинстве пьес соавторов.

Актуальность исследования определяется популярностью и неподдельным интересом широкой аудитории к легким музыкальным мелодраматическим постановкам. В ходе исследования автором применялись общенаучные методы описания, анализа и синтеза, а также биографический и искусствоведческий анализ. Теоретическим обоснованием

послужили как теоретические труды искусствоведов (Т.С. Шахматова), так и заметки театральных деятелей и критиков (В.Е. Ардов, А.А. Белинский, Ю.Д. Беляев). Эмпирическую базу составили произведения Бориса Рацера и Владимира Константина, в частности, водевиль «Стихийное бедствие».

Соответственно, целью настоящего исследования является комплексный анализ творческой деятельности Б. Рацера и В. Константина и их вклада в развитие жанра водевиля в советской драматургии.

На основе анализа научной обоснованности проблематики автор приходит к заключению, что жанр водевиля незаслуженно считается недостойным внимания в кругах просвещенной искушенной публики, а также серьезных искусствоведов и театроведов, которые считали, что ценностный вклад водевиля и мелодрамы в театральное искусство незначителен, а сами жанры несерьезны из-за их принадлежности к массовой культуре.

Популярность водевильного жанра в 60-70-х годах XX века автор объясняет социокультурными факторами: водевильные пьесы в «эпоху застоя» не считались политически опасными, к ним было менее пристальное внимание, и за весёлостью, музыкальностью и поверхностной развлекательностью драматурги могли скрывать второй план, подтексты, сарказм. Кроме того, в водевилях преобладала рекреационная функция: зритель получал не только развлекательную составляющую, но и своего рода психотерапевтическую поддержку, так как спектакли способствуют разрядке и отвлечению от текущих проблем, демонстрируя вариант юмористического или иронического к ним отношения.

На примере пьесы «Стихийное бедствие» при помощи анализа языка, композиционной организации, сюжетных линий и средств выражения эмоциональности автор прослеживает ее взаимосвязь с водевильной традицией и определяет какие элементы художественной структуры водевиля использовали драматурги, точно знающие секрет зрительского успеха. Как отмечает автор, в спектаклях по пьесе присутствует активное взаимодействие с аудиторией (импровизация, многочисленные апарты, прямые выходы); доминируют как театральность, так и динамичная интрига, насыщенная элементами путаницы, ошибок, обманов, стечения обстоятельств, иронией и пародией на общественные и культурные явления. Пьеса пронизана атмосферой веселья и развлечения, присутствует быстрота и яркость сценических образов и диалогов; действие происходит в камерном пространстве в ограниченный период времени. Во всех постановках присутствует музыкальная составляющая.

В заключении автором представлен вывод по проведенному исследованию, в котором приведены все ключевые положения изложенного материала.

Представляется, что автор в своем материале затронул актуальные и интересные для современного социогуманитарного знания вопросы, избрав для анализа тему, рассмотрение которой в научно-исследовательском дискурсе повлечет определенные изменения в сложившихся подходах и направлениях анализа проблемы, затрагиваемой в представленной статье.

Полученные результаты позволяют утверждать, что изучение творческого наследия деятелей искусства нашей страны представляет несомненный теоретический и практический культурологический интерес и может служить источником дальнейших исследований.

Представленный в работе материал имеет четкую, логически выстроенную структуру, способствующую более полноценному усвоению материала. Этому способствует и адекватный выбор методологической базы. Библиографический список исследования состоит из 16 источников, что представляется достаточным для обобщения и анализа научного дискурса. Текст статьи содержит элементы как научного, так и

публицистического стиля.

Автор выполнил поставленную цель, получил определенные научные результаты, позволившие обобщить материал, показал глубокое знание изучаемой проблематики. Следует констатировать: статья может представлять интерес для читателей и заслуживает того, чтобы претендовать на опубликование в авторитетном научном издании.

Англоязычные метаданные

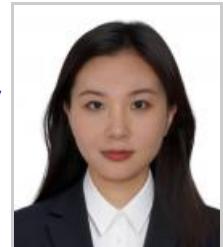
Appealing and Responding: An Interpretation of the Confucian Canon "Li Ji" from the Perspective of Modern Feminist Critique

Liu Taoran

Postgraduate student; Institute of Philosophy, Saint Petersburg State University

Russia, St. Petersburg, Vasileostrovsky district, 11th line, house 34/47, room 21.

✉ st108348@student.spbu.ru

Abstract. The subject of this research is a critical analysis of the Confucian canon "Li Ji" from a feminist perspective, grounded in the philosophy of Emmanuel Levinas. The study focuses on the ethical status of women within the Confucian ritual-moral system and reveals how female subjectivity is structurally excluded from the realm of ethical expression. Attention is given to both the textual mechanisms that reinforce gender otherness and the forms of female response, which are simultaneously imbued with emotionality and normative discipline. Using Levinas's concept of the Other, the work aims to show that women in "Li Ji" function as ethical carriers but not as recognized subjects capable of calling to account. Thus, the research contributes to understanding the possibility of the female voice as the beginning of ethical relations within the patriarchal canon. The study employs a comparative philosophical method, combining a critical reading of the Confucian text with feminist analysis and the conceptual apparatus of Levinas's ethics to reveal gender asymmetries in the structure of moral recognition. The scientific novelty of the research lies in the interdisciplinary interpretation of the Confucian canon "Li Ji" at the intersection of feminist critique and the ethical philosophy of Emmanuel Levinas. The main methods used include hermeneutic analysis, intertextual approaches, and critical-discursive readings of key concepts such as "ritual," "obedience," and "difference." The study shows that despite women's active participation in ritual-ethical practice, their status as a Person remains invisible and unrecognized within the moral structure. The work demonstrates how the normative logic of the text generates an effect of ethical silence, structurally placing women in the position of the responding subject while excluding them from the possibility of being initiators of moral calls. This gender bias in the Confucian model necessitates philosophical deconstruction. In conclusion, the necessity to rethink the very foundation of ethical relations and affirm the female voice as an equal and autonomous source of ethical subjectivity and moral expression is emphasized.

Keywords: Ethics and Gender, Structural inequality, Gender norms, Confucian family ethics, Gendered othering, Levinas, Face, Affective labor, Confucian ritual, Female subjectivity

References (transliterated)

1. Chanter T. (red.). Feministskie interpretatsii Emmanuela Levinasa. Universitet shtata Pensil'vaniya: Penn State Press, 2010. 288 s.
2. Kats K. E. Levinas, iudaizm i zhenstvennost': Bezmolvnye shagi Revekki. Blumington: Universitet Indiany, 2003. 224 s.
3. Batler D. Gendernye voprosy / D. Batler // Filosofiya v sovremennom mire. 2000. T. 7, № 1. S. 13-19.
4. Menning R. Dzh. Sheffler. Myslit' Inogo bez nasiliya? Analiz sootnosheniya filosofii

- Emmanuelya Levinasa i feminizma // Zhurnal spekulyativnoi filosofii. 1991. T. 5, № 2. S. 132-143.
5. Melikhov G. V. Zhenskoe kak "svoe" i "drugoe": variatsii na temy filosofstvovaniya L. Irigarei i E. Levinasa / G. V. Melikhov // Vestnik Samarskoi gumanitarnoi akademii. Seriya: Filosofiya. Filologiya. 2008. № 1(3). S. 138-149. EDN: NIZTWH.
 6. Kalinina A. S. Ponyatie Drugogo i etika v filosofii E. Levinasa / A. S. Kalinina // Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. 2020. № 5(439). S. 124-129. DOI: 10.24411/1994-2796-2020-10516. EDN: IUARWM.
 7. Belarev A. N. Litso drugogo u E. Levinasa i A. A. Ukhtomskogo / A. N. Belarev // Studia Litterarum. 2017. T. 2, № 4. S. 30-43. DOI: 10.22455/2500-4247-2017-2-4-30-43. EDN: YMUZPM.
 8. Levinas E. Izbrannoe. Total'nost' i beskonechnoe. M.; SPb.: Universitetskaya kniga, 2000. 416 s.
 9. Levinas E. Vremya i drugoi. Gumanizm drugogo cheloveka. SPb.: Vysshaya religiozno-filosofskaya shkola, 1998. 260 s.
 10. Kniga obryadov (Li tszi). Pekin: Chzhunkhua shutszyui, 1999. 1148 s.
 11. Syue G. Issledovanie semeinoi etiki v "Li tszi": dis. ... kand. filos. nauk. Chzhenchzhou: Khenan'skii universitet, 2013.
 12. Raffals L. Razdelennyi svet: Predstavleniya o zhenschinakh i dobrodeteli v rannem Kitae. Olbani: Izd-vo universiteta shtata N'y-Iork (SUNY Press), 1998. 348 s.
 13. Bovuar S. de. Vtoroi pol. M.: Progress; SPb.: Aleteiya, 1997. 832 s.
 14. Evstropov M. N. Teoriya sub"ektivnosti Emmanyelya Levinasa: mezdu ontologiei i etikoi / M. N. Evstropov // Mysl': Zhurnal Peterburgskogo filosofskogo obshchestva. 2013. T. 15. S. 57-70. EDN: SMFMEX.
 15. Mann S. Pod konfutsianskim vzglyadom: Teksty o gendere v istorii Kitaya. Berkli: Universitet Kalifornii, 2001. 310 s.
 16. Chzhan Ts. Issledovanie gumanisticheskogo dukha i tsennosti kul'tury rituala: dis. ... kand. filos. nauk. Chzhenchzhou: Chzhenchzhouskii universitet, 2006.
 17. Li M. Obsuzhdenie i otvet sovremennoogo konfutsianstva na problemu gendernoi diskriminatsii // Philosophy and culture. 2019. T. 46, № 9. S. 177-191.

The urban landscape of St. Petersburg by artists of the academic school of the 2000s and 2020s.

Mezhinskaya Vladislava Ruslanovna

Postgraduate student; Department of Russian Art; St. Petersburg Ilya Repin Academy of Fine Arts

199034, Russia, St. Petersburg, Vasileostrovsky district, Universitetskaya nab., 17

 vladislava.mezhinskaya@yandex.ru

Abstract. The article reveals the theme of the "urban landscape", formulates the main features, using the example of the works of artists. There are not many images in modern academic painting that harmoniously combine genre subjects and urban views. Among the graduates of the St. Petersburg Academy of Arts, there are artists who are fascinated by the "living" aspects of the urban environment: A. Gorlanov, K. Malkov, as well as P. Tyutrin, A. Makarov, I. Tupeyko find inspiration in everything they see around them (in passers-by on the streets, in festive events in squares and boulevards). The subtlety of the artists' perception is

focused on interesting details and plot. In the works of these landscape painters, the everyday life of the Northern Capital is perceived as an endlessly changing motif. The subject of the study is the urban landscape of St. Petersburg. Research methods such as cultural and historical analysis and formal stylistic analysis are used to study this topic. The study is due to the low degree of study of the modern St. Petersburg urban landscape in the scientific and theoretical field of art criticism. The urban landscape expertly balances between two principles of depicting reality: natural, realistic, and conventional, decorative. In modern academic painting in the genre of urban landscape, various human interactions with the urban environment are shown: images can convey an organic existence in the dynamics of the strict geometry of the city, loneliness and isolation, and the contrast between history and modernity. In the practice of modern academic art, new approaches to landscape largely synthesize genre forms familiar to the viewer. Landscape images can be present in portraits, still lifes, and everyday scenes where nature or an urban backdrop serve to create a certain mood, symbolism, or compositional solution. The urban landscape occupies a significant place in modern academic painting, as it allows artists to convey the dynamics of urban life and its internal contradictions.

Keywords: St. Petersburg, Academy of Arts, academic painting, modern landscape, landscape genre, St. Petersburg landscape, landscape painting, painting, modern art, urban landscape

References (transliterated)

1. Bakulina M. I. Gorodskoi peizazh: zhanrovye osobennosti / M. I. Bakulina // XLVIII Ogarevskie chteniya: materialy nauchnoi konferentsii. V 3-kh chastyakh, Saransk, 06-13 dekabrya 2019 goda / sost. A. V. Stolyarov, otv. za vypusk P. V. Senin. Tom Chast' 3. – Saransk: Natsional'nyi issledovatel'skii Mordovskii gosudarstvennyi universitet im. N. P. Ogareva, 2020. – S. 229-233. EDN: EZSUFG.
2. Vail' P. L. Genii mesta: / Petr Vail'; [posleslovie L've Loseva]. – Moskva: AST: CORPUS, 2015. – 443 s.
3. Gornova G. V. Sorazmernost' goroda i cheloveka // Informatsionnyi portal v sfere gradostroitel'stva, arkhitektury i informatsionnykh tekhnologii «Upravlenie razvitiem territorii». URL: <https://urtmag.ru/public/827/> (data obrashcheniya: 15.03.2025).
4. Gorelova Yu. R. Peizazh so staffazhem: sub"ekt v gorodskom peizazhe / Yu. R. Gorelova // INNOVATsIONNOE RAZVITIE nauki i OBRAZOVANIYa: sbornik statei VII Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Penza, 05 sentyabrya 2019 goda. – Penza: «Nauka i Prosveshchenie» (IP Gulyaev G. Yu.), 2019. – S. 177-179. EDN: THQFGY.
5. Korvatetskaya E. S. Vozvrashchenie peterburgskogo impressionista Andriana Goranova // Peterburgskie iskusstvovedcheskie tetradi. – 2018. – № 51. – S. 43-48.
6. Kal'vino I. Nevidimye goroda / [per. s ital. N. A. Stavrovskoi]. – Moskva: AST: Astrel', 2010. – 222 s.
7. Linch K. Obraz goroda / perevod s angl. V. L. Glazycheva. – Moskva: Stroiizdat, 1982. – 328 s.
8. Prostranstvo kak sotsial'nyi produkt: glava iz knigi Anri Lefevra // Izdatel'stvo Strelka press. URL: <https://project1016.tilda.ws/space> (data obrashcheniya: 15.03.2025).
9. Peremyslov I. A., Tuluzakova G. P. Razvitie traditsii gorodskogo peizazha v tvorchestve R. I. Lyapina / I. A. Peremyslov, G. P. Tuluzakova // Khudozhestvennoe obrazovanie i nauka. – 2019. – № 4. – S. 121-126. DOI: 10.34684/hon.201904015. EDN: ISYUHJ.

The contribution of the Moscow State Conservatory named after P.I. Tchaikovsky to the establishment of the Chinese school of choral conducting

ZHOU ZHOU

Postgraduate student; Victor Popov Academy of Choral Art

125565, Russia, Moscow, Festivalnaya str., 2

✉ jojoinrussiaa@mail.ru

Abstract. The subject of this study is the art of choral conducting as one of the most relevant aspects of contemporary musical culture in China. The object of the research is the examination of the creative and pedagogical methods employed by the faculty of the Moscow Conservatory with Chinese students who are choral conductors. The aim of this article is to explore the pathways of forming the profession of choral conductor in China and to determine the role of the Moscow Conservatory in this process. The author examines various aspects of the topic, such as the cultural interaction between the USSR and the PRC in the 20th and 21st centuries, tracing the history of the influence of Russia's largest music institution on the establishment of a choral conducting school in China. A number of key figures among Soviet and Russian musicians who made significant contributions to this process are identified. The author notes that choral education in Russia is characterized by philosophical-aesthetic depth, semantic concentration, and technical sophistication. The methodology consists of a synthesis of historical-theoretical and choral studies methods. Based on this, the history of training Chinese students at the Moscow Conservatory is revealed. Special attention is given to the independent performing and pedagogical activities of prominent choral conductors in China. The research experience aims to establish connections between the Russian school of choral conducting and the development of contemporary Chinese choral art. The main conclusion of the conducted research is the paradigm of profound mutual influence and enrichment in the musical arts of Russia and China. In particular, this position has become a determining factor in the musical education of Chinese students at the Moscow Conservatory. A significant contribution of the author to the topic is the study of the current state of the educational process for students from China in the choral conducting department at the Moscow Conservatory, which has not previously been the object of special research. The novelty of the study lies in the fact that it presents materials on the education of currently prominent choral figures in China: Wu Lingfeng, Yan Liankun, Cao Tongyi, Wang Chao. Attention is drawn to the need to study the historical aspects of the establishment of the national school of choral conducting in China, linked to the traditional musical thinking of China and the shift towards the assimilation of the Russian conducting and choral tradition.

Keywords: Cao Tongyi, Wu Linfeng, Yan Liankun, choral performance, choral music, Chinese music, conducting, choir, Moscow Conservatory, Wang Chao

References (transliterated)

1. Van E. Obzor biografii kitaiskikh kompozitorov, ostavshikhsya v Sovetskem Soyuze v 1950-e gody [Tekst] / Van E. // Khudozhestvennyi forum. – 2015. – № 3. – S. 40-41.
2. Gaidai P.V. Razvitie professional'nogo muzykal'nogo obrazovaniya v kontekste mezhkul'turnogo vzaimodeistviya: Rossiya – Kitai, KhKh vek [Tekst] / P.V. Gaidai // Pedagogicheskii zhurnal Bashkortostana. – 2018. – № 3 (76). – S. 50-56. EDN: XXIEOL

3. Glushkova O.R. Ob uchebno-pedagogicheskoi rabote Moskovskoi konservatorii Russkogo muzykal'nogo obshchestva [Tekst] / O.R. Glushkova // Muzyka v sisteme kul'tury: nauchnyi vestnik Ural'skoi konservatorii. Vyp. 17. Imperatorskoe Russkoe muzykal'noe obshchestvo: na perelomakh istorii: Materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii / otv. red. E. E. Polotskaya. Ural. gos. konservatoriya imeni M. P. Musorgskogo. – Ekaterinburg: UGK, 2019. – S. 126-132. EDN: JELXHS
4. Glushkova O. R. Osobennosti kontingenta uchashchikhsya Moskovskoi konservatorii RMO [Tekst] / O.R. Glushkova // Istorya muzykal'nogo obrazovaniya: novye issledovaniya: Materialy mezhdunarodnogo seminara pyatoi sessii Nauchnogo soveta po problemam istorii muzykal'nogo obrazovaniya / red.-sost. V.I. Adishchev, M.G. Dolgushina; Nauchn. sovet po problemam istorii muz. obrazovaniya; Vologod. gos. un-t, Perm. gos. gumanit.-ped. un-t. – Vologda, Perm': Sad-ogorod, 2019. – S. 108-118. EDN: WCQKMJ
5. Glushkova O.R. K voprosu stanovleniya obrazovatel'noi deyatel'nosti Moskovskoi konservatorii Russkogo muzykal'nogo obshchestva [Tekst] / O.R. Glushkova // Muzykal'noe iskusstvo i obrazovanie / Musical Art and Education. – 2020. – T. 8. – № 1. – S. 131-148. DOI: 10.31862/2309-1428-2020-8-1-131-148 EDN: CDWDDO
6. Du Minsin'. Moi novye myсли o kompozitsii i muzykal'nom analize (pod redaktsiei Tyan' Lin') [Tekst] / Du Minsin' // Kitaiskaya muzyka. – 2017. – № 4. – S. 19-24.
7. Dun Sitsze, Zagidullina D. R. Kitaiskii kompozitor Du Minsin': biograficheskii ocherk [Tekst] / Dun Sitsze // Aktual'nye problemy muzykal'no-ispolnitel'skogo iskusstva: Istorya i sovremennost'. – Kazan': Kazan. gos. konservatoriya, 2018. – S. 201-209.
8. Kamernyi khor Moskovskoi konservatorii. Formula uspekha. K 80-letiyu Borisa Tevlina [Tekst] / red.-sost. E.D. Krivitskaya. – M: Nauchno-izdatel'skii tsentr "Moskovskaya konservatoriya", 2012. – 200 s.
9. Koshkareva N. Aleksandr Solov'ev: Studenty so vsego mira po-prezhnemu stremyatsya uchit'sya v Rossii [Tekst] / A.V. Solov'ev. [Elektronnyi resurs]. – Rezhim dostupa: <https://amjcm.ru/events/aleksandr-solovyov-studenty-so-vsego-mira-po-prezhnemu-stremyatsya-uchitsya-v-rossii/> (data obrashcheniya: 08.05.2025)
10. Lyu Mei [Tekst] / Lyu Mei. [Elektronnyi resurs]. – Rezhim dostupa: <https://muzykal'nyifestival'-rossiya.rf/zhyuri-2024/> (data obrashcheniya: 08.05.2025)
11. Syui Fu. Du Minsin': Velikii zvuk [Tekst] / Syui Fu. – Pekin: Kitaiskaya federatsiya literatury. – 2014. S. 22-24.
12. Tsao Tun'i. Interpretatsiya russkoi khorovoi kul'tury [Tekst] / Ts. Tun'i // Literatura epokhi. – 2008. – № 20. – S. 121-124.
13. Tsao Tun'i (曹通一) [Tekst]. [Elektronnyi resurs]. – Rezhim dostupa: <https://baike.baidu.com/item/曹通一/10049436?fr=aladdin> (data obrashcheniya: 08.05.2025)
14. Tszo Chzhen'guan'. Russkie muzykanty v Kitae [Tekst] / Ts. Chzhen'guan'. – M.: Kompozitor, 2014. – 335 s.
15. Tszyan Kui. Vspominaya sovetskogo spetsialista Balashova i ego ekspertnyi klass po sol'fedzhio [Tekst] / Ts. Kui // Narodnaya muzyka. – 2012. – № 6. – S. 48-49.
16. Chzhou Chzhou. Interv'yu U Linfen [Tekst] / Ch. Chzhou. – Noyabr' 2022 goda.
17. Chzhen Lisha K voprosu o vliyanii Moskovskoi konservatorii na razvitiie muzykal'noi kul'tury Kitaya [Tekst] / L. Chzhen // Podgotovka muzykanta-pedagoga: Istoricheskii opyt, problemy, perspektivy: Materialy mezhdunar. nauch. konf. Sed'moi sessii Nauchnogo soveta po problemam istorii muzykal'nogo obrazovaniya. – M., 2019. – S. 136-144.

18. Chzhen Syaoin. Nerushimaya kitaisko-sovetskaya druzhba: vspominaya moikh nastavnikov [Tekst] / S. Chzhen // Khudozhestvennoe obozrenie. – 2009. – № 6. – S. 32-40.
19. Chen' Sitsze. Vstrechi s prizhiznennym klassikom – kompozitorom Du Min'sinem [Tekst] / S. Chen' // Khudozhestvennoe obrazovanie i nauka. – 2021. – № 1(26). – S. 172-175. DOI: 10.36871/hon.202101020 EDN: LOJIHB
20. Chen' Sitsze. Stanovlenie professii dirizhera v Kitae: vliyanie rossiiskoi shkoly, obretenie samobytnosti: avtoreferat dis. ... kandidata iskusstvovedeniya: 17.00.02 [Tekst] / Chen' Sitsze; [Mesto zashchity: Magnitogorskaya gosudarstvennaya konservatoriya (akademiya) imeni M.I. Glinki]. – Moskva, 2021. – 27 s.
21. Chen' Khueikhuei. Kogda delo kasaetsya khorovogo peniya, ego golos napolnyaetsya reshmost'yu i strast'yu [Tekst] / Kh. Chen' [Elektronnyi resurs]. – Rezhim dostupa: https://mp.weixin.qq.com/s?__biz=MzA5MzMxNTkzOA==&mid=2651306141&idx=1&sn=7f55c4484dadb103e5fd154fdfc1e1d2&chksm=8bacae90bcd2786836effdf5fd5e1bda9ec89c83da9701cc10c24c0920743e8b45e62a6e3dd&scene=27 (data obrashcheniya: 10.05.2025)
22. Shi Tsinyue. Zvuk serdtsa: Interv'yu s Du Minsinem, kompozitorom pervogo pokoleniya Novogo Kitaya [Tekst] / Ts. Shi // Vremya i prostranstvo iskusstva Kitaya. – 2016. – Vyp. 6 (33). – S. 44-53.

Conceptual and theoretical prerequisites for considering impressing as a socio-cultural phenomenon

Viktorova Elena Viktorovna □

PhD in Pedagogy

Associate Professor; Department of Social and Humanitarian Disciplines; Penza State University

40 Krasnaya str., Penza, Penza region, 440026, Russia

✉ vikele@mail.ru

Abstract. The object of the study is an impressing phenomenon with a complex biosociocultural nature. References to it in the scientific literature, given its "closely related" relationship with imprinting, primarily evoke associations with its biological nature. However, attention is drawn to the recent growing interest in imprinting / impressing representatives of a wide range of social sciences and humanities. The shift of emphasis in the biosociocultural nature of impressing from its bio-component to the socio-cultural one becomes obvious and necessary. However, the emergence of the concept of "imprinting/ impressing" beyond the limits of natural science knowledge, as a rule, is not accompanied by any reflection on the conceptual and theoretical grounds for considering the phenomenon behind it in the social subject field. Accordingly, the subject of the presented research is the conceptual and theoretical prerequisites for considering impressing as a socio-cultural phenomenon. Modern scientific ideas about the complex unity of nature, society, culture and the place of man in it, which can serve as a theoretical basis for socio-cultural research of impressing, are analyzed and synthesized. Deductive, axiomatic methods and the method of analogy are used in the development of the conceptual foundations of the study of impressing, based on the specifics of modern socio-cultural knowledge. The main results of the work include, firstly, the identified trends in modern knowledge about culture and the person in it, which allow us to assert that the socio-cultural analysis of impressing has theoretical and methodological grounds. The key of the described trends is the idea of a multifaceted and unstable

interpenetration of the natural principle, sociality and culture. Special emphasis is placed on the tendency to consider culture as a product of the psyche and the human psyche as a natural and cultural phenomenon. Secondly, based on the trends identified in modern socio-cultural knowledge, and by analogy with them, the conceptual foundations for considering impressing as a complex biosociocultural phenomenon in the functioning of which the socio-cultural component plays a key role are proposed. Conclusions are drawn about the directions of further study of impressing, which is supposed to be debatable, but necessary. The consideration of the conceptual foundations of the study of impressing as a socio-cultural phenomenon seems to be new and theoretically significant for the socio-humanitarian sciences as a whole, since it opens up the possibility of a more fruitful multidimensional understanding of the little-studied phenomenon.

Keywords: an active person, sociocultural trends, culture and psyche, imprinting, impressing, information impact, a man in culture, sociocultural knowledge, creative potential, self-organization of culture

References (transliterated)

1. Akhiezer A.S. Filosofskie osnovy sotsiokul'turnoi teorii i metodologii. Voprosy filosofii. 2000. № 9. S. 29-45.
2. Bowlby J. Attachment. New York.: NY, Basic Books, 1999.
3. Baglyuk S.B. Sotsiokul'turnaya obuslovленnost' tvorcheskoi deyatel'nosti: diss. ... k.filos.n., 24.00.01. M., 2001.
4. Dilts R.B. Changing Belief Systems with NLP. Santa Cruz, California: Dilts Strategy Group, 1996.
5. Efroimson V.P. Genetika genial'nosti. M: Vremya znanii, 1995.
6. Efroimson V.P. Pedagogicheskaya genetika // Biologiya. 2000. № 31. S. 5-11.
7. Frank S.L. Dukhovnye osnovy obshchestva. M.: Respublika, 1992.
8. Fromm E. Chelovek dlya sebya. M.: AST, 2023.
9. Goryunkov S.V. Vvedenie v mifologicheskuyu teoriyu kul'turogeneza. Chast' V. Programmiruyushchaya funktsiya kul'tury // Znanie. Ponimanie. Umenie. 2012. № 1.
10. Grof S. Realms of human unconscious: Observations from LSD research. New York: The Viking Press, 1975.
11. Gusel'tseva M.S. Kul'turno-psikhologicheskii analiz v psikhologii i smezhnykh naukakh // Psikhologicheskie issledovaniya. 2009. T. 2. №4.
12. Hess E.H. Imprinting in birds // Science. 1964. No. 146. Pp. 1128-1139.
13. Kholodnaya M.A. Psikhologiya intellekta: paradoksy issledovaniya. Sankt-Peterburg: Piter, 2002.
14. Horn. G. Memory, imprinting and the brain. An Inquiry into Mechanisms. Oxford: Clarendon Press Oxford, 1985.
15. Inyushkin N.M. Provintsial'naya kul'tura: priroda, tipologiya, fenomeny. Saransk: Izdatel'stvo Mordovskogo universiteta, 2003.
16. Kabrin V.I. «Khimery ob"yasneniya» i postmetodologicheskaya perspektiva psikhologii // Metodologiya i istoriya psikhologii. 2008. № 1. S. 153-164.
17. Kagan M.S. Sistemnyi podkhod i gumanitarnoe znanie: izbrannye stat'i. L.: LGU, 1991.
18. Kagan M.S. Filosofiya kul'tury. M.: Yurait, 2024.
19. Kiselev R.A. Imprinting // Vestnik NLP. 2014.

20. Krapivenskii S.E. Sotsiokul'turnaya determinanta istoricheskogo protsessa // *Obshchestvennye nauki i sovremenność*, 1997. № 4. S. 134-142.
21. Lapin N.I. Sotsiokul'turnyi podkhod i sotsial'no-funktional'nye struktury // *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2000. № 7. S. 3-12.
22. Leary T. Chaos and Cyber Culture. California: Ronin Publishing, 2014.
23. Losev A.F. Derzanie dukha. M.: Politizdat, 1998.
24. Losev A.F. Dialektika tvorcheskogo akta. 1982. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/Losev/dial_tvakt.php (data obrashcheniya: 15.05.2024).
25. Markarian E.S. Capacity for World Strategic Management. Yerevan: Gitutgun, 1998.
26. Markaryan E.S. Sistemnoe issledovanie chelovecheskoi deyatel'nosti // *Voprosy filosofii*, 1972. № 10. S. 106-120.
27. Markaryan E.S. Teoriya kul'tury i sovremennaya nauka (logiko-metodologicheskii analiz). M.: Mysl', 1983.
28. Mezhuev V.M. Problemy teorii kul'tury. M.: Politizdat, 1977.
29. McFarland D. Animal Behaviour: Psychobiology, Ethology and Evolution. New York: Longman Scientific and Technical Essex; Wiley, 1993.
30. Mid M. Kul'tura i mir detstva. M.: Nauka, 1988.
31. Novikov A.M., Novikov D.A. Metodologiya Nauchnogo issledovaniya. M.: Librokom, 2010.
32. Okonskaya N.B. Imprinting kak sistemnyi mekhanizm evolyutsii obshchestva // *Filosofskie nauki*. 2001. № 1. S. 114-124.
33. Perel'man M. Psikhologicheskie ustanovki v razvitiu lichnosti i v istorii narodov // *Sem'iskusstv*. 2010.
34. Perel'man M.E., Amus'ya M.Ya., Pugovkin A.P. Istorija i impressing pokolenii // *Posev*. 2004. № 11. S. 30-34.
35. Ponugaeva A.G. Imprinting (zapechatlevanie). L.: Nauka, 1973.
36. Sagatovskii V.N. Filosofiya razvivayushcheisya garmonii. SPb.: SPbGU, 1999.
37. Sel'e G. Stress bez distressa. M.: Progress, 1979.
38. Sorokin P.A. Sotsial'naya i kul'turnaya dinamika. M.: Astrel', 2021.
39. Tugarov A.B. Filosofskie osnovaniya sotsial'nykh issledovanii // *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Povolzhskii region. Gumanitarnye nauki*. 2007. № 2. S. 77-85.
40. Shmerlina I.A. Biologicheskie grani sotsial'nosti. Ocherki o prirodnykh predposylkakh sotsial'nogo povedeniya cheloveka. M.: Knizhnyi dom «Librokom», 2013.
41. Uzilevskii G.Ya. O sverkhrannem obuchenii, klassicheskikh printsipakh vospitaniya i obucheniya s pozitsii antropologicheskoi semiotiki // *Obrazovanie i obshchestvo*. 2000. № 5. S. 57-64.
42. Vasiliuk F.E. Metodologicheskii analiz v psikhologii. M.: Izdatel'stvo Moskovskogo gorodskogo psikhologo-pedagogicheskogo universiteta (MGPPU), Smysl, 2003.
43. Viktorova E.V. Sotsiokul'turnyi podkhod k analizu prirody impressinga // *Znanie. Ponimanie. Umenie*. 2016. № 1. S. 253-262.
44. Viktorova E.V. The Programming Function of Culture in a Digital Society: Selected Tools // *Digitalization of Education: History, Trends and Prospects*. Published by Atlantis Press SARL, 2020.
45. Viktorova E.V. Imprinting and Impression Concepts in Contemporary Knowledge: Problems of Correlation and Interdisciplinary Applications // *Complex Social Systems in*

Dynamic Environments. Lecture Notes in Networks and Systems. Springer, Cham. 2023.
Vol 365. Rr. 39-48.

Sicily between eras: from the power of Sextus Pompey to the reorganization of Augustus

Lenchuk Vladislav YUr'evich □

Postgraduate student; Department of Ancient World History, Lomonosov Moscow State University

119234, Russia, Moscow, Universitetskaya pl., 1

✉ lenchukvy@my.msu.ru

Abstract. The subject of this research is the historical process of the transformation of Sicily at the end of the 1st century BC, covering the period of Sextus Pompey's rule and the subsequent administrative reorganization carried out by Octavian Augustus. The article examines the consequences of the civil wars of the Roman Republic for the socio-economic situation of the island, including the destruction of cities, the decline of agriculture, and the demographic crisis. The measures taken by Octavian after the defeat of Sextus Pompey are analyzed, including the confiscation of property, the deportation of opponents, the establishment of Roman colonies, changes in the tax system, as well as social and administrative reforms. The study aims to identify the patterns of Sicily's transition from a state of political and economic decline to integration into the administrative system of the Roman Empire, taking into account cultural and economic aspects. The methodological framework of the research includes the analysis of ancient written sources, archaeological data, a comparative analysis of literature, as well as historical-systems and structural-functional approaches to identify the patterns of Sicily's transitional period from republican to imperial governance. The scientific novelty of the research lies in the fact that for the first time in domestic historiography, a comprehensive analysis of the transitional period in the history of Sicily is conducted, when the rule of Sextus Pompey was replaced by the administrative reorganization carried out by Octavian Augustus. The interconnections between political instability, economic decline, and rehabilitative reforms are traced in detail, as well as the scale of the impact of these reforms on the socio-economic and cultural structure of the island is assessed. The work demonstrates that Augustus's punitive measures were combined with a colonization program, the introduction of fixed taxes, and infrastructure restoration, which allowed Sicily to recover and integrate into the administrative system of the Roman Empire. Special attention is given to the combination of repressive and constructive measures in stabilizing the region, ensuring its long-term sustainability, and forming a new social base.

Keywords: Octavian Augustus, administrative reorganization, archaeology, taxation system, colonization, civil wars, Roman Republic, reforms, Sextus Pompey, Sicily

References (transliterated)

- Brunt P. Italian Manpower 225 BC - AD 14. Oxford: Clarendon Press, 1971. 512 s.
- De Miro E. Città e contado nella Sicilia centro-meridionale nel III e IV sec. d.C. Kokalos XXVIII-XXIX, 1982. S. 319-329.
- Degrassi A. Inscriptiones Italiae XIII: Fasti et Elogia I. Fasti Consulares et Triumphales. Rome, 1947. 543 s.
- Grant M. From Imperium to Auctoritas: A Study of the Aes Coinage in the Roman Empire. Orig. 1946; reprinted with corrections, Cambridge, 1969. 272 s.

5. Hadas M. *Sextus Pompey*. New York, 1930. 245 s.
6. Holloway R.R. *The Archaeology of Ancient Sicily*. London: Routledge, 2000. 300 s.
7. Keppie L. *Colonisation and Veteran Settlement in Italy*. London, 1983. 250 s.
8. Manganaro G. *La Sicilia da Sesto Pompeo a Diocleziano*. ANRW II11.1, 1988. S. 389.
9. Manganaro G. *Nuove ricerche di epigrafia siceliota*. Sic Gymn Vol. XVI, 1963. S. 51-64.
10. Manganaro G. *Per una storia della Sicilia romana*. ANRW II9.2, 1972. S. 442-461.
11. Roddaz J.M. *Marcus Agrippa*. Rome, 1984. 544 s.
12. Roddaz J.M. *Sextus Pompey: héritier de César ou dernier républicain*. In: *Sextus Pompeius* / Ed. K. Welch, A. Powell. Swansea, 2002. S. 149.
13. Sherwin-White A.N. *The Roman Citizenship*. Oxford: Clarendon Press, 1939. 366 s.
14. Smith C.J. (ed.). *Sicily from Aeneas to Augustus: New Approaches in Archaeology and History*. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2019. 370 s.
15. Stone S.C. III. *Sextus Pompey, Octavian and Sicily*. American Journal of Archaeology, 1983. Vol. 87, No. 1. S. 11-22.
16. Syme R. *The Roman Revolution*. Oxford, 1939. 587 s.
17. Welch K. *Magnus Pius: Sextus Pompeius and the Transformation of the Roman Republic*. Swansea: The Classical Press of Wales, 2012. 366 s.
18. Wilson R.J.A. *Sicily under the Roman Empire: The Archaeology of a Roman Province*, 36 BC - AD 535. Warminster: Aris and Phillips, 1990. 452 s.
19. Appian. *Rimskaya istoriya. Pervye knigi*. / Per. i komm. A. I. Nemirovskogo. (Seriya "Antichnaya biblioteka"). SPb.: Aleteiya, 2004. 790 s.
20. Kassii Dion Kokkeian. *Rimskaya istoriya. Knigi LXIV LXXX* / Per. s drevnegrech. A. V. Makhlayuka, K. V. Markova, N. Yu. Sivkinoi, S. K. Sizova, V. M. Strogetskogo pod red. A. V. Makhlayuka; komm. i stat'ya "Istorik „veka zheleza i rzhavchiny"" A. V. Makhlayuka. SPb.: Filologicheskii fakul'tet SPbGU, Nestor Iстория, 2011. 456 s.
21. Plinii Starshii. *Estestvoznanie: Ob iskve* / Per. G. A. Taronyana. M.: Ladomir, 1994. 944 s.
22. Pis'ma Marka Tulliya Tsitserona k Attiku, blizkim, bratu Kvintu, M. Brutu. T. III, gody 46-43. Izdatel'stvo Akademii Nauk SSSR, Moskva Leningrad, 1951. Perevod i kommentarii V. O. Gorenshtaina. V 3-kh tomakh.
23. Strabon. *Geografiya* / Per. s dr. grech. G. A. Stratanovskogo pod red. O. O. Kryugera, obshch. red. S. L. Utchenko. 2-e izd., repr. M.: Ladomir, 1994. 944 s.

Walking and running: humanistic potential and cultural continuity (Part Two)

Kannykin Stanislav Vladimirovich

PhD in Philosophy

Associate Professor; Department of Humanities; Starooskolsky Technological Institute named after AA Ugarov (branch) of NUST MISIS

309503, Russia, Belgorod region, Stary Oskol, Nikitsky, 6

 stvk2007@yandex.ru

Abstract. The subject of the study is the cultural content of walking and running as anthropologically universal types of locomotion and the peculiarities of the translation of the metaphysical components of these "body techniques". The article examines five types of running based on the corresponding types of walking: walking/running for pleasure;

walking/running for health; walking/running for personal development; walking/running to achieve political goals; walking/running as sports practices. The names of the presented types of movement concretize the expression of their humanistic potential, and the way to preserve and develop it in the history of mankind is cultural continuity, which is comprehended based on the content of the concepts of "(bodily) embodied memory", "universals of culture", "traditions", "actualization of tradition", "innovations". The second part of the article explicates the humanistic potential and cultural continuity of walking and running, used for personal development, to achieve political goals and as sports practices. The research methodology used was the historical method, the method of categorization, the descriptive method, and the method of analysis. In the aspect of personal development, the deepest concretization of the concept of "humanistic potential of walking/ running" is recorded, achieved on the basis of the study of a special kind of experience that opens up to a person through prolonged cyclical bodily tension and is not accessible to "pure", "out of body" consciousness. The political content of walking is revealed on the basis of R. Solnit's identification of three prerequisites for pedestrian movement: the struggle for free time, for access to walking areas and for freedom of movement. The political dimension of running practices was provided by such properties of running locomotion (in comparison with walking) as more pronounced energy consumption and speed, playfulness and visibility of the runner. Walking/Running acquired a sporting dimension at the end of the XVIII century, when money bets on walking/running over significant open (and later closed) distances for a certain time became popular, demonstrating the outstanding endurance of representatives of the bourgeoisie entering the arena of world history. The modern passion for overcoming super marathon distances is becoming part of a new consumer culture focused on making their own life project unique, mainly by representatives of the middle class, in whose value system the pleasure of a disciplined body has taken root, health has become an area of individual responsibility, and success is understood perfectionistically as achieving new levels of perfection and expanding their capabilities.

Keywords: race walking, political marches, transcendentalism, kaihegyo, dynamic meditation, cultural continuity, humanistic potential, run, walking, ultra running

References (transliterated)

1. Ingold T. The Perception of the Environment. Essays on livelihood, dwelling and skill. London: Routledge, 2000.
2. Moss M. Obshchestva. Obmen. Lichnost'. Trudy po sotsial'noi antropologii. M.: KDU, 2011.
3. Bale J. Running cultures: racing in time and space. London: Routledge, 2003.
4. Mamardashvili M. Kartezianskie razmyshleniya. M.: Izdatel'skaya gruppa «Progress»; «Kul'tura», 1993.
5. Merlo-Ponti M. Fenomenologiya vospriyatiya. SPb.: Yuventa: Nauka, 1999.
6. Vizitei N.N. Teoriya fizicheskoi kul'tury: k korrektirovke bazovykh predstavlenii. Filosofskie ocherki. M.: Sovetskii sport, 2009.
7. Cha A., N'yanadkhammo A. Bodkin'yana. Korni vsekh veshchei. M.: IP Soldatov A. V., 2009.
8. Stevens J. The marathon monks of mount Hiei. Boston: Shambhala, 1988.
9. Baugh B. Philosophers' walks. New York: Routledge, 2022. doi: 10.4324/9780429319143-6
10. Fusu L.I. Kontseptsii liminal'nosti v nauchnom diskurse kak mezhdistsiplinarnaya

- problema // Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke. 2017. Tom 6. № 3A. S. 240-246.
11. Solnit R. *Wanderlust: a history of walking*. New York: Penguin Books, 2001.
 12. Kagge E. *Progulka. Samyi prostoi istochnik radosti i smysla*. M.: Mann, Ivanov i Ferber, 2021.
 13. Bernshtain N. A. *Biomekhanika i fiziologiya dvizhenii*. M.: Izdatel'stvo «Institut prakticheskoi psikhologii», Voronezh: NPO «MODEK», 1997.
 14. Kannykin S.V. *Spetsificheskie begovye praktiki nekotorykh regionov Vostoka: opyt filosofskogo analiza // Kul'tura i iskusstvo*. 2021. № 10. S. 33-46. DOI: 10.7256/2454-0625.2021.10.34933 URL: https://e-notabene.ru/camag/article_34933.html
 15. Tvoreniya Tertulliana, khristianskogo pisatelya v kontse vtorogo i v nachale tret'ego veka v chetyrekh chastyakh. SPB: Izdanie Korableva i Siryakova, 1849.
 16. Joslyn R. D. *Running the spiritual path. A runner's guide to breathing, meditating, and exploring the prayerful dimension of the sport*. New York: St. Martin's Press, 2003.
 17. Murphy M., White R.A. *In the Zone: Transcendent Experience in Sports*. London: Penguin, 1995.
 18. Sheehan G. *Running & being: the total experience*. Rodale Books, 2013. URL: <https://library.lol/main/5B42BBAAEAEBCA5CA62A20C72392694A> (data obrashcheniya: 27. 06. 2024).
 19. Koski T. *The phenomenology and the philosophy of running. The multiple dimensions of long-distance running*. Springer Cham, 2015. doi 10.1007/978-3-319-15597-5
 20. Rowlands M. *Running with the pack. Thoughts from the road on meaning and mortality*. New York, London: Pegasus Books, 2013.
 21. Alkemeier T. *Stroinye i uprugie: politicheskaya istoriya fizicheskoi kul'tury // Logos*. 2009. 6 (73). S. 194-213.
 22. Amato J. A. *On Foot: a history of walking*. New York: University Press, 2004.
 23. Kannykin S.V. *Beg v mife // Kul'tura i iskusstvo*. 2021. № 3. S. 10-22. DOI: 10.7256/2454-0625.2021.3.32927 URL: https://e-notabene.ru/camag/article_32927.html
 24. Frezer Dzh. Dzh. *Zolotaya vetr': Issledovanie magii i religii: V 2 t. T. 1. M.: TERRA-Knizhnyi klub*, 2001.
 25. Gutos T. *Istoriya bega*. M.: Tekst, 2011.
 26. Butovskii A. D. *Sobranie sochinenii: v 4 t. T. 3*. Kiev: Olimpiiskaya literatura, 2009.
 27. Kannykin S.V. *Beg kak sredstvo obucheniya i vospitaniya v teoreticheskem nasledii i v pedagogicheskikh praktikakh vydayushchikhsya rossiiskikh issledovatelei fizicheskoi kul'tury vtoroi poloviny KhIKh – nachala KhKh veka // Pedagogika i prosveshchenie*. 2023. № 4. S. 186-204. DOI: 10.7256/2454-0676.2023.4.39193 EDN: JAXLDZ URL: https://e-notabene.ru/ppmag/article_39193.html
 28. Kannykin S.V. *Olimpiiskii beg na vynoslivost' i dukh atletizma // Sotsiodinamika*. 2021. № 6. S. 67-80. DOI: 10.25136/2409-7144.2021.6.33234 URL: https://e-notabene.ru/pr/article_33234.html
 29. Germanov G. N. *Olimpiiskoe obrazovanie v 3 t. Tom 1. Igry olimpiad. – M.: Izdatel'stvo Yurait*, 2018.
 30. O'Makhouni M. *Sport v SSSR: fizicheskaya kul'tura – vizual'naya kul'tura*. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2010.
 31. Steedman C. *Landscape for a good woman: a story of two lives*. New Brunswick, N.J.: Rutgers University Press, 1987.

32. Oldfield S.-J. Running Pedestrianism in Victorian Manchester // Sport in History. 2014. № 34:2. Rr. 223-248. doi: 10.1080/17460263.2014.924668
33. Radford P. The celebrated Captain Barclay: sport, money, and fame in regency Britain. London: Headline, 2001.
34. Algeo M. Pedestrianism: when watching people walk was America's favorite spectator sport. Chicago, IL, USA: Chicago Review Press, Incorporated, 2014.
35. Nicholson G. The lost art of walking: the history, science, philosophy and literature of pedestrianism. New York: Riverhead books, 2008.
36. Makgonigal K. Radost' dvizheniya. Kak fizicheskaya aktivnost' pomogaet obresti schast'e, smysl, uverennost' v sebe i preodolet' trudnosti. M.: Mann, Ivanov i Ferber, 2021.
37. Breton D. Playing Symbolically with Death in Extreme Sports // Body & Society. 2000. № 6: 1. Rr.1-11. doi: 10.1177/1357034X00006001001
38. Karnazes D. Begushchii bez sna. Otkroveniya ul'tramarafontsa. M.: Mann, Ivanov i Ferber, 2018.

Walking and running: humanistic potential and cultural continuity (Part One)

Kannykin Stanislav Vladimirovich □

PhD in Philosophy

Associate Professor; Department of Humanities; Starooskolsky Technological Institute named after A.A. Ugarov (branch) of NUST MISIS

309503, Russia, Belgorod region, Stary Oskol, Nikitsky, 6

✉ stvk2007@yandex.ru

Abstract. The subject of the study is the cultural content of walking and running as anthropologically universal types of locomotion and the peculiarities of the translation of the metaphysical components of these "body techniques". The article examines five types of running based on the corresponding types of walking: walking/running for pleasure; walking/running for health; walking/running for personal development; walking/running to achieve political goals; walking/running as sports practices. The presented types of movement concretize the expression of their humanistic potential, and the way to preserve and develop it in the history of mankind is cultural continuity, which is comprehended based on the content of the concepts of "(bodily) embodied memory", "universals of culture", "traditions", "actualization of tradition", "innovations". The first part of the article explicates the humanistic potential and cultural continuity of the first two types of walking/running. The historical method, the method of categorization, the descriptive method, and the method of analysis were used as the methodology of the subject area of the study. It has been established that running for pleasure is formed on the basis of free (not practically forced) walking, which has turned into a game form, that is, carried out solely for the sake of achieving the bodily and mental states generated by running locomotion and not acquired outside of it, which a person likes. The continuity of health-forming walking and running lies in the fact that optimally selected running activity intensifies the health-improving properties of walking, allowing you to achieve a greater health-improving effect during the same time of movement. The peculiarity of the positive effect of running on the human body is seen in the jumping component of this type of locomotion (which is absent in other cyclic types of movement), thanks to which the runner achieves significant biomechanical resonance, which

has a pronounced healing effect. Within the framework of health-forming walking and running, an intermediate form of movement is understood and practiced - jogging, which clearly shows both the physical and cultural continuity of these types of movement.

Keywords: jogging, flânerie, habit, body techniques, universals of culture, cultural continuity, humanistic potential, run, walking, health saving

References (transliterated)

1. Anderson D. Recovering Humanity: Movement, Sport and Nature // Journal of the Philosophy of Sport. 2001. No. 28:2. Rr. 140-150. doi: 10.1080/00948705.2001.9714609
2. Kagge E. Progulka. Samyi prostoi istochnik radosti i smysla. M.: Mann, Ivanov i Ferber, 2021.
3. Amato J. A. On Foot: a history of walking. New York: University Press, 2004.
4. Nicholson G. The lost art of walking: the history, science, philosophy and literature of pedestrianism. New York: Riverhead books, 2008.
5. Solnit R. Wanderlust: a history of walking. New York: Penguin Books, 2001.
6. Bale J. Running cultures: racing in time and space. London: Routledge, 2003.
7. Endurance Running. A Socio-Cultural Examination / Bridel W., Markula P., Denison J. (Eds.). London: Routledge, 2015. doi: <https://doi.org/10.4324/9781315749518>
8. Sheehan G. Running & being: the total experience. Rodale Books, 2013. URL: <https://library.lol/main/5B42BBAAEAEBCA5CA62A20C72392694A> (data obrashcheniya: 26. 06. 2024).
9. Koski T. The phenomenology and the philosophy of running. The multiple dimensions of long-distance running. Springer Cham, 2015. doi: 10.1007/978-3-319-15597-5
10. Running and philosophy: a marathon for the mind / Austin M. W. (Ed.). Hong Kong: Blackwell Publishing Ltd, 2007.
11. Makgonigal K. Radost' dvizheniya. Kak fizicheskaya aktivnost' pomogaet obresti schast'e, smysl, uverennost' v sebe i preodolet' trudnosti. M.: Mann, Ivanov i Ferber, 2021.
12. Ingold T. The Perception of the Environment. Essays on livelihood, dwelling and skill. London: Routledge, 2000.
13. Moss M. Obshchestva. Obmen. Lichnost'. Trudy po sotsial'noi antropologii. M.: KDU, 2011.
14. Baller E.A. Preemstvennost' v razvitiu kul'tury. M.: Nauka, 1969.
15. Rubanov V. G. Ponyatie «preemstvennost'» i ego sotsial'noe izmerenie // Izvestiya Tomskogo politekhnicheskogo universiteta. 2013. T. 323. № 6. S. 103-110.
16. Ragozina T. E. Kul'turnaya pamyat' versus istoricheskaya pamyat' // Nauka. Iskusstvo. Kul'tura. 2017. Vypusk 3 (15). S. 12-21.
17. Mulen L. Povsednevnyaya zhizn' srednevekovykh monakhov zapadnoi Evropy X-XV veka. Moskva: Klassik: Molodaya gvardiya, 2002.
18. Le Goff Zh. Tsivilizatsiya srednevekovogo Zapada. Ekaterinburg: U-Faktoriya, 2005.
19. Krizhovetskaya O.M., Sizova V.V. Flanerstvo kak sposob bytiya: ot istokov do nashikh dnei // Vestnik TvGTU. Seriya «Nauki ob obshchestve i gumanitarnye nauki». 2021. № 3 (26). S. 27-32.
20. Gros F. A philosophy of walking. London, New York: Verso, 2014.

21. Sheehan G., Sheehan A., Willey D. The essential Sheehan: 30 years of running wisdom from the legendary George Sheehan. Rodale Books, 2013. URL: <https://library.lol/main/050246CF6D4F65F690F0E445D9BB6521> (data obrashcheniya: 26.06.2024).
22. Rowlands M. Running with the pack. Thoughts from the road on meaning and mortality. New York, London: Pegasus Books, 2013.
23. Shiller F. Pis'ma ob esteticheskom vospitanii cheloveka. M.: RIPOL klassik, 2018.
24. Kannykin S.V. «Homo currens»: opyt filosofskogo issledovaniya ego-tekstov sovremennoykh rossiiskikh lyubitelei stierskogo bega // Filosofiya i kul'tura. 2024. № 3. S.110-131. DOI: 10.7256/2454-0757.2024.3.40556 EDN: FFHJMH URL: https://e-notabene.ru/fkmag/article_40556.html
25. Kelly S. A runner's pain // Running and philosophy: a marathon for the mind / Ed. by M. W. Austin. Hong Kong: Blackwell Publishing Ltd, 2007. Pp. 89-101.
26. Gippokrat. Izbrannye knigi. M.: Gos. izd-vo biol. i med. lit-ry, 1936.
27. Nutton V. Renaissance Medicine: A Short History of European Medicine in the Sixteenth Century. L.; N.Y.: Routledge, 2022. doi: 10.4324/9781003223184
28. Sirotkina I. Natsional'nye modeli fizicheskogo vospitaniya i sokol'skaya gimnastika v Rossii // Sotsiologicheskoe obozrenie. 2017. №2. S. 320-339. doi: 10.17323/1728-192X-2017-2-320-339
29. Lesgaft P. F. Sobranie pedagogicheskikh sochinenii. T. 1: Rukovodstvo po fizicheskому образованию детям школьного возраста. Ch. 1. M.: Fizkul'tura i sport, 1951.
30. Lesgaft P. F. Sobranie pedagogicheskikh sochinenii. T. 2: Rukovodstvo po fizicheskому образованию детям школьного возраста. Ch. 2. M.: Fizkul'tura i sport, 1952.
31. Tikhanovich P.V. Ocherk gimnasticheskikh igr u drevnikh grekov // Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya. 1856. № 12. S. 215-314.
32. Kayumova M.M. Vospitanie i obrazovanie detei v epokhu Vozrozhdeniya // Russian Linguistic Bulletin. 2022. №2 (30). URL: <https://rulb.org/archive/2-30-2022-june/10.18454/RULB.2022.30.3> (data obrashcheniya: 09.06.2024). doi: <https://doi.org/10.18454/RULB.2022.30.3>
33. Lesgaft P. F. Sobranie pedagogicheskikh sochinenii. T. 4: Osnovy estestvennoi gimnastiki; Otnoshenie anatomii k fizicheskому vospitaniyu; Prigotovlenie uchitelei gimnastiki: Stat'i i vystupleniya: 1874-1890. M.: Fizkul'tura i sport, 1953.
34. Kannykin S.V. K voprosu o sotsiokul'turnoi spetsifike razvitiya begovykh praktik v Rossii // Sotsiodinamika. 2022. № 3. S. 45-66. DOI: 10.25136/2409-7144.2022.3.36759 URL: https://e-notabene.ru/pr/article_36759.html
35. Nabokov P. Indian running. Santa Barbara: Capra Press, 1981.
36. Bale J., Sang J. Kenyan running. Movement culture, geography and global change. London; Portland, OR: F. Cass, 1996.
37. Kannykin S.V. Sotsiokul'turnye faktory poyavleniya i deyatel'nosti klubov lyubitelei bega v SSSR // Sotsiodinamika. 2023. № 2. S. 50-65. DOI: 10.25136/2409-7144.2023.2.39709 EDN: HLZBJR URL: https://e-notabene.ru/pr/article_39709.html
38. Mil'ner E. Beg i zdorov'e // Legkaya atletika. 1983. №3. S. 23.
39. Shilling C. The Body and Social Theory. London: Sage, 1993.
40. Gilmor G. Beg radi zhizni. M.: Fizkul'tura i sport, 1973.
41. Bodriyar Zh. Prozrachnost' zla. M.: Dobrosvet, 2000.
42. VanArragon R. J. In praise of the jogger // Running and philosophy: a marathon for the mind / Ed. by M. W. Austin. Hong Kong: Blackwell Publishing Ltd, 2007. Pp. 45-55.

Defense of Lombardy in 1705. Situational successes of Duke Vendôme and prospective failures of Eugene of Savoy

Kutishchev Aleksandr Vasil'evich

PhD in History

Associate Professor, Department of Management in Social and Economic Systems, Philosophy and History, Ural State University of Railway Transport

66 Kolmogorova str., Yekaterinburg, Sverdlovsk region, 620000, Russia

 akutishev@usurt.ru

Abstract. The subject of the study is the military art during the War of the Spanish Succession (1701–1714). The focus of the scientific inquiry is on specific aspects of military affairs of the era: the development of strategies and the determination of campaign plans, the strategies and tactics of conducting operations, and the forms and methods for achieving operational objectives. The author pays special attention to the role of maneuver and field combat, as well as the provision of reliable logistics and lines of communication between troops and the rear. The aim of the article is to identify the features of European military art in the early 18th century. The center of the article is the military actions between the Franco-Spanish army of Duke J. Vandome and the Imperial troops of Eugene of Savoy in Northern Italy during the summer and autumn of 1705. The methodological basis of the study is a historical-systemic approach, which involves the analysis of the research object as a coherent complex of interrelated elements. The scientific novelty lies in the fact that the article, using memoirs, letters, and military-historical sources, presents a specific military campaign that has not yet been reflected in domestic historiography. As a result of the study, the author concludes that the military actions in Lombardy in 1705 exhibited both typical and specific features of military art of the period. The distinctiveness manifested itself in the active and decisive nature of military actions, and in the persistence and determination of military leaders such as Duke L.-J. Vandome and Prince Eugene of Savoy. Typical features included a tendency towards constraining methodology and templates in command, the dominance of logistics over operational tasks, the predominance of maneuvering to disrupt the enemy's lines of communication over field battles, and a positional character of warfare.

Keywords: Rear communications, maneuver tactics, crossing of the rivers, Eugene of Savoy, Louis XIV, Duke of Vendôme, Western European military art, Dynastic wars, Battle of Cassano, occupation of winter quarters

References (transliterated)

1. Golitsyn N. S. Vseobshchaya voennaya istoriya novykh vremen: v 3 ch. SPb.: Tipografiya A. Transhelya, 1873. Ch. 2. 280 s.
2. Golitsyn N. S. Velikie polkovodtsy istorii: v 2 ch. SPb.: Tipografiya tovarishchestva "Obshchestvennaya pol'za", 1875. Ch. 2. 195 s.
3. Kutishchev A. V. Lyudovik XIV protiv Viktora Amadeya Savoiskogo. Voennaya kampaniya 1704 goda v Savoie. Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Iстория, филология. 2025. T. 24. № 1. S. 40-52. <https://doi.org/10.25205/1818-7919-2025-24-1-40-52>. EDN: XOEGCJ
4. Kutishchev A. V. Perelom v voine za испанское наследство (1701–1714 gg.). Voennaya kampaniya 1704 goda. Manuscript. 2024. № 17. Vyp. 3. S. 151-160.

<https://doi.org/10.30853/mns20240022>. EDN: HMENKE

5. Kutishchev A. V. Pokorenie P'emonta. Voina za испанское наследство 1701-1714 гг. Vestnik RUDN. Серия Всеобщая история. 2023. Т. 15. № 2. С. 182-195.
<https://doi:10.22363/2312-8127-2023-15-2-182-195>. EDN: AEGBID
6. Puzyrevskii A. Z. Razvitie postoyannykh reguliarnykh armii i sostoyanie voennogo iskusstva v vek Lyudovika XIV i Petra Velikogo. SPb.: Tipografiya Balashova, 1889. 348 s.
7. Arneth A. R. Prinz Eugen von Savoyen: in 2 bands. Wien: Wilhelm Braumüller, 1864. Band 1. 542 s.
8. Cosnac G. - J., Pontal É. Mémoires du marquis de Sourches sur le règne de Louis XIV: en 13 vol. Paris: Librairie Hachette, 1889. Vol. IX. 455 p.
9. Éloge historique de Louis-Joseph, duc de Vendôme, généralissime des armées de France et d'Espagne. Marseille: l'Académie de Marseille, 1783. 106 p.
10. Heller F. Militarische Korrespondenz des Prinzen Eugen von Savoyen: in 2 bands. Wien: Carl Gerold, 1848. Band II. 688 s.
11. Henderson N. Prince Eugen of Savoy. New York - Washington: Frederick A. Praeger, 1965. 324 c.
12. Journal du marquis de Dangeau: en 19 vol. Firmin-Didot: Paris, 1857. Vol. 10. 504 p.
13. Lamberty G. de. Memoires pour servir à l'histoire du XVIII siècle: en 3 vol. La Haye: Henry Scheurleer, 1727. T. III. 506 p.
14. Legestre L. éd. par. Mémoires de Saint-Hilaire: en 5 vol. Paris: Librairie Renouard, 1911. Vol. IV. 358 p.
15. L'Etat de Milan divisé en ses principales parties, avec partie des Etats de Venise et des duchés de Modene, Mantoue et Parme / Gallica, Brussel, [Elektronnyi resurs] URL: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/btv1b106786479/f1.item.zoom#> (data obrashcheniya 31.08.2024).
16. Mémoires pour servir à l'Histoire de monsieur le Chevalier de Folard. 1753. Ratisbon. 148 p.
17. Pele J. J. G. Atlas des mémoires militaires relatifs à la succession d'Espagne sous Louis XIV. Paris: Imprimerie Royale, 1836. 161 p.
18. Pelet J. J. G., Vault F. E. de le. Mémoires militaires relatifs à la Guerre de la Succession d'Espagne. Paris: Imprimerie Royale, 1838. Vol. IV. 1092 p.
19. Périni Hardy de. Batailles françaises. Ernest Flammarion. Paris, 1900. Vol. IV. 496 p.
20. Rechcron I. R. von. Feldzuge des Prinzen Eugen von Savoyen. Wien: Verlag des K.K. Generalstabes, 1881. Serie I. Band VII. 1137 s.
21. Quincy J. S. Mémoires du Chevalier de Quincy: en 3 vol. Paris: Librairie de la Société de l'histoire de France, 1899. Vol. 2. 414 p.
22. Quincy Sh. S. Histoire de Militaire du Règne de Louis le Grand, Roi de France: en 7 vol. Paris: Rue Saint Jacques, 1726. Vol. IV. 742 p.

The experience of reconstructing the intellectual culture of the gentry based on the material of estate libraries

Emeljanova Vera Pavlovna

applicant; Institute of Human Philosophy, A. I. Herzen Russian State Pedagogical University
 Leading bibliographer; Fundamental Library named after Empress Maria Feodorovna; Russian State
 Pedagogical University named after A. I. Herzen

188678, Russia, Leningrad region, Vsevolozhsky district, Murino, Privokzalnaya square, 1-AK. 2

Abstract. The study focuses on intellectual culture of the nobility in the Russian Empire from the 18th to the first half of the 19th century. The research aims to reconstruct the cultural practices of the intellectual elite among the enlightened nobility by analyzing their reading circles and literary practices. Special emphasis is placed on manor libraries, as this period witnessed the flourishing of Russian manor culture, a time when many nobles, freed from obligatory service, relocated to their manors. This led to a redistribution of intellectual capital across the empire and the emergence of a unique phenomenon: manors as semi-autonomous "states within a state," often forming self-contained microcosms. Manor culture, largely independent and minimally influenced by church or academic intellectual elites, continued to evolve, showing the results of intra-class intellectual practices, particularly self-education. Personal libraries, serving as the cornerstone of this development, adapted to the changing needs of the nobility. The research employs the method of cultural reconstruction, utilizing estate library catalogs, archival and ego-documents (memoirs, letters), and material sources (estate interiors) to restore elements of noble intellectual culture. The methodology includes source identification, content analysis, comparative studies of library catalogs, and a biographical approach. The key findings of the study are: firstly, from the late 18th century estate libraries functioned as hubs for accumulating practical, scientific, and life knowledge, sustaining and disseminating the culture of the noble intellectual elite from the capital to the provinces. Secondly, the growth of estate intellectual culture, driven by personal libraries, fostered patronage, educational support, and scientific-technical advancements in remote regions of the empire. The novelty of this work lies in its introduction of previously unexamined sources (data on specific publications in estate libraries) as well as in the integration of research findings and materials that had previously been confined to different academic disciplines.

Keywords: cultural reconstruction, XVIII century, cultural history, personal libraries, manor culture, nobility, intellectual culture, Russian Empire, ego-documents, Enlightenment

References (transliterated)

1. Kinan P. Sankt-Peterburg i russkii dvor, 1703–1761. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2020. 320 s.
2. Ivanova N. A., Zheltova V. P. Soslovnoe obshchestvo Rossiiskoi imperii (XVIII – nachalo XX veka). M.: Novyi khronograf, 2009. 752 s.
3. Benda V. N. "Obyazatel'nost'" sluzhby dvoryanskogo sosloviya i osobennosti ee prokhozhdeniya v russkoi armii v XVIII v. // Juvenis Scientia. 2019. № 8. S. 8-11. DOI: 10.32415/jscientia.2019.08.02
4. Kel'reiter I. G. Predlozhenie o razvode v Rossii shelkovichnykh derev'ev, a osoblivo o vyroshchenii iz onykh semyan ikh, sochinennoe I. G. Kel'reiterom, meditsiny doktorom i istorii natural'noi i botaniki ad"yunktom // Ezhemesyachnye sochineniya, k pol'ze i uveseleniyu sluzhashchie. 1757. Iyul'. S. 54-65.
5. Lokk Dzh. Sochineniya v trekh tomakh. M.: Mysl', 1988. T. 3. 668 s.
6. Berkov P. N. Lomonosov i literaturnaya polemika ego vremeni: 1750–1765. M.-L.: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1936. 324 s.
7. Tsarikaeva S. S. Provintsial'noe dvorianstvo Rossii // Izvestiya PGU im. V. G. Belinskogo. 2007. № 8. S. 149-153.
8. Murav'eva L. A. Finansovaya politika Ekateriny II // Finansy i kredit. 2010. № 22 (406).

S. 72-80.

9. Malandina T.V. Virtual'naya 3D-rekonstruktsiya inter'erov podmoskovnykh usadeb XVIII – nachala XX vekov: paradnye inter'ery usadebnogo kompleksa Nikol'skoe-Uryupino // Istoricheskaya informatika. 2021. № 2. S. 134-170. DOI: 10.7256/2585-7797.2021.2.36029 URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=36029
10. Kryuchkova M. A., Parusheva V. G. Russkii Versal': Usad'by knyazei Golitsynikh Arkhangel'skoe i Nikol'skoe-Uryupino. M.: Russkii mir, 2012. 336 s.
11. Murashko O. Yu. "Knigokhranilishche, kumiry i kartiny": knizhnaya kolleksiya knyazei Yusupovykh // Bibliosfera. 2017. № 2. S. 67-71. DOI: 10.20913/1815-3186-2017-2-67-71
12. Kevroleva-Konopleva L. Obshchii ocherk usadebnykh bibliotek // Vologodskaya Sovetskaya Publchnaya biblioteka. God raboty (9 fevralya 1919 g. – 9 fevralya 1920 g.). Vologda, 1920. S. 26-27.
13. Dashkova E. R. Zapiski knyagini E. R. Dashkovo pisannya eyu samoi. London: Trübner & Co, 1859. 522 s.
14. Artem'eva T. V. Vizualizatsiya pedagogicheskikh idei v kul'ture Rossii i Evropy epokhi Prosveshcheniya // Sravnitel'nye issledovaniya v obrazovanii: keis Rossii. Sankt-Peterburg, 2023. S. 127-147.
15. Novikov N. I. Izbrannye sochineniya. M.; L.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoi literatury, 1951. 786 s.
16. V. I. Panaev. Vospominaniya V. I. Panaeva // Vestnik Evropy. Sankt-Peterburg, 1867. Tom 3. S. 193-270.
17. Russkii byt. Po vospominaniyam sovremennikov. XVIII vek. Ot Petra do Ekateriny II-i (1698–1761 gg.) : sbornik otryvkov iz zapisok, vospominanii i pisem. M.: Zadruga, 1914. Chast' I. 430 s.
18. Brovina A., Roshchevskaya L. Lichnye biblioteki Severa Rossii // BUK VO "Oblastnaya universal'naya nauchnaya biblioteka": ofitsial'nyi sait. Syktyvkar, 2000. URL: <https://www.booksite.ru/fulltext/bro/vina/1.htm> (data obrashcheniya: 26.06.2025).
19. Smilyanskaya E. B. Dvoryanskoe gnezdo serediny XVIII veka: T. Tekut'ev i ego «Instruktsiya o domashnikh poryadkakh». M.: Nauka, 1998. 204 s.
20. Gennadi G. N. Biblioteki grafa D. P. Buturlina i ikh katalogi // Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya. 1856, № 4. S. 1-10.
21. Buturlin M. D. Zapiski grafa M. D. Buturlina. M.: Lyubimaya kniga, 2006. 651 s.

The tradition of vaudeville in the dramaturgy of B. Ratser and V. Konstantinov. The structure of the genre in vaudeville "Natural Disaster"

Isakova Polina Aleksandrovna

Postgraduate student; Department of Variety Art and Musical Theater, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education 'Russian State Institute of Performing Arts'

33-35 Mbkhovaya Street, Saint Petersburg, 191028

 isakovap@mail.ru

Abstract. The object of this research is vaudeville genre in dramaturgy of Boris Ratser and Vladimir Konstantinov, whose works enjoyed wide popularity among audiences in Soviet theater during the 1970s and 1980s, yet remained on the periphery of scholarly and critical attention. Despite considerable contribution these playwrights have made to the development

of Soviet theater, their plays were rarely subjected to analysis, and the genre-specific characteristics of their works remained practically unexplored. The play "Natural Disaster" was chosen as the subject of study, representing a typical example of Soviet vaudeville. Author has attempted to fill the gap in the study of the co-authors' legacy, focusing on the structural and genre features of vaudeville as presented in the works of Ratser and Konstantinov. The study examines characteristic traits of comedic and musical elements, the interaction of stage action with elements of satire, and the features of dramaturgical construction that reflect the specifics of vaudeville. Article is based on use of structuralism, cultural-historical, comparative-historical, descriptive, analytical, and other methods. Novelty of study lies in the fact that, despite well-documented nature of the vaudeville genre in the 19th and early 20th centuries by theater scholars, a significant oversight is the lack of attention to playwrights of the second half of the 20th century, whose work includes vaudeville themes, among whom are certainly Vladimir Konstantinov and Boris Ratser. Result of research includes the gaming strategies of the mentioned playwrights at both plot and stylistic levels, first discovered and studied within the framework of this article. In terms of plot, co-authors employed a popular vaudeville thematic group (matrimonial relationships), combining themes of matchmaking, quarrels between loving spouses, marriage of convenience, courtship of the bride in a competitive manner, and the relationships of lovers hindered by external obstacles. The author studies both the plot-compositional structure of the play and the language of the said vaudeville, which became an essential component in creating a comic effect. The lightness of the dialogue, rich in puns, metaphors, aphorisms, and wordplay, which forms the basis of the play, provides the necessary sparkle and expressiveness to the characters' remarks. The representation of Konstantinov and Ratser's repris demonstrates a play of wit that finds expression in wordplay.

Keywords: vaudeville language, compositional organization of the plot, matrimonial relations, vaudeville theme, Natural disaster, Konstantinov, Ratser, genre, vaudeville, intrigue

References (transliterated)

1. Estrada Rossii. KhKh vek [Tekst] : entsiklopediya / [otvetstvennyi redaktor E. D. Uvarova]. – Moskva : OLMA-Press, 2004. – 861 s.
2. Al'shits D. N. Mne ne khvataet ego tonkogo yumora [Elektronnyi resurs] / D. N. Al'shits. – URL: <https://nvspb.ru/2010/02/19/mne-ne-hvataet-ego-tonkogo-yumora-41791?ysclid=lcu6luv6uh721394279> (data obrashcheniya 17.01.2023).
3. Belyaev Yu. D. Stat'i o teatre / Yu. D. Belyaev ; Sost., vstupit. st., komm. Yu. P. Rybakovoi. – SPb.: Giperion, 2003. – 432 s. (Russkaya khudozhestvennaya letopis'. II.) EDN: QXPQGD.
4. Russkie vodevilisty // Teatr i iskusstvo. 1898. № 52. S. 968 – 969.
5. Evreinov N. N. Iстория русского театра / N. N. Evreinov. – M.: Eksmo, 2011. – 477 s.
6. Belinskii V. G. Poln. sob. soch. : v 13-ti t. – M., 1953. T. 1. – 574 s.
7. Dovesti do kontsa bor'bu s nepmanskoj muzykoi. – Moskva : Gos. muz. izd-vo, 1931. – 111 s.
8. Osovtsov S. "Smeyat'sya, pravo, ne greshno..." // Neva. 2002. – № 6. – S. 236-240.
9. Entsiklopedicheskii slovar' "Literary Sankt-Peterburga. XX vek" Ratser Boris Mikhailovich, Knizhnaya lavka pisatelei [Elektronnyi resurs] / – URL: <https://lavkapisateley.spb.ru/enciklopediya/r/racer-> (data obrashcheniya 01.05.2025).
10. Belinskii A. A. Zapiski starogo spletnika : Memuary / Aleksandr Belinskii. – 3. izd., dop. i ispr. – Moskva : AST-press kn., 2002. – 300 s.

11. Melikhan K. S. Padayushchie zvezdy / K. S. Melikhan // Neva. – 2004. – № 4. – S. 120–132.
12. Abramova M. Lyubvi vse vozrasty pokorny [Elektronnyi resurs] / M. Abramova. – URL: <http://www.teatr.ru/docs/tpl/new.asp?id=3690&> (data obrashcheniya 18.01.2023).
13. Vvedenie v literaturovedenie : uchebnik dlya studentov vysshikh uchebnykh zavedenii, obuchayushchikhsya po spetsial'nosti "Russkii yazyk i literatura" / [N. L. Vershinina i dr.] ; pod obshch. red. L. M. Krupchanova. – M. : Oniks, 2005. – 416 s.
14. Konstantinov V. K., Ratser B. M. Stikhiinoe bedstvie : Lir. vodevil' / Otv. red. N. Kaminskaya. – M. : VAAP-Inform, 1981. – 67 l.
15. Bogdanov I. A. Postanovka estradnogo nomera : ucheb. posobie dlya studentov vuzov / I. A. Bogdanov // Sankt-Peterburg : S.-Peterb. gos. akad. teatr. iskusstva, 2004. – 317 s. EDN: QXRCNN.
16. Arlov V. E. Razgovornye zhany estrady i tsirka. Zametki pisatelya / V. E. Arlov. – M. : Iskusstvo, 1968. – 230 s.